

В. А. БУХАНОВ

ГИТЛЕРОВСКИЙ
«НОВЫЙ ПОРЯДОК» В ЕВРОПЕ
И ЕГО КРАХ
1939 — 1945
(идейно-политические проблемы)

ЕКАТЕРИНБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1994

Научный редактор доктор исторических наук *А. И. Боровняк*

Рецензенты: доктор исторических наук *А. И. Гинзбург*;
кафедра новой и новейшей истории Львовского университета

Редактор *Е. И. Маркина*

Буханов В. А.

Б94 Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах.
1939—1945 (идейно-политические проблемы).— Екатеринбург:
Изд-во Урал. ун-та, 1994.— 168 с.

ISBN 5—7525—0291—8

В монографии исследуются идеологические обоснования ортодоксального и прагматического вариантов национал-социалистического «нового европейского порядка» в годы второй мировой войны, столкновения представителей различных направлений нацистского европеизма на уровнях стратегии и тактики рейха, а также изменения, происходившие в европейских планах германского фашизма под воздействием войны. Широко используются архивные материалы и литература ряда государств.

Для специалистов и всех интересующихся историей национал-социализма и второй мировой войны.

Б 0503010000—31
182(02)—94

ББК ТЗ(0)61—49

ISBN 5—7525—0291—8

© В. А. Буханов, 1994

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. НА ПУТИ К «НОВОМУ ЕВРОПЕЙСКОМУ ПОРЯДКУ» (СЕНТЯБРЬ 1939 — НОЯБРЬ 1942)	9
1.1. Жизненные пространства подлинные и мнимые	9
1.2. Организация великого пространства	20
1.3. Общество европейского экономического планирования и великопро- странственной экономики	34
1.4. Европейская стратегия Розенберга в начале второй мировой войны	52
1.5. Имперское министерство по делам оккупированных восточных об- ластей	70
2. ПРОВАЛ НАЦИСТСКИХ ПЛАНОВ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЕВРОПЫ (НОЯБРЬ 1942 — МАЙ 1945)	84
2.1. Перспективы «нового европейского порядка» после Сталинградской битвы	84
2.2. Европейская конфедерация	90
2.3. Европейский социализм	100
2.4. «Европейский план» оперативного штаба Розенберга	114
2.5. Европейская политика национал-социализма в конце войны	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
ПРИМЕЧАНИЯ	138
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	163

ВВЕДЕНИЕ

В истории войны и мира первая половина XX века навсегда останется временем двух мировых войн. Опустошительным ураганом пронеслись они над планетой, повсюду убивая жизнь и попирая свободу человека, но их эпицентр неизменно находился в Европе. Это не случайно. На европейском континенте в единый тугой узел сплелись сложнейшие противоречия, имманентно присущие нашему столетию.

Из двух мировых войн самой жестокой была вторая. Она принесла с собой небывалое столкновение различных социальных систем и потому не могла не сопровождаться грандиозным идеологическим противоборством. Война на Востоке Европы вылилась со стороны фашистской Германии в настоящую кровавую бойню, в войну на уничтожение по мировоззренческим, политическим и национальным мотивам, в сравнении с которой меркнут даже религиозные конфликты средних веков. Во второй мировой войне решался вопрос и о перспективах самого капитализма, о том, какой облик он примет в будущем, сохранится ли у него способность развиваться в условиях демократии или он будет полностью либо частично фашизирован — со всеми вытекающими отсюда непредсказуемыми последствиями. И на Востоке и на Западе Европы война с нацистским рейхом велась не на жизнь, а на смерть.

Гитлеровская Германия развязала и вела войну под флагом «нового европейского порядка». Но что скрывалось за этим аморфным термином, который на первый взгляд выглядел довольно привлекательно и уж, во всяком случае, не содержал в себе никакой угрозы? В самом общем виде мы знаем ответ. Нет сомнений, что в данной формулировке нашло отражение присущее правящим кругам рейха стремление к экспансии и мировому господству¹. В этом смысле указанный термин был широко распространен в Германии и до установления фашистской диктатуры, особенно среди реакционных движений и групп времен Веймарской республики. Ну, а имел ли он какие-либо отличительные черты в национал-социалистическом варианте?

За прошедшие после разгрома нацистской Германии годы в нашей стране изданы десятки книг по немецкой истории новейшего времени. Международную известность получили монографии с историко-социологическим анализом фашизма². Исследовалась внут-

рения политика режима, его подготовка к агрессивной войне, деятельность немецких монополий по укреплению военно-экономического потенциала, военно-политическая стратегия рейха, политика Германии в оккупированных странах и областях³. Воссоздавалась история ее внешней политики, в том числе закулисные маневры нацистской дипломатии в январе — мае 1945 г.⁴ Изучалась история антифашистского Сопротивления⁵. Объектом все возрастающего внимания становилась немарксистская историография фашизма и войны⁶.

Ни одна из названных книг не обходится без упоминания о гитлеровском «новом порядке» в Европе. При этом, однако, в отечественной исторической литературе наблюдается почти полное отсутствие монографических исследований по данной теме⁷. И дело даже не в чисто количественных параметрах. В нацистском европеизме в наиболее концентрированном виде обнажалась природа и, так сказать, историческая миссия национал-социализма. Пронизывая все без исключения структурные элементы режима, его идеологию и преступную практику, гитлеровский «новый порядок» был вездесущ, и в этом кроется дополнительная трудность изучения темы. Ее разработкой не занимались, во-первых, ввиду ее кажущейся очевидности. Во-вторых, недооценка темы была в значительной степени предопределена тем исследовательским подходом, который предполагал обязательное наличие жестко детерминированной сцепки «монополии — фашизм». При таком подходе не было особой нужды в исследовании существовавшего при фашизме политического режима или, например, нацистской идеологии. В связи с этим громадное значение имеет сделанный нашими историками вывод об относительной самостоятельности режимов фашистского типа⁸. Все большую ценность приобретают изданные в стране философские и исторические труды по идеологии германского фашизма⁹.

Именно в идеологических догмах национал-социализма коренилась нацистская идея «новой Европы». Мало того, она, как заметил в начале 60-х гг. А. С. Ерусалимский, являлась своеобразным стержнем идеологической системы нацизма. А. С. Ерусалимский особо подчеркивал эффективность воздействия национал-социалистической идеологии (и, следовательно, идеи «нового европейского порядка»), ее искусную приспособляемость к «психическому складу и настоящим или иллюзорным потребностям различных слоев населения — и притом довольно широких»¹⁰. Остается актуальным замечание историка о «задержке» крушения этой идеологии вплоть до безоговорочной капитуляции рейха¹¹.

Идеология национал-социализма претерпевала постоянные изменения, особенно в период войны. Да и сами представления нацистских теоретиков о «новой Европе» отнюдь не являли собой однуединственную концепцию, прочный монолит, как было принято счи-

тать прежде. Внутри НСДАП генерировались на этот счет различные идеи, иногда почти совпадающие друг с другом, но чаще всего альтернативные, и все это так или иначе сказывалось на принятии внешнеполитических решений. В фашистской Германии имелось множество организаций, занимавшихся идеологическим и пропагандистским обеспечением европейской стратегии рейха. В НСДАП это расово-политический отдел, отдел пропаганды, внешнеполитическое бюро, аппарат уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии (два последних ведомства возглавлял крупный нацистский деятель и теоретик А. Розенберг), так называемое бюро Риббентропа и некоторые другие. Среди высших правительственных учреждений — руководимое Геббельсом министерство информации и пропаганды, министерства иностранных дел, экономики, другие ведомства. Идеологическими функциями была наделена «империя смерти» Гиммлера. Европейская пропаганда осуществлялась также по каналам монополий и предпринимательских организаций, всевозможных обществ, по линии научных связей и т. д.

Дифференцированные интересы партийно-правительственной бюрократии, генералитета, финансово-промышленных группировок, научных и иных кругов, экстраполируя наверх, порождали сложную гамму интересов политических, в том числе внешнеполитических, и, помноженные на идеологические постулаты национал-социализма, формулировались в виде синтетических идей «нового европейского порядка». Но в таком случае нацистский европеизм являлся концентрированным выражением идеологии, политики и экономики гитлеровского рейха. Вот почему изучение идеологических мотивировок нацистского «нового порядка» на европейском континенте способно навести на серьезные размышления о германском национал-социализме, да и о феномене фашизма вообще.

Особая роль в формировании и реализации европейской идеологии нацизма принадлежала «империи» Розенберга, состоявшей не только из партийных, но и из правительственных учреждений. Розенберг — с его фанатичной приверженностью национал-социалистическому мировоззрению (даже после войны, находясь вместе с другими главными немецкими военными преступниками на скамье подсудимых в Нюрнберге, он утверждал, что «национал-социализм был европейским ответом на вопросы, поставленные нашим столетием»¹²), с его неумеренными амбициями и вместе с тем очевидной слабостью в бесконечной «гонке наверх» — был, пожалуй, наиболее одиозной фигурой среди ведущих нацистских европеистов. Еще в двадцатые годы он приступил к философскому обоснованию европейской идеи национал-социализма и на этой основе разработал рекомендации в сфере внешней политики будущего третьего рейха.

Европейская концепция Розенберга исходила из необходимости

достижения англо-германской сделки на почве полюбовного раздела мира, причем гитлеровской Германии досталась бы вся Европа, включая СССР, а Великобритании на первых порах гарантировалась бы целостность ее колониальной империи. Накануне второй мировой войны, однако, в рейхе возникла еще одна концепция, связанная с именем И. фон Риббентропа, — она покоилась на идее антибританского соглашения Германии, Италии и Японии. Розенберг призывал к антисоветскому походу всех европейских держав (разумеется, под германским руководством). Риббентроп же, учитывая остроту англо-германских противоречий, на первое место ставил борьбу с Великобританией и только после ее поражения полагал обещающим успех нападения на Советский Союз¹³.

Гитлер, принимая во внимание стратегические реалии, сложившиеся в Европе и мире к концу 30-х годов, начал вторую мировую войну не по розенберговским рецептам, а в соответствии с предложениями Риббентропа. Курс был взят на серию войн, в ходе которых нацисты намеревались расправиться сначала с Францией и Англией, а затем с СССР и установить на континенте свой «новый порядок». При таких обстоятельствах европеистские установки «империи» Розенберга подверглись в годы войны известной модификации, и важно определить, какой именно.

Сделанных пояснений к теме нашего исследования вполне достаточно для того, чтобы сформулировать основные задачи монографии — изучить мотивировки нацистского «нового порядка» в Европе, исходившие из подразделений розенберговской «империи» в 1939—1945 гг.; сопоставить их с представлениями о «новой Европе» других фюреров гитлеровского рейха, прежде всего Риббентропа, а также Гиммлера, Геббельса и других; исследовать специфику противоречий между «империями» Розенберга и Риббентропа по евро-стратегическим вопросам в период войны; выяснить, в каком направлении эволюционировал национал-социалистический европеизм и к каким итогам он пришел.

Исследование нацистского «нового европейского порядка» через призму деятельности розенберговской «империи» представляется чрезвычайно перспективным. В таком ключе данная тема в отечественной исторической литературе еще не рассматривалась. Насколько нам известно, так же обстоит дело и в зарубежной историографии, лидирующие позиции в которой занимает вновь объединившаяся Германия.

В немарксистской историографии ФРГ существуют три основных подхода к исследованию всего того, что относится к фашистскому комплексу. Один из них исходит из широко понимаемого «примата политики», другой — из «примата экономики», для третьего характерно стремление синтезировать первый со вторым. Первый исследовательский подход условно можно назвать «историко-политиче-

ским», второй — «социально-экономическим»¹⁴, третий — «синтетическим». Последний, оплодотворяя «историко-политический» и «социально-экономический» подходы и в то же время вбирая в себя наиболее перспективные их элементы, оказался в последние годы как нельзя более кстати для подготовки крупных обобщающих трудов, таких как фундаментальное издание «Германский рейх и вторая мировая война»¹⁵. Пятый том этого издания посвящен вопросам формирования гитлеровского «нового порядка» в Европе в период второй мировой войны. Но в нем не исследуются такие интересующие нас проблемы, как саморазвитие европейской концепции Розенберга в 1939—1945 гг., соперничество «империй» Розенберга и Риббентропа по вопросам, связанным с установлением на континенте национал-социалистического «нового порядка» и др. В известной мере пробел восполняется в монографиях Г. Нойлена и Р. Жиордано, а также в работе американского историка Р. Херцстайна¹⁶, которые вплотную приблизились к постановке, а в ряде случаев и к решению поставленной нами проблемы.

Предлагаемая вниманию читателя монография проблемно и хронологически продолжает наше предыдущее исследование¹⁷. Автор выражает глубокую благодарность коллективу кафедры новой и новейшей истории Уральского университета, равно как и германистам, работающим в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах Москвы, Львова, Челябинска и других городов, за ценные советы, сделанные при подготовке рукописи к печати.

1990 г.

1. НА ПУТИ К «НОВОМУ ЕВРОПЕЙСКОМУ ПОРЯДКУ» (СЕНТЯБРЬ 1939 — НОЯБРЬ 1942)

1.1. Жизненные пространства подлинные и мнимые

В терминологическом ряду национал-социализма одно из первых мест занимали такие несущие субстанциональную нагрузку понятия, как «новый порядок» и «жизненное пространство». Неразрывная связь между ними обуславливалась в первую очередь их принципиальной ориентацией на глобальное переустройство мира в духе нацистских идей, причем изначально подразумевалась практическая невозможность реализации «нового порядка» без захвата великого жизненного пространства. Иными словами, насильственное приращение к рейху дополнительного жизненного пространства и его организация составляли важнейшую интегральную часть «нового порядка».

Самыми тесными узлами проблема жизненного пространства соединялась с общей проблемой колоссального значения — проблемой целей германского фашизма во второй мировой войне. Дело в том, что планы установления полного господства фашистской Германии над европейским континентом составляли основу внешнеполитической программы нацистского режима. О необходимости завоевания нового жизненного пространства на Востоке Европы и его беспощадной германизации как важнейшей государственной задаче Гитлер говорил уже 3 февраля 1933 г., еще не успев как следует освоиться в кресле рейхсканцлера. Та же цель ставилась фюрером 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г.¹ и на других совещаниях, когда военно-политическое руководство рейха принимало стратегические решения об аншлусе Австрии, поглощении Чехословакии, нападении на Польшу.

Не будет преувеличением сказать, что в понятии «жизненное пространство» как в капле воды сфокусировалась вся захватническая программа национал-социализма. Им охватывалось все: и судьба покоренных Германией народов, и политическая реорганизация Европы, и «новый порядок» в экономической и социальной жизни. Но что же это такое — жизненное пространство? Как этот термин интерпретировался в нацистской литературе?

С 1939 г. данный вопрос оказался в центре внимания теоретиков НСДАП, не случайно усмотревших в нем ключ к программе «нового европейского порядка». Проблема жизненного пространства стала предметом оживленной полемики на страницах специальных изданий². В ней принимали участие специалисты по международному праву, геополитики и биополитики; последние считали себя истинными носителями мировоззренческих ценностей национал-социализ-

ма. В ходе полемики уточнялись представления нацистских теоретиков о сущностных, структурных и функциональных аспектах жизненного пространства. В немалой степени это объяснялось реалиями войны, приведшими к захвату немецкими войсками Польши, оккупации Дании и Норвегии, капитуляции Бельгии, Голландии и Франции, к победоносной кампании вермахта в Юго-Восточной Европе, наконец, к первоначальным успехам немецко-фашистских армий в агрессивной войне против СССР. «Быстрое и значительное увеличение пространства...— писал в 1941 г. один из ближайших подручных Гимлера по главному управлению имперской безопасности В. Бест,—вынуждает к пересмотру всех понятий, принципов, а также форм, в которых до сих пор происходило осуществление организующей власти»³. Вместе с тем формирование антигитлеровской коалиции и вступление в войну США (декабрь 1941 г.) не могли не оказать мощного дополнительного воздействия на полемистов.

Основой дискуссии послужили опубликованные весной—летом 1939 г. работы крупного немецкого эксперта по вопросам международного права профессора К. Шмитта⁴, известного еще с веймарских времен своими активными нападениями на демократию и сочинениями в пользу авторитарной диктатуры⁵.

Шмитт первый в фашистской Германии не только сформулировал положение о великом пространстве как субъекте международного права, идущем на смену государству (или союзу государств), но и обратил внимание на некоторые положения принятой в 1823 г. американской доктрины Монро⁶, вполне пригодные, по его мнению, для перенесения на европейскую почву в интересах «нового порядка». На доктрину Монро и раньше ссылались в третьем рейхе, о ней, например, было упомянуто в известном заявлении Гитлера от 28 апреля 1939 г. («точно такую же доктрину теперь выдвигаем для Европы мы, немцы»⁷), но в сочинениях Шмитта присутствовал ряд новых оценок.

В отличие от других К. Шмитт полагал, что со времени своего провозглашения доктрина Монро претерпела довольно сложную эволюцию и сейчас, в XX веке, мир имеет дело с фальсифицированной доктриной Монро. Если первоначально она использовалась в целях отражения вмешательства европейских держав в процессы, происходившие в странах Латинской Америки, то чем дальше, тем больше ее стали применять для оправдания империалистической политики США. Если в основе подлинной доктрины Монро лежал принцип права (регионального размежевания) с запрещением вмешательства пространственно чуждых сил, то фальсифицированная доктрина Монро зиждется на принципе универсального мира, не имеющем ничего общего с международным правом, исповедующем лишь беспредельную экспансию и либеральные идеи свободы.

Подлинная доктрина Монро, по Шмитту, была сознательно искажена на рубеже XIX и XX веков при президентах Т. Рузвельте и В. Вильсоне. Именно тогда идея разумного пространственного разграничения превратилась в «право идеологического вмешательства во всем мире», становящееся на пути «естественного развития живых народов»⁸. С такой фальсифицированной доктриной Монро у Германии и Европы не может быть ничего общего. Напротив, следует воздать должное подлинной доктрине Монро, специфической чертой которой являлся-де принцип невмешательства пространственно чуждых сил в дела других великих пространств. «Таким образом,— приходит к заключению К. Шмитт,— ссылаясь на доктрину Монро, мы не просто копируем американский образец, а лишь обнажаем здоровое ядро международно-правового принципа организации великого пространства»⁹.

Профессору импонировала еще одна идея, заложенная, как он полагал, в доктрине Монро, а именно идея рейха как политического руководителя великого пространства. Нельзя представить себе великое пространство без рейха, как и всякий рейх немислим без принадлежащего ему великого пространства. Как же не использовать столь важную мысль для реорганизации Европы!

Вот эти-то две идеи — руководимого рейхом великого пространства с обязательным запрещением вмешательства пространственно чуждых сил — и составляли суть в общем незамысловатой схемы Шмитта. Казалось, что в ней наилучшим образом учтены стратегические интересы германского фашизма и отражены по меньшей мере внешние атрибуты программы «нового европейского порядка», сводившиеся к международно-правовому регулированию отношений между будущими великими пространствами мира. Тем не менее схему К. Шмитта подвергли весьма суровой критике.

Среди самых активных оппонентов Шмитта назовем В. Беста, В. Штуккарта, Р. Хёна и В. Дайца — представителей биополитического направления в национал-социализме. По их версии, национал-социализм — это «органически-биологическое мировоззрение», «биология, используемая в политических целях»¹⁰, причем термин «биологический» трактовался в данном случае как «соответствующий законам жизни». «Для нас,— утверждал, например, биополитик В. Лонгерт — высшим судьей является жизнь... На вопрос, какая исходная посылка истинна — исходящая от живой жизни или от мертвой материи, мы отвечаем — исходящая от жизни. В своем «Мифе» Альфред Розенберг называет это органической истиной»¹¹.

Понятно, что биополитики буквально в штыки встретили абстрактно-академические рассуждения К. Шмитта. По их представлениям, в методологическом плане Шмитт так и остался на старых позициях уходящей буржуазно-либеральной эпохи, он в лучшем слу-

чае лишь воспринял категориальный аппарат нацистского мировоззрения, ни на йоту не приблизившись, однако, к постижению его сущности. Поэтому если одни биополитики были не прочь воспользоваться отдельными элементами шмиттовской схемы, то другие отвергали ее вообще.

Ссылаясь на то, что «понятия суть программы», биополитики критиковали Шмитта главным образом под методологическим углом зрения. В первую очередь они поставили под сомнение предлагавшийся Шмиттом международно-правовой принцип организации великого пространства, которому В. Бест противопоставил принцип народной организации¹². При этом речь шла о вполне определенной идеологии, усматривающей действительность человечества в соединенных одной расой народах, а не в отдельных людях. «Ее противоположностью,— писал Бест в одной из своих статей,— является эгоистическая (индивидуалистически-гуманитарная) идеология, в качестве человеческой действительности признающая отдельного человека»¹³. В зависимости от того, что составляло сердцевину идеологии — тотально организованный народ либо беспредельно свободный индивидуум, расовую доктрину национал-социализма отделяли от либерально-буржуазных взглядов.

Другой биополитик, занимавший пост статс-секретаря министерства внутренних дел рейха, В. Штуккарт, поддерживая позицию Беста, отмечал, что европейские народы должно соединять не расплывчатое и неясное международное право, а право континентальное, находящееся в соответствии с потребностями естественной жизни народов Европы¹⁴.

«Так называемое международное право, из-за которого еще и сегодня спорят ученые,— уточнял точку зрения Штуккарта ближайший сотрудник Розенберга В. Дайц,— распадется на биологически-региональные, то есть привязанные к жизненным пространствам правовые формы. В перспективе каждое жизненное пространство будет иметь свое собственное... право»¹⁵.

К. Шмитта упрекали также за трактовку государства с позиций вчерашнего дня, за склонность видеть в нем абстрактное и застывшее содержание, общую категорию, применимую ко всем временам и народам. Между тем, полагали биополитики, представления о государстве постоянно меняются вслед за изменением политической и социальной действительности. Скажем, национал-социализм сформулировал концепцию государства как жизненной функции народа, примата расовой народной общности над государством. Иными были взгляды «буржуазных либералов»¹⁶. Для них, по мнению гиммлеровского консультанта профессора Р. Хёна, характерно распространение на государство принципов либерального индивидуализма, воплотившихся в государственном суверенитете.

С либеральной точки зрения (как ее понимали нацисты), вели-

кая держава — это не что иное, как индивидуально-государственный суверенитет, помноженный на сферу внешней политики. Каждая великая держава, стремясь упрочить свою мощь, посредством экспансии либо войн создает зависимую от себя систему государств. Но такая сфера влияния, как считали биополитики, изначально не имеет ничего общего с типичной для национал-социализма организацией пространства¹⁷. Высшего уровня развития принципы буржуазно-либерального индивидуализма достигли в конце XIX века, когда «государственный и экономический индивидуализм сливаются воедино и толкают великую державу в положение... капиталистически суверенного... сверхгосударства»¹⁸. С этого времени великие державы, опять же с помощью силы, превращаются в мировые державы, лицемерно провозглашающие лозунг невмешательства других в свою сферу влияния для защиты собственной империалистической политики. Внешняя политика мировых держав — это политика насилия и войны, размежевание их интересов основывается не на подлинных интересах народов, а на все тех же либерально-индивидуалистических принципах. Ярким подтверждением тому являются первая и только что начавшаяся вторая мировая война.

Мировую державу, руководящую своей сферой влияния (великим пространством), К. Шмитт называл рейхом. Но «если Шмитт, — язвительно заметил В. Бест, — указывает на «прежнюю историю международного права, которая в действительности является историей рейхов», и констатирует, что «ни один такой рейх не существовал без великого пространства», то возникает вопрос, что же, собственно говоря, тогда изменяется с «открытием» «международно-правовой организации великого пространства» по сравнению с прежним состоянием»¹⁹. Кроме того, в такой позиции биополитики усматривали недопонимание Шмиттом существа нацистского рейха. Согласно точке зрения Р. Хёна, тот, кто смотрит на новую действительность лишь глазами старого учения о государстве, замечает в великом пространстве только «простое распространение государственной власти на других и... умаление государственного суверенитета включенных в него народов»²⁰.

Профессор Хён обнаружил еще один методологический изъян шмиттовской схемы. Ему показалось, что принцип невмешательства пространственно чуждых сил является у Шмитта эквивалентом понятия «*Politisches*», которое тот применял для наиболее общей характеристики теории международных отношений; в основе этого термина лежало ясное различие друга и врага. В интерпретации Хёна понятие «*Politisches*» вполне применимо не только к отношениям между государствами, но и к взаимоотношениям великих пространств. Но тем самым великие пространства приравнивались к искусственным образованиям, не имеющим ни внутренних, ни прочных внешних связей. Решающим в случае конфликтов между ними ста-

новилося бы выяснение одного-единственного вопроса — «друг ты или враг»²¹. Межпространственные отношения такого рода, считал профессор Хён, таят в себе постоянную угрозу войны.

Как видим, биополитики вновь уличили К. Шмитта в приверженности либеральному праву, пользуясь которым он разработал «абстрактную схему великого пространства в соответствии с абстрактными принципами великого пространства на основе абстрактного учения о великом пространстве»²². В итоге великое пространство превратилось у Шмитта в фальшивую конструкцию — простое географическое понятие, используемое великодержавным насилием в определенных политических либо экономических целях; в империалистическое, а потому нестабильное и агрессивное образование, способное лишь механически абсорбировать народы различных рас и континентов. Подобное великое пространство удерживается, с одной стороны, вооруженной силой, с другой — юридической формулой о запрещении вмешательства пространственно чуждых сил.

Наряду с Британской империей и некоторыми другими образованиями, о которых речь пойдет ниже, типичным примером искусственных великопространственных систем называлась исповедующая доктрину Монро пан-Америка, причем, в отличие от Шмитта, биополитики не делали различий между первоначальной доктриной Монро и фальсифицированной. По их утверждению, в основе доктрины Монро лежат просто-напросто «великодержавные империалистические устремления» к расширению пространства и формально-техническому его ограждению от остального мира. Но, писал В. Дайц, «если теперь в научных работах, авторы которых сохраняют еще остатки уходящего мировоззрения, предпринимаются попытки охарактеризовать великое пространство исходя из чисто пространственных понятий и с геополитической точки зрения, то это бесплодные попытки»²³.

В связи с этим Р. Хён сформулировал тезис, с которым согласились все остальные критики шмиттовской схемы. Он подчеркнул: «Мне представляется сомнительным говорить, как это делает Шмитт, об Америке доктрины Монро как о «великом американском пространстве» и называть техническое пространственное разграничение Америки проявлением «подлинного великопространственного принципа», «великим прецедентом международно-правовой организации пространства», чьи основные идеи мы могли бы перенять у Америки»²⁴. Хён вновь и вновь утверждал, что принцип невмешательства пространственно чуждых сил, лежащий в основе доктрины Монро, покоится на совершенно иных мировоззренческих постулатах, нежели формирующаяся организация пространства в Европе²⁵. Правда, здесь он счел необходимым сделать важную оговорку.

Она сводилась к противопоставлению ложно понимаемого и подлинного принципа невмешательства пространственно чуждых сил.

Первый, формально-логический принцип размежевания пространства, применявшийся в доктрине Монро для определения империалистической политики территориальной экспансии, следует, по Хёну, заменить подлинным принципом невмешательства, находящим свое внутреннее обоснование в «жизненно-законном положении рейха как глашатая и носителя нового порядка». Учитывать это особенно важно «в момент возникновения великих пространств, а также в случае войны»²⁶. Тем самым Хён стремился оставить теоретическую лазейку для будущих германских завоеваний, в том числе за пределами Европы.

С подобными рассуждениями не согласился В. Дайц, выступивший с идеей биологических доктрин Монро, отличительным свойством которых было не шмиттовское запрещение вмешательства пространственно чуждых сил (слегка подправленное Хёном), а право великого жизненного пространства на самоопределение. Идея биологических доктрин Монро напрямую связывалась Дайцем с учением о подлинных и мнимых жизненных пространствах.

Участники полемики с К. Шмиттом с порога отвергали мысль о географической природе великого пространства. Штуккарт, например, полагал, что «правильно понимаемая доктрина Монро в меньшей степени является географической идеологией, чем... выражением выводов, обусловленных расово-биологическими причинами»²⁷. Бест считал великое пространство не геофизическим, а геополитическим понятием²⁸. В работах Дайца можно обнаружить сначала косвенные, а с лета 1941 г. (после полета Гесса в Великобританию) прямые нападки на геополитические представления о великом пространстве²⁹. По его мнению, пространственные характеристики имеют в биологических доктринах Монро лишь второстепенное значение, определяются они главным образом своей биологической субстанцией.

По сути, той же точки зрения придерживался и Р. Хён, утверждавший, что идея великого пространства не может рассматриваться как пустая абстракция, изолированный принцип либо как некий абсолют, а непременно в качестве структурного элемента организации всей народной жизни³⁰. Подобно другим биополитикам, Хён полагал, что великое пространство оправдано лишь в том случае, когда оно сливается с жизненным пространством принадлежащих к одной и той же расе народов, или, как он предпочитал говорить, к одной субстанции. «В центре анализа,— писал он,— должна находиться пространственно-политическая организация жизни европейских народов... новая Европа»³¹. Хён призывал исследовать европейское пространство как жизненное пространство народов континента. В этом отношении его идеи полностью совпадали с высказываниями В. Беста о народной организации великого пространства.

«Ради своего биологического существования,— говорил по этому

же поводу В. Лонгерт,— народы Европы нуждаются в великом пространстве. Тем самым великое пространство тождественно жизненному пространству». Но в силу того, что «потребность отдельных народов Европы в пространстве не может быть удовлетворена в пределах государственной территории, это пространство должно быть получено путем сотрудничества (война показала, что нацисты подразумевали под сотрудничеством.— В. Б.) народов европейского континента»³². Так что же такое великое жизненное пространство? Какое определение давали ему нацистские теоретики?

Ответ на этот вопрос содержался в работах В. Дайца. Подлинное великое пространство, утверждал он, не может быть организовано ни посредством искусственного возведения географических или геополитических конструкций, ни насильственными действиями других пространств с их чуждой биологической субстанцией. Суть дела в ином. В отличие от мнимого, фальшивого великого пространства пространство подлинное представляет собой жизненное пространство семьи народов одной расы. «Семья народов — вот естественный и единственный творец подлинных великих пространств»³³, — подчеркивал он. Итак, «подлинное великое пространство является естественным жизненным пространством семьи народов, в котором она живет собственной силой и за счет собственного пространства, а также получает характер, размеры и форму от своей биологической субстанции. То же относится к малому жизненному пространству одного народа. Тем самым народность и семья народов — единственный первоисточник политических, экономических, культурных и правовых форм в малом и великом жизненных пространствах»³⁴.

Дайцевская формулировка проистекала из присущего национал-социализму признания безусловного примата народа над государством и пространством. Вывод о вторичности государственного суверенитета и первичности суверенитета народного, по мнению нацистских теоретиков, способен произвести кардинальный переворот в теории и практике международных отношений. Ведь государственный суверенитет, основанный на либерально-индивидуалистических принципах, порождает такую систему международных (то есть межгосударственных) отношений, которая бесконечно генерирует напряженность и мировые войны. Напротив, система подлинных международных отношений, базирующаяся на соответствующих жизни иррациональных биополитических принципах народного суверенитета, по своей сущности просто не может быть воинственной, она не стремится к захвату чужих пространств и покорению народов с иной биологической субстанцией.

Замена государственного суверенитета суверенитетом народным будет означать переход от перманентных войн к вечному и счастливому миру. У подлинного великого жизненного пространства имманентно отсутствуют такие качества, как экспансионизм, империа-

лизм, давление на других, беспредельная агрессивность. С другой стороны, именно в силу действия принципов народного, а не государственного суверенитета подлинное жизненное пространство абсолютно невосприимчиво к вмешательству пространственно чуждых сил. Даже при желании его невозможно на длительное время завоевать, а тем более покорить. Почему?

Дело в том, что во всяком подлинном великом жизненном пространстве существует, по Дайцу, несколько основных законов проявления его биологической субстанции, организации оптимальных условий жизни семьи народов. Вот эти-то законы и возводят иррациональные, непреодолимые препятствия на пути возможного превращения подлинного великого пространства в империалистическую, то есть фальшивую великопространственную конструкцию.

Одним из таких законов является закон автаркии. Термин «автаркия» понимался биополитиками не в узком смысле — как самодовольственность и самоизоляция (прежде всего в экономической сфере), а как естественная, постоянная форма существования любого биологического организма в растительном и животном мире, на уровне отдельного человека и семьи, народной общности и семьи народов. Согласно открытому Дайцем закону автаркии, всякая организация жизни становится подлинной, жизнеспособной только в том случае, если она существует за счет собственной силы и собственного пространства³⁵.

Из закона автаркии вытекал закон перерождения и вырождения, в соответствии с которым «биологическая субстанция народа и семьи народов на длительное время не может покинуть свое... жизненное пространство, дабы не обрекать себя на перерождение и гибель»³⁶. Это объясняется тем, что биологическая субстанция семьи народов в течение многих поколений адаптировалась к своему жизненному пространству; в случае переселения она неизбежно приобретает иную структуру, новый характер, переродится в качественно другую субстанцию. Закон перерождения и вырождения, фактически запрещая великим пространствам экспансионистскую политику, вмешательство в дела другого великопространственного организма, содействует всеобщему умиротворению.

Стало быть, подчеркивал В. Дайц, «любое подлинное великое пространство как жизненное пространство семьи народов... защищается не только физическим, видимым оружием... но и своим метафизическим, невидимым оружием, которое может произвести лишь его биологическая субстанция во взаимодействии с природными условиями этого пространства и которое не способна создать ни одна другая чужеродная сила... Переполнение биологических, пространственных и климатических законов подлинного жизненного пространства защищает это пространство намного эффективнее, чем... физическое оружие либо готовые юридические формулы»³⁷.

Переход от универсальных, мнимых, фальшивых великих пространств к подлинным позволяет, по Дайцу, в принципе ставить вопрос о практической неприкосновенности великого жизненного пространства, об отмирании лозунгов о «желтой», «белой» либо «черной» опасности, а следовательно, о бесполезности и даже бессмысленности шмиттовского принципа запрещения вмешательства пространственно чуждых сил. «Сформулированный Карлом Шмиттом принцип невмешательства... — отмечалось в дайцевской статье, — не характерен для сущности великого пространства. На основе этого принципа... нельзя основать подлинное великое пространство, если в его основе не лежит биологическая необходимость... Запрещение вмешательства никогда не может быть причиной, но только следствием подлинного великого пространства»³⁸. По мнению биополитика, на основании сформулированных Шмиттом положений в лучшем случае можно образовать лишь мнимые великие пространства, но никак не пространства подлинные.

В противовес шмиттовскому принципу запрещения вмешательства пространственно чуждых сил Дайц выдвинул лозунг права семьи народов на самоопределение. Он был убежден, что это право является «фундаментом нового мирового порядка»³⁹, что вторая мировая война как раз и ведется с целью реализации права на самоопределение семей народов. В этой мировой революции, полагал он, универсальные великопространственные конструкции — географические доктрины Монро обязательно уступят место региональным, подлинным великим пространствам — биологическим, или расовым, доктринам Монро, формирующимся из крови и почвы своих семей народов. Таких подлинных великих жизненных пространств, уже находящихся в процессе возникновения, Дайц насчитал шесть:

- великое жизненное пространство восточно-азиатской семьи народов;
- великое жизненное пространство индийско-малайской семьи народов;
- великое жизненное пространство европейской семьи народов;
- великое жизненное пространство народов черной расы (Африка);
- североамериканское великое жизненное пространство;
- Южная Америка⁴⁰.

Нацистский теоретик тут же заметил, что эти шесть подлинных великих жизненных пространств естественно распадаются на три пары, в каждой из которых южная часть является прямо-таки идеальным дополнением северной. Восточно-азиатское и индийско-малайское пространства вместе составляют Великую Восточную Азию, европейское и африканское жизненные пространства — Великую Европу, два американских — Великую Америку⁴¹. Если посмотреть на карту мира, то в дайцевской схеме можно без труда различить три

вытянутых к северу и югу гигантских эллипса, параллельно расположенных относительно друг друга. Их мирные взаимосвязи, по замыслам биополитика, и будут представлять собой предмет грядущих международных отношений нового типа, а выразителями их интересов станут рейхи, правда, отнюдь не такие, какими они представлялись К. Шмитту и геополитикам.

Прийти к подобному «новому мировому порядку» можно, только претворяя в жизнь лозунг самоопределения семей народов. «Америка — американцам», «Восточная Азия — восточноазиатам», «Европа — европейцам» — такие призывы раздавались из Берлина на протяжении мировой войны.

В рамках биологической мировой революции происходит, по утверждениям нацистских теоретиков, великая европейская революция, ставящая своей целью установление «нового порядка» в Европе на расово-биологических основаниях. Реорганизованная таким образом Европа превратится в Великую Европу, которая будет включать в качестве дополнительных пространств не только Африку (в связи с чем употреблялся термин «Еврафрика»⁴²), но и всю северную часть азиатского континента вплоть до Охотского и Берингового морей (в данном случае нередко пользовались термином «Евразия»⁴³). У национал-социалистов в начале войны не было ни грана сомнений в том, что, став реальностью, «новая Европа» под германским руководством вновь упрочит свое ведущее положение среди остальных подлинных великих жизненных пространств, будет играть роль вождя всего мира.

Как видим, чисто академическая на первый взгляд полемика о великих пространствах, развернувшаяся в фашистской Германии в первые годы мировой войны, в действительности отражала насущные потребности национал-социалистического режима, приступившего к насильственной нацификации Европы. Она была ярким свидетельством разногласий биополитиков с попутчиками типа К. Шмитта и геополитиками, с которыми мирились прежде, но идеи которых оказались неадекватными в условиях ведущейся не на жизнь, а на смерть войны.

Под воздействием критических замечаний со стороны биополитиков некоторые представители, например, геополитической науки впали в состояние глубокой депрессии. Из относящейся к августу 1941 г. переписки владельца «Журнала геополитики» К. Фовинкеля с генералом К. Хаусхофером следует, что тогда, пожалуй, впервые за всю историю геополитики в самых категорических тонах было высказано предложение об отходе от главной ее догмы — примата пространства над населяющим его народом. «Действительно плодотворная геополитическая деятельность... — писал Фовинкель, — невозможна, если мы односторонне учитываем в политике лишь влияние пространственных сил. Пространство оказывает влияние... не

само по себе, но лишь опосредованно через его воздействие на человека». В другом письме Хаусхоферу он писал: «Абстрактный учет исходящих от земли сил... вообще ничего не говорит политику... Чем же тогда геополитика отличается... от политической географии?»⁴⁴ Фовинкель ставил вопрос о еще большей интеграции геополитики в систему взглядов национал-социализма.

Оживленная полемика о сущности великих пространств, в том числе между самими биополитиками, свидетельствовала об определенной эволюции нацистского мировоззрения в быстро менявшихся условиях второй мировой войны, об уточнении его понятийного аппарата и концепций «нового порядка» в Европе. Еще раз подтверждается, что немецко-фашистская европейская политика в годы войны была не плодом импровизации, а результатом тщательно, всесторонне продуманных идей.

Помимо этого, можно говорить о непосредственном практическом значении полемики, ибо ее итоги так или иначе сказывались на проведении политического, правового, экономического, социального и так называемого народного преобразования европейского континента по нацистскому образцу. Как мы увидим дальше, результаты полемики использовали в своих интересах Розенберг, Гиммлер, Риббентроп и другие руководители рейха. Но самым неожиданным образом она дала о себе знать в обострившемся соперничестве «импери» Розенберга, Риббентропа и некоторых других по европейским вопросам в ходе коренного перелома во второй мировой войне.

Рассмотрев проблему великого жизненного пространства под углом зрения его правового положения в грядущем «новом мировом порядке», обратимся теперь к вопросу о том, какой виделась нацистским теоретикам структура подлинного великого пространства, какие исходные положения лежали в основе национал-социалистического переустройства Европы.

1.2. Организация великого пространства

Часто употреблявшийся в фашистской Германии термин «организация великого пространства» теоретики национал-социализма понимали не в географическом, а в биополитическом смысле. Их не интересовало пространство, взятое само по себе, географическое пространство, примат которого провозглашала геополитика. В фокусе их внимания было пространство жизненное, определяемое взаимодействием биологической субстанции с пространством и климатом; последним же отводилась второстепенная роль. «Не биологическая субстанция вращается вокруг пространства, а пространство вокруг биологической субстанции»⁴⁵, — писал В. Дайц, прилагавший не-

мало сил для создания теоретической модели «нового европейского порядка». Биологическая субстанция, по Дайцу, первична, пространство — вторично.

Из биологической субстанции природа сформировала три общности людей — отдельную семью, народную семью (народность, народную общность) и семью народов. Все это — политико-биологическая реальность, от которой никуда не уйти. Только тогда, когда народ и семья народов станут центром вращения пространства, человек снова будет мерилom всех вещей⁴⁶. Только тогда может возникнуть новый, мирный европейский и мировой порядок.

В качестве непрременной предпосылки правильная организация великого пространства требует интуитивного осознания законов природы. Подобно Ф. Ницше и другим представителям немецкой философии жизни, нацистские теоретики считали свое учение стоящим выше материализма и идеализма. Абсолютная ценность виделась им в беспрерывно вытекающей из природы жизни, интегрирующей в себе как материальное, так и духовное начала, связь между которыми посредством формально-логических приемов улавливается далеко не всегда. Познать законы этого иррационального природного движения возможно только осязая, вторгаясь с помощью биополитического метода в глубинные тайны живой жизни.

Инстинктивное осознание и сознательное применение законов природы и законов жизни — вот на какой основе национал-социализм собирался не только объяснить прошлое, настоящее и будущее, но и преобразовать мир. «Великое пространство, — не раз говорил В. Бест, — сознательно формируется... политической волей»⁴⁷. Осознанное применение законов жизни Дайц называл биополитикой⁴⁸.

Дайц, кажется, дальше других теоретиков НСДАП продвинулся в интуитивном познании законов природы. В годы войны им были заложены основы учения о жизненном пространстве. При этом он довольно ловко пользовался одной из главных догм национал-социализма о примате расовой народной общности, применив ее к европейской системе координат. Вместо фальшивого хаоса суверенных государств, типичного для либерального мира, биополитик провозглашал суверенный народный космос, европейскую систему народов-планет⁴⁹, поставив национал-социалистическую народную идею во главу угла преобразовательного процесса в Европе.

Дайц сформулировал пять основных законов жизни, по которым живут все три политико-биологические реальности человеческого мира — отдельная семья, народная семья и семья народов. Первый закон — биологической гравитации — действует только внутри биологической субстанции; это закон жизни в узком смысле слова. Действие остальных четырех законов проявляется в отношениях между биологической субстанцией и внешним миром, пространством; это законы жизни в широком смысле слова. Без учета этих законов

невозможно сознательное формирование подлинного жизненного пространства на европейском континенте.

Закон биологической гравитации обеспечивает жизнь и целостность биологической субстанции всех трех видов. Благодаря его интеграционным способностям вновь и вновь нейтрализуется идущий в недрах субстанции процесс дифференциации ее элементов; в результате происходит объединение отдельных людей в семью, отдельных семей в народную общность и народностей в семью народов. Следовательно, европейская семья народов — это не просто политико-биологическая реальность, а такая реальность, которая возникла под воздействием природного закона биологической гравитации.

Явление биологической гравитации Дайц сравнивает с гравитацией в неорганическом мире. Там тоже, несмотря на побуждаемую природой склонность к дифференциации, разделению, планеты и Солнце объединяются в целостную и высокопрочную Солнечную систему. Ее существование не объяснишь отношением причины и следствия. Определяющую роль в создании такой невидимой гравитационной силы и там, и здесь играют специально предусмотренные природой полярность и напряжение между полярными частями целого. Только в результате взаимодействия полярно противоположных элементов возникает, согласно натуралистической диалектике нацизма, любая созидательная деятельность. Эта мысль восходит к Розенбергу, назвавшему «органическое напряжение, зачатие, разрядку» предварительным условием всякого созидания⁵⁰.

Полярность и напряжение в неорганическом мире приводят к тому, что внутри Солнечной системы возникает естественное, динамическое равновесие, когда более крупное космическое тело (Солнце), как магнит, притягивает к себе более мелкие тела — планеты, не поглощая их, но и не отталкивая их от себя. В свою очередь, планеты — каждая сообразно своему весу — притягивают к себе Солнце. В итоге происходит свободное движение и Солнца, и планет. Нет никакого диктата и никакой зависимости. Положение космического тела определяется исключительно его собственным весом: изменится вес — изменится место в системе.

Так представлял себе Дайц действие закона гравитации в неорганическом мире. «Жизнь во всех ее разновидностях, — писал он, — проявляется не только... в соединении причины и следствия, но и одновременно... в дополняющей противоположности, в полярном раздвоении... Свет нельзя понять без тени, тепло — без холода... Поэтому никогда нельзя пытаться устранить естественное напряжение противоположностей»⁵¹.

Точно таким же законам подвержена биологическая субстанция. Закон биологической гравитации проявляется уже в отдельной семье. Семья состоит как минимум из мужа и жены — это и есть

полярные противоположности, между которыми существует естественное напряжение. Каждый член семьи выполняет свою особую задачу, не вмешиваясь в дела другого. Жене природой уготована в семье роль эмоционального полюса, муж определяет направление формирования и развития семьи, является ее организующим и руководящим элементом, представляет ее в отношениях с внешним миром. «Никогда жена не будет воспринимать эту естественную руководящую задачу мужа как насилие,— подчеркивал В. Дайц,— пока муж не попытается вмешаться в те сферы, которые предназначены жене природой и в которых она по-своему руководит»⁵².

Когда муж изменяет жене и перестает заботиться о благополучии семьи, биологическое равновесие в семье начинает разрушаться, на жену вопреки ее природе падают не свойственные ей задачи, и ее вес в семье искусственно возрастает. Однако такое положение противостоит природе, оно нарушает закон биологической гравитации. Образцом для подражания может быть только здоровая семья, в которой в полную силу действуют законы биополитики.

Так же безупречно закон биологической гравитации проявляется в здоровой, расово однородной общности второго уровня — в семье народа. Здесь под его влиянием в едином целом удерживаются предварительно разделенные природой на полярные противоположности элементы — вожди и народная масса. Вследствие того, что каждый элемент системы выполняет положенную ему задачу, в народной семье царит полнейшее биологическое равновесие. Как и в отдельной семье, в народной общности нет и не может быть никакого насилия со стороны вождей, поскольку женская часть народа свободно и добровольно подчиняется мужской его части, вождям.

Самым крупным достижением режима за шесть предвоенных лет биополитики считали преобразование немецкого народа в народную общность, в которой вместо классов существуют только мужские и женские элементы. Тем самым народная семья впервые стала де-юре управляться в полном соответствии с законами природы. Теперь, в годы второй мировой войны, наступил черед биологизировать все остальные европейские народы, рассортировать их на мужские и женские и установить в отношениях между ними состояние биологического равновесия.

С этой целью Дайц распространил действие закона биологической гравитации на европейскую семью народов. Собственно говоря, здесь он не был оригинален. Еще с конца XIX века, когда руководители кайзеровской империи поставили задачу обеспечить за страной место под солнцем, в Германии заговорили о мужских и женских европейских народах. Например, Бисмарку приписывают следующие слова: «Одни народы являются мужскими, другие женскими. Германцы... это мужские народы... Напротив, женскими являются славяне... Русские ничего не могут сделать без немцев»⁵³.

Дайц пошел гораздо дальше «железного канцлера» и сформулировал довольно стройную на первый взгляд формально-логическую концепцию семьи народов, основанную на законах биополитики.

Итак, в недрах биологической субстанции европейской семьи народов также действует закон биологической гравитации. В соответствии с ним отделенные друг от друга народы Европы неизменно интегрируются в общность третьего, высшего, уровня — семью народов. В ней, точно так же как в отдельной семье или семье одного народа, существует устойчивое биологическое равновесие и активное состояние напряжения между противоположными полюсами. О семье народов вполне можно говорить как о целостной и устойчивой системе, сопоставимой с Солнечной в неорганическом мире. Как и в общностях первого и второго уровней, в семье народов никто ни от кого не зависит, там нет диктата и произвола. Все народы свободны и суверенны. Их место в семье народов определяется исключительно собственной производительностью и вкладом в общее дело. Народ с наибольшим весом составляет ядро системы. Вокруг него, как вокруг Солнца, вращаются остальные народы.

Семья народов принципиально аналогична обыкновенной семье и в том, что природа разделила ее на мужскую и женскую части. В европейской семье народов существуют, оказывается, народы мужские и женские, и это ли не главное свидетельство действия в ее недрах закона биологической гравитации! Биологическая субстанция семьи народов изначально разъединена природой на две части, образ жизни которых находится в состоянии полярности, дополнения и напряжения. Одни являются людьми движения, динамичными людьми — их вполне можно назвать мужской частью семьи народов, мужскими народами. Другая группа представлена людьми покоя, статичными людьми — это женская часть семьи народов, женские народы. У каждой группы свои особые функции и задачи. Смещение групп нежелательно, ибо это противоречит желанию природы. С другой стороны, невозможно представить себе существование одной группы без другой. Бессмысленно также судить о том, какие народы важнее, лучше — мужские либо женские, точно так же, как глупо спрашивать, кто — муж или жена — представляет для семьи большую ценность⁵⁴. Для биологической субстанции семьи народов существует только одно — посредством гравитации сохранять себя как единую и целостную систему, удерживая естественное биологическое равновесие.

Но в связи с этим возникал вопрос о специфике поддержания биологического равновесия в семье народов, или, иными словами, о том, как одни народы (мужские) должны руководить другими (женскими). Здесь снова всплывал закон биологической гравитации. В отрицании либо признании биологической гравитации внутри народа или семьи народов Дайц вообще видел основное различие меж-

ду либеральным мировоззрением и соответствующим законам жизни мировоззрением национал-социализма⁵⁵. Подобно гравитации в органическом и неорганическом мире, правильное руководство, по утверждению Дайца, вездесуще, но невидимо. Оно осуществляется, не обнаруживая себя, в целях интеграции отдельных народов одной расы в единую семью народов. Правильно руководимая семья народов свободна от всякого насилия, присущего мировоззренчески чуждому миру. Существуют два крайних вида насилия — автократическое и демократическое. Первое можно представить себе таким образом: Солнце в космической системе (либо руководящий народ в семье народов) привлекает к себе планеты (другие народы) с такой силой, что те растворяются в солнечной массе (в сверхгосударстве). Тенденция к такого рода насилию обнаруживается в иерархических структурах.

Демократическое насилие возникает тогда, когда планеты (народы), пользуясь своим чисто арифметическим большинством, выходят из космической системы (семьи народов). Такое насилие могло бы возникнуть, скажем, в организме, несамостоятельные части которого — глаза, руки, ноги, сердце, легкие — вдруг повели бы себя автономно и независимо. Кроме того, всякая органическая жизнь рождается, развивается, но в конечном счете умирает, что является еще одной причиной бесперспективности подобного управления.

Поэтому, полагал В. Дайц, правильное руководство семьей народов не осуществляется ни по принципу иерархии (централизма), ни по принципу организма. Вместо автократического и демократического насилия в каждой семье народов будет царить биологическая гравитация, которая соединит народы одной расы в единое целое соответственно их удельному весу и потому создаст «свободно движущуюся систему свободной организации, естественную демократию»⁵⁶. Не органическое, а биологическое руководство, при котором народ-вождь управляет посредством лишь одного своего присутствия, подобно магниту привлекая в свое силовое поле женские народы, творит, не действуя, — вот в чем биополитики видели идеал управления европейской семьей народов. Они называли Германию отцом семейства европейских народов⁵⁷.

Помимо закона жизни в узком смысле слова (биологической гравитации), Дайц сформулировал четыре закона жизни в широком смысле слова, проявляющихся во взаимодействии биологической субстанции семьи народов и ее жизненного пространства. Первый, закон автаркии, будучи основным законом всякой жизни, требует жить в первую очередь собственной силой и за счет собственного пространства. Формы жизни, паразитирующие на других, природа рано или поздно уничтожает. Жизнь по закону автаркии гарантирует всем внутреннюю прочность, свободу и независимость. С переходом

от отдельной семьи к семье народа степень автаркии, а тем самым свободы и независимости, повышается, достигая практически полного объема в семье народов. Это означает, что свобода отдельной семьи или семьи народа сама по себе не является гарантией свободы одно-расовой семьи народов. Напротив, в свободной семье народов свободны и независимы все.

Важнейшей предпосылкой исполнения закона автаркии, по Дайцу, может быть лишь обладание соответствующим жизненным пространством, границы которого должны обязательно совпадать с той территорией, в которой «народ и семья народов безусловно нуждаются для выполнения закона автаркии»⁵⁸. Жизненное пространство европейской семьи народов — это как минимум вся Европа. Без достижения биополитической целостности европейской семьи народов лозунг «новой автаркической Европы» навсегда останется пустым звуком. Между тем Европа уже давно утратила свою естественную целостность, а следовательно, и автаркичность; она не в состоянии жить собственной силой и за счет собственного пространства своих народов. Со времени великого переселения народов в ней доминируют центробежные тенденции, еще более укрепившиеся в эпоху великих географических открытий. Сначала от Европы отделилась восточная ее часть, куда просочились пространственно и расово чуждые массы из глубин азиатского континента. Так возникла фальшивая великопространственная связка Восточная Европа — Центральная Азия. Затем от Европы отделилась западная часть. Воспользовавшись открытием новых частей света, Англия соорудила фальшивую великопространственную конструкцию Западная Европа — Америка. В такой ситуации Центральная Европа оказалась внутренне непрочной и безоружной перед лицом чужеродных сил. Ее поражение в первой мировой войне было предопределено. По примеру Японии построить в Европе «внутренний автаркический круг»⁵⁹, европеизировать Европу, вернув ей биополитическую целостность, независимость и свободу, — такие задачи вытекали для национал-социализма из дайцевского закона автаркии.

Фальшивые великопространственные связки (Восточная Европа — Центральная Азия и Западная Европа — Америка) не только лишили европейцев возможности жить собственной силой и за счет собственного пространства, но и привели к диффузии образа жизни европейских народов. На Западе возобладали чуждые идеи либеральной демократии, парламентаризма, мирового хозяйства; на Востоке — идеи, привнесенные извне монголо-татарами, царизмом, большевизмом. Восстановление подлинного европейского жизненного пространства означает, таким образом, возврат к истинному укладу жизни народов Европы.

Закон образа жизни — второй сформулированный Дайцем закон жизни в широком смысле слова. Уклад жизни является такой же

политико-биологической реальностью, как и биологическая гравитация или автаркия. Это центральная сила человеческой общности, формирующая все без исключения сферы ее жизни вплоть до отношений собственности того или иного народа⁶⁰. В соответствии с этим законом, только тот народ (семья народов) достигает максимального расцвета и независимости, который исполняет закон автаркии по-своему, на основе присущего ему образа жизни. Уклад жизни одного народа невозможно передать другому просто в силу того, что здесь речь идет о сложном взаимодействии определенной биологической субстанции с конкретным пространством, а такое взаимодействие не передашь. Законы природы изменить нельзя. Из закона образа жизни логически вытекало право каждого европейского народа (кроме евреев и цыган) на жизненное пространство и суверенитет.

В каждом подлинном великом жизненном пространстве Дайц обнаружил две группы народов с различными укладами жизни, находящихся в состоянии полярного напряжения и взаимно дополняющих друг друга. Это уже известные нам люди движения (динамичные люди) и люди покоя (статичные люди), мужские и женские народы, но теперь их характеристика дополнялась законом образа жизни. В восточноазиатской семье народов динамичные люди представлены японцами, статичные — китайцами. В индийско-малайской семье народов люди движения — малайцы, люди покоя — индийцы. В европейской семье народов германские народы являются динамичными, а восточноевропейские — статичными, «китайцами Европы»⁶¹. Так распорядилась природа, и не только посредством биологической гравитации, но и особым взаимодействием субстанции с пространством жизни того или иного народа.

По мнению теоретиков национал-социализма, признание данного биополитического факта имеет важные последствия с точки зрения организации великого пространства. А именно, притязания на руководство европейской семьей народов со стороны германских, мужских народов совершенно естественны, они соответствуют законам жизни, а потому справедливы. Сам уклад жизни динамичных народов понуждает их к руководству другими. Напротив, противоречат всем законам жизни претензии на лидерство в Европе женских народов, восточноевропейцев, да и выдвигаются эти претензии лишь потому, что с начала великих географических открытий динамичные люди Западной и Центральной Европы добровольно отказались от своей естественной задачи на Востоке континента. Из закона образа жизни для национал-социализма вытекала задача «европеизировать Восточную Европу»⁶², вновь создать из мужских и женских народов биологически здоровую европейскую семью.

Пока биологическая субстанция исполняет закон автаркии, опираясь на присущий ей образ жизни, ее существование не вызывает опасений. Другое дело, когда ее естественное взаимодействие с про-

странством по каким-то причинам нарушается. В таком случае начинает действовать третий закон жизни в широком смысле слова — закон перерождения и вырождения. Он гласит: если члены одной семьи народов на длительное время проникнут в жизненное пространство другой семьи народов, то их биологическую субстанцию ожидают глубокие трансформации и даже гибель, ибо силы крови и почвы нового мира рано или поздно уничтожат агрессора⁶³.

Подобно тому как в растительном мире нельзя пересадить в северные широты теплолюбивое растение, переселение людей в пространства жизни других семей народов на долгий срок в принципе невозможно без ущерба для них самих. Массовая эмиграция европейцев в Америку, Австралию, Южную Африку в XVI—XIX веках привела лишь к тому, что на новом месте их биологическая субстанция полностью переродилась, и они превратились в американцев, австралийцев, южноафриканцев. В результате возникли совершенно новые народы, в пространственном и расовом отношении чуждые европейским. В начале второй мировой войны закон перерождения и вырождения использовался нацистскими теоретиками главным образом для обоснования права европейской семьи народов на самоопределение, то есть нацификации Европы.

Сформулированные В. Дайцем биополитические законы — автаркии, образа жизни, перерождения и вырождения — на уровне сознательного поведения обнаруживались в качестве четвертого закона жизни в широком смысле слова — биологического нравственного закона, своеобразных моральных требований, предъявляемых биополитической общностью отдельным ее членам. В основе жизненно законной нравственности лежит неразделимая биологическая сплоченность отдельной семьи, семьи народа и семьи народов⁶⁴, выраженная в известном нацистском лозунге: «Общее благо выше корыстолюбия». Так этические нормы национал-социализма⁶⁵ распространялись на весь европейский континент.

Биологический нравственный закон требовал, чтобы общее благо европейской семьи народов ставилось выше нездорового эгоизма ее членов. Поскольку — согласно этому закону — свобода и процветание каждого народа находятся в прямой зависимости от свободы и процветания семьи народов, его нравственным долгом является служение в первую очередь европейской семье, а уж во вторую — самому себе.

Следовательно, провозглашенная нацистами новая европейская нравственность выдвигала в качестве категорического императива требование к отдельным народам идти на определенные жертвы, терпеть нужду и лишения во имя гитлеровского «нового порядка». Как же иначе, если законом предусматривалось, что ради общего блага семьи народов тот или иной европейский народ может быть лишен не только государственного, но и народного суверенитета. Как утверж-

дал В. Дайц, по сравнению с отдельными народами и государствами семья народов — более высокий, самый высокий субъект права, она обладает высшим суверенитетом. «Государственно-правовая автономия народов является не абсолютной, а ограниченной, учитывая более широкую самостоятельность европейской семьи народов»⁶⁶, — подчеркивали биополитики. И не оставляя никаких сомнений относительно своих подлинных замыслов, они сформулировали следующее положение: «Народ и государство не обладают неограниченным суверенитетом, они должны интегрироваться в более широкий суверенитет семьи народов»⁶⁷. Мера же государственного и народного суверенитета, по словам П. Шнадта, должна определяться опять-таки производительностью, удельным весом того или иного народа⁶⁸.

Более того, в интересах общего блага биополитики серьезно рассматривали возможность переселения отдельных народов внутри семьи народов, это-де не противоречит праву каждого народа на жизненное пространство и зависит исключительно от потребностей семьи народов⁶⁹. И вообще «жизненные пространства народов должны правильно располагаться под углом зрения всеобщего блага семьи народов»⁷⁰, — писал Дайц в статье, опубликованной в разгар работы гиммлеровских экспертов над «Генеральным планом Ост». Преступные колонизационные планы германского фашизма в Европе, геноцид в отношении многих европейских народов были вполне нравственны с позиции нацистской теории. Не менее зловещую роль биологический нравственный закон сыграл на заключительной фазе войны, когда на его основе в «империи» Розенберга приступили к составлению концепции европейского социализма.

Таким образом, биополитикам Европа виделась в перспективе полностью нацифицированной, с урезанным, зависимым от воли рейха суверенитетом государств и народов; континентом, где по первому желанию Берлина будут происходить насильственные выселения, переселения и немецкая колонизация; где на месте прежней социально-классовой структуры возникнет «соответствующее природе» разделение на мужские и женские народы, вся жизнь которых будет контролироваться народом-вождем, «отцом семейства» — Германией. Все будет решать национал-социализм, его опирающаяся на инстинктивно познанные законы жизни европейская политика, изначально ориентированная на организацию великого пространства. Иными словами, биополитики настаивали на проведении сознательной европейской политики, что априорно предполагало использование насилия в отношении других, признанных несознательными, европейских народов. Насилие, благодаря которому впоследствии образуется система «естественной демократии», — вот исходный пункт нацистских преобразователей Европы.

Такой подход с необходимостью выдвигал на передний план гитлеровского «нового порядка» вопросы германского руководства, управ-

ления подчиненными рейху народами. Как писал в 1941 г. В. Бест, организация великого пространства «равнозначна формированию отношений между наполняющими это пространство народами», она предполагает разграничение народов таким образом, что в ней всегда будет доминировать одна воля, как более сильная. Перестройка Европы — это процесс, в ходе которого более сильные народы навязывают свою волю более слабым⁷¹. Несмотря на подчеркнутое выделение роли принуждения в преобразовании континента по нацистскому образцу, мысли Беста в исходных позициях совпадали с дайцевской идеей биополитической семьи народов, каждый член которой занимал определенное место в системе сообразно своему удельному весу и производительности.

Бесту вторил Штуккарт. Выступая 8 марта 1942 г. на учредительном конгрессе Международной академии государственных и управленческих наук, он заявил, что XX век — это время семей народов, и потому на повестке дня стоит вопрос об устранении государственного партикуляризма в пользу сообщества народов Европы. Однако подобная реорганизация невозможна без «управления, несущего ответственность за пространство»⁷², без руководства народами в национал-социалистическом духе, то есть в духе строительства европейской семьи народов, тщательно разграниченных между собой в соответствии с принципами вождизма. Подобные рассуждения неизменно заканчивались мыслью о мужских и женских народах как обязательной предпосылке «нового порядка».

Совершенно не случайно поэтому в 1939—1942 гг. в гитлеровском рейхе тщательно изучали различные европейские народы под углом определения места каждого в «новой Европе». Например, участники всегерманского совещания историков, состоявшегося в октябре 1942 г., заслушали и обсудили доклады о специфических чертах крупных (немецкого, английского, французского, итальянского, русского) и малых (балкано-дунайских, скандинавских и других) европейских народов, подчеркнув необходимость опоры на «сильные» народы в процессе преобразования континента в противоположность народам «слабым». По мнению историков, первые вполне способны к самоуправлению в выделенных им пределах, управление же вторыми более обременительно, так как требует дополнительного привлечения немецкого административного персонала⁷³. Вряд ли мы совершим грубую ошибку, если укажем, что на совещании подверглась конкретизации схема немецкого великопространственного управления, выдвинутая годом ранее В. Бестом и предусматривавшая формирование союзного, надзорного, правительственного либо колониального управления — в зависимости от качеств того или иного европейского народа, степени его «силы» и «слабости»⁷⁴.

Как следует из материалов совещания, европейская миссия Германии заключалась в установлении «нового порядка», ибо немецкий

народ — единственный подлинный народ Европы и потому народ-вождь. Но именно в связи с этим нацистские теоретики предъявляли повышенные требования к расовой чистоте немецкой народной общности, к укреплению ее биополитических потенций, ее консолидации на идеологических основаниях национал-социализма. В годы второй мировой войны проблема упрочения немецкого народа разрабатывалась в рейхе не менее интенсивно, чем вопросы ослабления других европейских народов. Ведь в конечном итоге речь шла о том, чтобы в исторически короткий срок подготовить немцев к роли «народа господ», а не только решить ряд военно-стратегических задач, как представлялось до сих пор в историографии. Отнюдь не случайно с октября 1939 г. в Германии под началом Гиммлера действовал специальный Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности, занимавшийся практической и теоретической разработкой проблемы.

Понятие «народ» тот же Дайц наполнял следующим содержанием. В каждом народе существуют два противоположных полюса — верхние и нижние слои. Под влиянием происходящего в нем биологического круговорота некоторая часть верхних слоев постоянно выпадает в осадок — в материнское лоно народности. чтобы со временем восстановиться там для нового подъема. Такой нормальный процесс может, однако, нарушиться, если нижние слои народа, и прежде всего опустившиеся сверху, начнут пропитываться расово чуждыми элементами. В этом случае скорее всего возникнет своеобразный гибридный слой, способный выделять собственные верхние слои с потенциальной угрозой самому существованию руководящего слоя. Следовательно, запрещение браков (как и кровосмешения вообще) между представителями руководящего народа и расово чуждыми — важнейшее, если не единственное, условие выполнения народом-вождем своей миссии по биополитическому преобразованию Европы ⁷⁵.

Подробный анализ проблемы был продолжен в анонимной статье «Слой господ или руководящий народ?» ⁷⁶, авторство которой принадлежит, по всей видимости, В. Бесту. Он обратил внимание на причины расовой смерти древнего Рима и других государств прошлого. Главная ошибка римлян заключалась, по его мнению, в том, что они формировались не как руководящий народ своей обширной империи, а как господствующий слой, куда проникали инородцы. Поставив себя над другими в качестве господствующего слоя, римляне не устранили, да и не могли устранить, живой круговорот развития (то есть дайцевский биологический круговорот), а возвели его на другой уровень. Процесс биологического круговорота сохранился, но в рамках не одного — руководящего, а многих народов. Господствующий слой все больше разрыхлялся представителями других племен, народов и рас, и это неминуемо привело его к гибели.

Таким образом, попытка сохранить в руководящем народе только

верхние слои (господствующий слой) и в то же время искусственно избавиться от нижних слоев обречена на неудачу. История, утверждал Бест, учит, что «будущее... за тем народом, которому принадлежит самый нижний слой населения»⁷⁷. Автор статьи рекомендовал всемерно укреплять «земные народные корни», жить только за счет собственного биологического круговорота, стремиться к максимально возможной автаркии, создавая непреодолимые преграды на пути даже малейшего ослабления руководящего народа. «Самосохранение и саморазвитие народов — цель человечества»⁷⁸, — писал он. Итак, не господствующий слой, а руководящий народ, подобно монолиту противостоящий покоренным народам, готовый в любой момент подавить восстание против себя, — вот рецепт, который давал Бест для укрепления немецкой народности.

Важнейшим политико-правовым институтом, регулирующим отношения между народом-вождем и остальными европейскими народами, нацистские теоретики называли институт гражданства. Проблема гражданства находилась в фокусе внимания НСДАП начиная с пресловутых «Двадцати пяти пунктов» ее программы и впервые получила практическое воплощение в так называемых Нюрнбергских законах 1935 г., но первостепенное значение она приобрела в годы второй мировой войны. Национал-социализм всегда рассматривал данную проблему через мировоззренческую призму. «Право гражданства, — писал, например, В. Штуккарт, — содержит предпосылки и основы для политического и правового положения личности в обществе. Поэтому великие политические перевороты должны иметь следствием радикальное изменение сущности и содержания гражданства»⁷⁹.

Положению о принципиальном равенстве рас, народов и людей национал-социалисты противопоставили тезис об изначальном, природном их неравенстве, а следовательно, о различиях в правах и обязанностях отдельного человека; все эти различия должны были фиксироваться в первую очередь институтом гражданства. Правовое положение человека теоретики НСДАП определяли не его отношением к государству, как в либеральном праве, а его расовыми качествами и отношением к народной общности. «Право гражданства вообще не является индивидуальным правовым институтом, это результат кровной принадлежности к расе и народной общности»⁸⁰, — безапелляционно утверждал Штуккарт, открывая тем самым широкий простор юридическому и политическому произволу в отношении европейцев, в том числе и лиц немецкой национальности. В самом деле, каковы критерии принадлежности к расе и народной общности? Кто будет их определять? И как все это будет выглядеть на практике, с учетом того, что в Европе полыхал пожар войны?

Согласно Нюрнбергскому законодательству 1935 г., все население третьего рейха разделялось на имперских граждан и государ-

ственных подданных. Имперское гражданство автоматически получили лица немецкой или родственной крови, поскольку они уже были гражданами Германии. К лицам родственной крови причислялись голландцы, фламандцы, норвежцы, шведы, датчане и некоторые другие. Обладатель имперского гражданства, и только он, имел право занимать любые государственные должности и полнокровно участвовать в жизни народа. Более того, совокупность имперских граждан и являла собой народ в нацистском понимании этого слова. Образование института имперского гражданства означало, по Штуккарту, «решение расового вопроса в политической сфере»⁸¹, ибо евреи, получив статус государственных подданных, начали не только планомерно вытесняться из всех сфер жизни страны, но и были сознательно превращены в касту неприкасаемых, общение с которыми каралось по всей строгости закона. Во время войны правовое положение евреев было вообще сведено к нулю, а единственным местом их проживания на территории рейха стал концлагерь.

Вопросы политико-правового укрепления немецкой народности и соответствующего ослабления остальных европейских народов национал-социализм остро поставил в период второй мировой войны, когда под его прямым либо косвенным контролем оказалась чуть ли не вся Европа. Возник соблазн решить эти вопросы немедленно, и немецкие правоведы в течение первых военных лет подготовили и ввели в действие целую систему инструкций о юридическом положении населения подчиненных Германии областей⁸². Среди них первое место принадлежало так называемому Списку немецкого народа⁸³, в котором излагались условия приобретения имперского гражданства и немецкого государственного подданства лицами немецкой национальности, проживающими за пределами рейха (их еще называли фольксдойче, или этническими немцами). Список выполнял роль фильтра, не допускавшего в немецкую народную общность политически нежелательные элементы. Как правило, он вводился накануне массовых переселений и выселений местных жителей, являясь, таким образом, составной частью «Генерального плана Ост» и других планов немецкой колонизации Европы. «Повторное онемечивание немецкой крови... — подчеркивал В. Штуккарт, имея в виду Список немецкого народа, — одна из важных задач по укреплению немецкой народности»⁸⁴.

С другой стороны, создавалась чрезвычайно сложная иерархическая структура, с точки зрения гражданства определявшая статус того или иного народа в национал-социалистической «новой Европе». Здесь диапазон был весьма широк, начиная от не имевших никаких политических прав «подзащитных» (жителей присоединенных к рейху западных областей Польши) и кончая «опекаемыми», то есть населением колоний, которые нацисты предполагали организовать в Восточной Европе⁸⁵. По утверждениям теоретиков нацизма, по-

добная политико-правовая градация европейских народов отнюдь не являлась насилием со стороны Германии, а представляла собой важный вклад в преобразование Европы, тем более что «новый порядок» возможен-де «только на основе народности»⁸⁶.

Завершая краткий обзор оснований нацистской «организации великого пространства», еще раз подчеркнем, насколько фундаментально национал-социализм готовил покорение европейского континента. Как мало все это напоминало импровизацию! Но самое неожиданное состоит, пожалуй, в том, что практически все упоминавшиеся нами лица — К. Шмитт, В. Бест, В. Штуккарт, В. Дайц, Р. Хён и другие, находясь в составе зачастую соперничавших между собой «империй», не только близко знали друг друга, но и входили в руководящие органы одной неправительственной организации — Общества европейского экономического планирования и великопространственной экономики. Что это за организация, чем она занималась, на поддержку каких сил опиралась, с кем конкурировала — от ответов на эти вопросы зависит дальнейшее исследование нашей темы.

1.3. Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики

Общество с таким длинным названием было учреждено 21 сентября 1939 г. по инициативе В. Дайца — одного из ближайших сотрудников Розенберга по внешнеполитическому бюро НСДАП. Философ и химик по образованию, предприниматель средней руки, но с большими связями в мире крупного капитала, активный участник младоконсервативного движения веймарских времен, Дайц в 1931 г. вошел в имперский экономический совет нацистской партии, где в узком кругу формировались экономическое учение и внешнеэкономическая концепция германского фашизма. В апреле 1933 г. он был приглашен Розенбергом во внешнеполитическое бюро, возглавлял там сначала отдел внешней торговли, а с 1937 г. — отдел по решению специальных задач. Его публикации с пропагандой биополитических идей европейского единства столь широко распространялись в Германии, что этот факт использовали в своих целях группы немецкого Сопротивления: нам известна брошюра, в которой была воспроизведена обложка книги Дайца, а вслед за ней набран текст антифашистского содержания⁸⁷.

Получив благословение Розенберга и, возможно, самого Гитлера⁸⁸, Дайц выбрал для себя пост председателя правления и президента совета Общества европейского экономического планирования, после чего сформировал остальные его органы, в том числе научный и экономический советы, совет по вопросам культуры — всего около 50 человек.

Членами президентского совета общества стали полтора десятка высокопоставленных чиновников различных министерств, среди них статс-секретари — Г. Бакке из имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства, Р. Фрайслер (министерство юстиции), В. Штуккарт (министерство внутренних дел), В. Кляйнман (министерство транспорта), Г. Мус (государственное управление территориального планирования), Ф. Зыруп (имперское министерство труда), Г. фон Чаммер унд Остен (имперский руководитель спорта, президент германо-итальянского общества); министерсаль-директора — В. Бест из главного управления имперской безопасности, В. Меервальд (референт фюрера), Л. Гуттерер (имперское министерство информации и пропаганды); министерсаль-диригент В. Мароцке, представлявший ведомство уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана; министерсальрат Г. Хунке (президент рекламного совета германской экономики и одновременно советник по экономическим вопросам берлинской организации НСДАП). Кроме них в президентский совет Общества европейского экономического планирования входили вице-адмирал О. Гроос (ОКВ), генеральный директор Калийного синдиката А. Дин, президент Дойче рентенбанка В. Гранцов, один из деятелей Немецкого трудового фронта К. Зельцнер, президент Прусской академии наук профессор Т. Фален и другие⁸⁹.

Экономический совет общества возглавлялся Дайцем и Дином, а научный совет — профессорами Т. Фаленом и А. Предёлем, директором Института мирового хозяйства при Кильском университете. В научном совете была собрана почти исключительно профессура — известные нам К. Шмитт (член Академии немецкого права) и Р. Хён (директор Института государственных наук при Берлинском университете), директор Института Срединной Европы В. Лёрх, ректор Высшей торговой школы в Кенигсберге Э. Шой и некоторые другие.

Все эти имена мало что говорят современному читателю. Для того чтобы «оживить» их, показать их подлинную роль в структуре национал-социалистической власти, приведем краткие биографические сведения хотя бы о некоторых из них.

Неоднократно упоминавшийся выше В. Бест, доктор права, впервые «прославился» еще до установления нацистской диктатуры как автор печально знаменитых «боксгеймских документов»⁹⁰ — своеобразного сценария контрреволюционного переворота и введения в стране чрезвычайного положения. После 30 января 1933 г. он был одним из организаторов системы концлагерей в Германии, стоял у истоков тайной государственной полиции — гестапо — и службы безопасности СД. Вместе с Гейдрихом в сентябре 1939 г. участвовал в создании главного управления имперской безопасности — РСХА, где под общим руководством Гиммлера были объединены все пар-

тийные и государственные карательные органы рейха. В июне 1940 г. Бест назначается начальником гражданской администрации в оккупированной Франции, а в ноябре 1942 г. — имперским уполномоченным в Дании. После войны датский суд за многочисленные преступления приговорил его к смертной казни, вскоре замененной пятью годами тюремного заключения⁹¹.

Р. Фрайслер, тоже доктор права. В годы первой мировой войны попал в плен на Восточном фронте, был в России во время Октябрьской революции и гражданской войны, за что получил от своих друзей по НСДАП прозвище «большевистский комиссар». В веймарской республике — участник реакционного фёлькишского движения. Будучи с 1934 г. статс-секретарем министерства юстиции, руководил отделом по борьбе с саботажем. Принимал участие в совещании 20 января 1942 г. об окончательном решении еврейского вопроса. С 1942 г. — президент так называемого народного суда, по решениям которого были казнены тысячи противников гитлеровского режима. Фрайслер погиб при налете союзной авиации на Берлин 3 февраля 1945 г.⁹²

Г. Бакке был выходцем из России и потому слыл в нацистской партии экспертом по восточным вопросам. В 1933 г. назначен статс-секретарем имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства, после отставки В. Дарре некоторое время исполнял обязанности министра, а 1 апреля 1944 г. официально утвержден в этой должности. Бакке — один из непосредственных руководителей подготовки германской агрессии против СССР и экономической эксплуатации населения оккупированных областей. Именно он определял продовольственный рацион для насильственно угнанных на работы в Германию, военнопленных, евреев и остальных заключенных концлагерей. На его совести — миллионы погибших от голода европейцев⁹³.

Еще один доктор права — В. Штуккарт. Возглавляя первый отдел имперского министерства внутренних дел, в котором разрабатывалось законодательство третьего рейха, он занимался святыми святых национал-социализма — расовой теорией и практикой, был, например, ярким приверженцем принудительной стерилизации расово нежелательных элементов. В качестве начальника штаба генерального уполномоченного по вопросам имперской администрации Штуккарт возглавлял специально создаваемые межведомственные комитеты, готовившие документы о прохождении границ рейха, положении и судьбе фольксдойче, участи населения оккупированных территорий. Вместе с Р. Хёном и некоторыми другими он входил в группу особо доверенных лиц и консультантов Гимmlера, специализировавшихся в области жизненного пространства, колонизации захваченных земель и германизации славянских народов⁹⁴.

Вице-адмирал О. Гроос, в годы первой мировой войны служивший в военно-морском флоте, автор трудов о войне на море, с осени

1931 г. был назначен начальником отдела ВМФ в министерстве рейхсвера. Точных данных о его карьере в первые шесть лет нацистской диктатуры нет, но в конце 1939 г. он возглавил так называемый специальный штаб по ведению торговой и экономической войны, созданный при верховном командовании вермахта для организации и координации экономической блокады Англии. Одновременно ему было поручено руководить совместной военной комиссией Германии, Италии и Японии, то есть держав — участниц Тройственного пакта, подписанного 27 сентября 1940 г. Он выполнял особо секретные задания в рамках ведения морской войны против СССР⁹⁵.

Трудно перечислить даже основные сферы деятельности Г. Хунке, президента рекламного совета германской экономики. С 1923 г. активный участник национал-социалистического движения. Основатель и издатель популярного органа НСДАП по хозяйственным вопросам — журнала «Ди дойче фолксвиртшафт». В 1927—1933 гг. — референт в министерстве рейхсвера. Профессор, руководитель отдела экономической и социальной политики в Немецкой высшей политической школе. В 1940 г. назначен заведующим зарубежными стран в министерстве информации и пропаганды. В 1943 г. вошел в состав правления крупнейшего германского банка «Дойче банк»⁹⁶.

Столь же важные функции выполняли в нацистской Германии и остальные члены президентского совета Общества европейского экономического планирования. В действительности оно представляло собой поистине впечатляющий гремиум, корпорацию первоклассных экспертов НСДАП, правительства, вооруженных сил, карательных органов, монополистического капитала и академической науки, способных разрабатывать весь комплекс проблем «нового европейского порядка». Причем речь шла не только об экономических вопросах, как можно было бы предположить, но и о вопросах жизненного пространства, об идеологических, политических, социальных аспектах «новой Европы». Через общество В. Дайц имел доступ практически во все партийно-правительственные инстанции рейха, за исключением, пожалуй, министерства иностранных дел, да и то лишь потому, что его возглавлял конкурент Розенберга И. фон Риббентроп.

Хотя Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики издавало во время войны многочисленные ежегодники, отчеты, серии книг и брошюр по европейской тематике, о его подлинной деятельности известно крайне мало. Есть лишь сведения о том, что его образование было ускорено курсом нацистского рейха на континентальную блокаду Англии, использование материальных ресурсов нейтральных государств и создание уже во время войны европейской великопространственной экономики под германским руководством⁹⁷. В отчете общества за 1940 г. с нескрываемым удовлетворением приводились высказывания английской прессы о причастности Дайца к развязыванию минной войны против

Великобритании⁹⁸. Учреждение общества не прошло мимо внимания Телеграфного агентства Советского Союза, отправившего из Берлина соответствующую информацию⁹⁹. Но в целом во всех концах Европы были вынуждены довольствоваться той краткой и расплывчатой формулировкой цели Общества европейского экономического планирования, которую его организаторы огласили в сентябре 1939 г., а именно: на научной основе и в сотрудничестве с другими организациями «планомерно поощрять экономическое и культурное сотрудничество народов и государств европейского великого пространства путем исследования различных основ их жизни, народохозяйственных структур и возникающих отсюда возможностей взаимного дополнения»¹⁰⁰. И все.

Правда, завеса чуть-чуть приоткрывалась в выступлениях и статьях Дайца конца 1939 — начала 1940 гг.¹⁰¹ Из них видно, что в основу деятельности общества была положена дайцевская биополитическая концепция, в частности, придуманные им законы жизни европейской семьи народов — биологической гравитации, автаркии, образа жизни, перерождения и вырождения, биологический нравственный закон. На этой основе предполагалось сформулировать политическую идею Европы как идею «нового естественного европейского единения»¹⁰² от Атлантики до Урала и от Нордкапа до острова Кипр со сферами влияния, простирающимися в глубины Северной Азии и Африки. Помимо этого предстояло научное обоснование экономической перестройки Европы с конечной целью воссоздания «соответствующей жизни» «новой европейской Ганзы», европейской великопространственной экономики с Германией как центром притяжения, экономики, отрицающей механическую путаницу либерального мирового хозяйства и заменяющей его биологически связанной семьями народов экономикой великого пространства. Немалое место руководители Общества европейского экономического планирования отводили организации экономической борьбы против Англии и других противников рейха. Но все это опять же лишь постановка вопроса, а не ответ на него. В публиковавшихся тогда материалах почти ничего не сообщалось о конкретной деятельности общества, о том, кто его опекал, в «империю» какого вождя оно входило. В самом деле, в сфере влияния какой «империи» оно находилось?

Любопытные соображения на этот счет приводятся в книге восточногерманского историка Э. Чихона «Банкир и власть», переведенной на русский язык в 1977 г. По его мнению, уже после первых побед вермахта во второй мировой войне в Германии появилось несколько вариантов «нового европейского порядка». В основном сформировались две группы: одна во главе со Срединноевропейским экономическим советом, другая — во главе с Обществом европейского экономического планирования и великопространственной экономики. Последнее, тесно связанное с монополиями тяжелой промышленности

и органами СС, распространяло те идеи преобразования Европы, которые в 1914—1915 гг. отстаивал Пангерманский союз при поддержке Г. Стиннеса и А. Тиссена, — идеи аннексии и полного подчинения побежденных стран в рамках организации великого пространства.

Другой вариант «нового порядка» предлагался Срединноевропейским экономическим советом, в котором господствующие позиции занимали «Дойче банк» и химический концерн «ИГ Фарбениндустри». Они поддерживали идеи экономической трансформации Европы в духе памятных записок В. Ратенау и К. Хельфериха 1914 г. и полагали, что европейскую гегемонию рейха надлежит обеспечить не путем аннексий, государственного планирования и управления континентальной экономикой, а посредством установления экономического господства немецких монополий в европейских странах.

Дискуссия между сторонниками двух концепций началась, согласно данным Чихона, летом 1940 г. в связи с капитуляцией Франции, была продолжена в конце 1940 — начале 1941 г. и в то время не дала осязаемых результатов. Только решительные действия монополистической группы «Дойче банк» — «ИГ Фарбениндустри» привели в декабре 1941 г. к поражению Общества европейского экономического планирования¹⁰³.

Соображения Э. Чихона заслуживают не только внимания, но и дополнительного изучения. Их необходимо скорректировать с учетом реалий нацистского политического режима, само существование которого воздействовало на внутривнутриполитическую (в том числе идеологическую) ситуацию в рейхе в гораздо большей степени, чем соперничество финансово-промышленных группировок; к тому же внутри каждой из них выдвигались порой противоположные мнения по одному и тому же вопросу. В связи с этим уместно говорить сначала о том, к «империи» какого нацистского нувориша принадлежала та или иная организация, а уж затем перечислять подпитывавшие данную «империю» монополии.

Истинное лицо Общества европейского экономического планирования определялось прежде всего и главным образом тем, что оно входило в сферу влияния «империи» Розенберга, и данный факт предопределил всю его дальнейшую судьбу. Членство же в нем представителей других «империй» — гиммлеровской, Геринга, Дарре и др. — свидетельствовало лишь о сложной структуре режима и крайней запутанности отношений в верхних эшелонах нацистской власти.

Как упоминалось выше, в 1937 г. В. Дайц возглавил отдел по решению специальных задач, организованный во внешнеполитическом бюро НСДАП. В тесном контакте с ведомством по выполнению четырехлетнего плана (им руководил Геринг), с имперским министерством экономики (В. Функ), министерством продовольствия и сельского хозяйства (В. Дарре), военно-экономическим штабом ОКВ (генерал-майор Г. Томас) и государственным управлением террито-

риального планирования (его руководителем был сначала имперский министр по делам религий Г. Керрл, а затем Г. Мус), с другими ведомствами отдел Дайца занимался проблемами повышения блокадоустойчивости немецкой экономики во время войны, а также формированием континентальной великопространственной экономики под покровительством рейха¹⁰⁴.

После начала войны всем этим задачам стали придавать столь большое значение, что Розенберг, побуждаемый ближайшими помощниками по внешнеполитическому бюро, распорядился дополнить дайцевский отдел формально независимой организацией, в которой были бы сосредоточены лучшие силы германской науки и руководящие чиновники ряда министерств с целью глубокой проработки проблемы «нового европейского порядка». Замышляемое предприятие было одним из тех, с помощью которых Розенберг намеревался существенно расширить влияние своей «империи», упрочить пошатнувшиеся перед войной позиции за счет других.

Схема выглядела в виде пирамиды, вершину которой представлял отдел по решению специальных задач (то есть внешнеполитическое бюро НСДАП). Он опирался на формально самостоятельное частное Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики, состоявшее из статс-секретарей, представителей делового мира и профессуры. В свою очередь, Общество европейского экономического планирования находилось в контакте с научно-исследовательскими учреждениями и неправительственными организациями, действующими в сфере международных экономических отношений. Такая структура была очень гибкой и эффективной. Не случайно в конце мая 1940 г. В. Дайц писал, что «общество в любой момент может быть использовано в качестве инструмента политического руководства рейха, не ограничивая, с другой стороны, свободу маневрирования имперского правительства»¹⁰⁵. Через посредство общества Розенберг стремился заполучить влияние на принятие внешнеэкономических решений.

Выполнение заказов общества исследовательскими институтами гарантировалось специальным распоряжением имперского министра народного образования Б. Руста, с которым у Розенберга существовала по этому поводу принципиальная договоренность. Наиболее тесные деловые связи сложились между обществом и Институтом мирового хозяйства при Кильском университете — единственным в своем роде исследовательским заведением рейха, в чьих стенах разрабатывались теоретические модели экономического переустройства Европы и мира, давались рекомендации по текущим вопросам, готовились планы на далекую перспективу. «Институт мирового хозяйства,— говорил его директор, профессор А. Предель,— сознает, что он стоит на самом переднем крае духовной борьбы»¹⁰⁶.

1 сентября 1939 г., то есть в первый же день войны, в письме

начальнику военно-экономического штаба ОКВ генерал-майору Г. Томасу руководители института заявили о своей готовности к выполнению соответствующих поручений штаба¹⁰⁷. В период войны сотрудники института подготовили сотни, если не тысячи, документов о повышении военного потенциала Германии за счет нейтральных и оккупированных рейхом стран.

Вот с этим-то Институтом мирового хозяйства Общество европейского экономического планирования составило первые памятные записки о снабжении Германии различными видами стратегического сырья. В них содержалось предложение совместить экономическую блокаду Англии и Франции со строительством европейской великопространственной экономики¹⁰⁸. Памятные записки общества были срочно отправлены в имперские министерства экономики и иностранных дел, другие инстанции рейха.

Некоторое представление о сотрудничавших с обществом Дайца научно-исследовательских и учебных заведениях можно получить, познакомившись с содержанием ежегодников, отчетов, сборников и т. д. Среди авторов мы увидим представителей многих германских университетов, высших технических школ, государственного статистического управления, специализированных институтов, ведомств и служб¹⁰⁹. Все они нацеливались на теоретическое обоснование различных аспектов «нового европейского порядка», и единственное условие, которое ставил перед ними Дайц, заключалось в том, чтобы, по крайней мере в открытой печати, не упоминать о Германии как о руководителе европейской великопространственной экономики; вместо Германии рекомендовалось говорить о Европе. «Если мы хотим руководить экономикой европейского континента, что является абсолютно необходимым и произойдет в результате экономического упрочения европейского континента как ядра белой расы, то мы,— подчеркивал Дайц,— по понятным причинам не должны открыто заявлять об этом как о германской великопространственной экономике. Мы всегда должны говорить в принципе только о Европе, поскольку германское руководство является само собой разумеющимся вследствие политического, экономического, культурного, технического влияния Германии и ее географического положения»¹¹⁰.

Помимо учебных заведений и исследовательских институтов Общество европейского экономического планирования пыталось вовлечь в орбиту своего влияния другие неправительственные организации, частные общества и союзы. Пример тому — переговоры между Дайцем и руководителями созданного в феврале 1940 г. Общества Юго-Восточной Европы, которое, будучи в действительности филиалом имперского министерства экономики, благодаря соглашениям о долгосрочном сотрудничестве, субсидировании, персональной унии само оказалось во главе многих формально самостоятельных учреждений Вены, занятых вопросами германского проникновения на Балканы, и

превратилось во влиятельную организацию, способную внести свой вклад в строительство «нового европейского порядка». В годы войны Общество Юго-Восточной Европы совместно с имперской группой «Промышленность» и Срединноевропейским экономическим советом проводило теоретические изыскания в области «промышленного планирования Юго-Восток» — целевого проекта для разработки принципов «правильного руководства экономикой Юго-Востока и ее включения в европейскую великопространственную экономику»¹¹¹. Любопытно, что одним из координаторов этого проекта был профессор Предель.

В. Дайц приложил немалые усилия для того, чтобы поставить Общество Юго-Восточной Европы под свой контроль. Уже 13 марта 1940 г. по его инициативе состоялась встреча генерального секретаря Общества европейского экономического планирования Г. Гроссера с берлинским представителем президента Общества Юго-Восточной Европы, гаулейтера Остмарка¹¹² И. Бюркеля, а спустя неделю Дайц сделал официальное предложение о сотрудничестве двух организаций. «Интересы наших обществ,— писал он в письме Бюркелю,— не пересекаются, а, наоборот, дополняются наилучшим образом... Регионально ориентированные хозяйственно-научные институты являются важными опорными пунктами для реализации целей моего общества. Ведь задача моего общества состоит в объединении регионально расчлененных экономических интересов в общий европейский интерес под руководством Германии»¹¹³. Бюркель поручил вести дальнейшие переговоры с Дайцем вице-президенту Общества Юго-Восточной Европы Г. Фишбеку. Есть данные о подготовке встречи Дайца и главного управляющего венского общества А. Хайнрихсбауэра, намеченной на 27 мая 1940 г.¹¹⁴ Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики стремилось распространить свое влияние и на другие неправительственные организации фашистской Германии.

Весной и летом 1940 г. под воздействием побед вермахта на Севере и Западе Европы стали заметны активные усилия Дайца и его сотрудников, направленные на создание и укрепление позиций общества за пределами имперских границ. При этом особое значение придавалось налаживанию контактов с соответствующими учреждениями фашистской Италии. В июне центральный орган НСДАП газета «Фелькишер беобахтер» сообщила о том, что по приглашению президента германо-итальянского исследовательского фонда, статс-секретаря Г. фон Чаммер унд Остена в Берлин для чтения лекций прибыл итальянский журналист К. Скарфольо, автор нашедшей книги «Англия и континент». Его европейские идеи были близки розенберговским. По утверждению Скарфольо, после войны «Европа будет принадлежать европейцам... жизненной общности всех европейских народов. В конечном итоге может появиться чувство европейской

общности, европейское национальное чувство. Управление ею (Европой.— В. Б.) будет зависеть от идей фашизма и национал-социализма, и даже Англия — если она желает принадлежать сообществу Европы — должна будет присоединиться к социальной общности этой новой Европы, или она погибнет!»¹¹⁵ Инициатива приглашения итальянского журналиста на самом деле исходила не от Чаммер унд Остена, а от Дайца¹¹⁶. Двадцать пятого июня К. Скарфольо стал первым иностранцем — почетным членом общества, его книги и статьи появились на немецком и других европейских языках.

Чуть позже в Берлине состоялась встреча Дайца с итальянским профессором Балеллой, в ходе которой председатель правления Общества европейского экономического планирования выразил желание установить доверительные отношения с научно-исследовательскими институтами Италии в целях гармонизации германских и итальянских взглядов на проблемы «новой Европы». Собеседники остановили свой выбор на Национальном институте культурных связей с зарубежными странами как на органе, способном учредить итальянский исследовательский центр неофициального характера для сотрудничества с обществом Дайца. Информация о берлинских переговорах профессора Балеллы была направлена лично Б. Муссолини¹¹⁷. В августе 1940 г. Дайц совершил поездку в Рим, где передал итальянской стороне меморандум о перспективах взаимодействия двух фашистских режимов в сфере «нового европейского порядка»¹¹⁸.

Таким образом, с самого начала своего существования Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики взяло курс не только на внутреннюю, но и на широкую внешнюю экспансию. Сам Дайц был хорошо знаком с руководящими деятелями многих националистических, фашиствующих, пронацистских группировок, особенно в странах Северной и Западной Европы.

По мере роста влияния общества возрастали амбиции его руководителей. О серьезности намерений Дайца свидетельствовал, например, его меморандум от 31 мая 1940 г., составленный в разгар победоносной кампании вермахта на Западном фронте. Кратко остановившись на истории создания и деятельности своего общества, подчеркнув ставшую еще более актуальной задачу формирования «новой Европы», автор документа перешел к главному. Его предложения сводились к тому, чтобы на базе Общества европейского экономического планирования образовать в Германии специальный имперский комиссариат по вопросам европейской великопространственной экономики с ним, Дайцем, во главе. «Богатый опыт многолетней предварительной работы,— писал он в рейхсканцелярию,— позволяет мне при помощи моего общества... оказывать важную помощь политическому руководству в создании континентальноев-

ропейской великопространственной экономики. Поэтому я предлагаю — назначить имперского комиссара по вопросам европейской великопространственной экономики, которому должны подчиняться все без исключения государственные ведомства во всех мероприятиях, затрагивающих внешнеэкономическую политику Германии... Целесообразно подчинить комиссариат непосредственно рейхсканцелярии, чтобы не обременять фюрера»¹¹⁹.

Иными словами, Дайц добивался практически неограниченных полномочий в пределах своей компетенции, примерно таких же, какие в октябре 1939 г. получил Гиммлер, став имперским комиссаром по укреплению немецкой народности. В случае осуществления предложений Дайц, а за ним Розенберг, прорвались бы в сферу принятия решений по вопросам экономической реорганизации Европы, могли бы потеснить, а возможно, и оттеснить на второй план правительственные учреждения, ведавшие внешнеэкономической политикой рейха, такие как ведомство уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана, министерство экономики, министерство иностранных дел. В результате изменилось бы в пользу Розенберга соотношение сил, сложившееся в начале второй мировой войны между его «империей» и «империями» Риббентропа, Геринга и других. Поэтому европейский меморандум Дайца важен не только сам по себе, но и как отражение конкурентной борьбы за сферы влияния и власть внутри нацистской иерархии. Понятно, что соперничество в верхних эшелонах власти не могло не затронуть и финансово-промышленные круги, стремившиеся воспользоваться им для решения собственных задач.

С конца мая 1940 г., то есть с того времени, когда в рейхе посчитали, что «окончательная победа (на Западе.— В. Б.) достигнута и, следовательно, Англия тоже принимает все германские условия»¹²⁰, когда Гитлер и его военные советники замыслили уже нападение на СССР¹²¹, в фашистской Германии резко обострилась, приближаясь к апогею, борьба за право руководить программой «нового экономического порядка», затронувшая как правительственные инстанции и основные группировки монополистического капитала, так и саму НСДАП. В последней вновь обнаружили себя партийные ортодоксы и прагматики, имевшие разные представления о методах экономической реорганизации Европы, а в какой-то степени и о ее конечных целях.

К прагматикам можно безусловно отнести Риббентропа, Геринга, Функа. Они опирались на поддержку большей части монополий, в особенности принадлежавших к группе «Дойче банк» — «ИГ Фарбениндустрии», но не только к ней. В своих программных установках они исходили из того варианта государственного регулирования экономики, который практически сложился в Германии до войны и олицетворением которого был четырехлетний план, дополнявшийся

громоздкой системой организации предпринимателей в виде имперской хозяйственной палаты, имперских и хозяйственных групп. Определенное сочетание государственных мероприятий и частной инициативы, смещение акцентов в ту либо иную сторону в зависимости от конкретно складывающейся обстановки (или, в лучшем случае, близкой перспективы) — вот их подход к перестройке европейской экономики, а межгосударственные соглашения вместе с комплексом мер самих монополий (программы переплетения капиталов, создания международных картелей под германским контролем и др.) — основной предлагавшийся ими метод решения проблемы.

Касаясь вопросов организации «нового экономического порядка», Г. Шлоттерер — лицо из ближайшего окружения Функа — заявил 19 июня 1940 г., что «министерство экономики более, чем когда-либо раньше, претендует только на верховное руководство, а в остальном передает ответственность за все экономические мероприятия самим предпринимателям»¹²², то есть монополиям. «Мы представляем себе европейскую великопространственную экономику главным образом как результат инициативы самого частного хозяйства, — вновь подчеркнул он в своей программной речи 3 октября. — Само собой разумеется, мы как государство можем заключать экономические договоры... Но все это может сводиться лишь к общему урегулированию и повиснет в воздухе, если не подпирается самими предпринимателями... Европейская великопространственная экономика должна представлять собой дело самих предпринимателей и экономического самоуправления»¹²³. Подобные примеры можно продолжить.

В целом нацистские прагматики ориентировались главным образом на экономическое и политическое переустройство европейского континента в ходе победоносной войны, говорили в связи с этим о формировании великого жизненного пространства, но интерпретировали его с более трезвых позиций, чем ортодоксы, отодвигая в неопределенное будущее натуралистические, прежде всего биополитические, концепции европейской семьи народов, выселения и переселения и пр. В этом отношении точка зрения прагматиков НСДАП была принципиально близка традиционным взглядам правоконсервативных представителей германской элиты, впервые проявившимся на рубеже XIX — XX вв.

Другое дело — нацистские ортодоксы, к которым можно причислить Розенберга, Гиммлера, Гесса, Дарре и некоторых других. Их представления о «новом экономическом порядке» отличались ярко выраженным идеологическим подходом, стремлением реализовать идею абсолютной диктатуры НСДАП, а также видением конечной цели национал-социализма, ради осуществления которой надлежит выйти за пределы собственно экономического переустройства Европы. Будучи, как и прагматики, сторонниками военно-государствен-

ного регулирования экономики, ортодоксы вместе с тем акцентировали внимание на необходимости политического — в смысле партийного — руководства экономическими процессами, придумав с этой целью термин «политическая экономика»¹²⁴.

В статье В. Дайца, опубликованной в апреле 1940 г., утверждалось, например, что основой свободного от всякого насилия европейского экономического сотрудничества является «политически руководимая экономика»¹²⁵ — идея, получившая развитие в выступлениях Г. Хунке. Выступая 1 августа с лекцией об экономической реорганизации Европы, Хунке заявил, что «отныне центр тяжести лежит не в экономике, а в политическом руководстве... В семье порядок диктует отец, в народе — фюрер, а в мире — сильнейший». И далее: «Национал-социалистическая немецкая экономика, как политически руководимая экономика, подобно солнцу, вошла в жизнь европейских народов и будет ими управлять в их планетном движении. Это новое солнце позволит возникнуть новому европейскому сообществу судьбы и... новому экономическому сообществу»¹²⁶. Такого рода заявления существенно отличались от высказываний Шлоттера.

В отличие от прагматиков ортодоксы неизменно подчеркивали биологический, расовый характер предлагаемого ими экономического переустройства европейской жизни, обращая внимание на то, что «действительное сообщество труда возможно... лишь у людей и народов одной крови и одной и той же почвы», а великие экономические пространства суть не что иное, как «экономическое выражение формирующихся самостоятельных жизненных пространств отдельных рас»¹²⁷.

Во второй половине года Дайц, Бест и другие биополитики опубликовали серию статей с изложением своих взглядов на процесс реорганизации Европы с точки зрения «мировой жизнепространственной революции»¹²⁸, конечным итогом которой будет, по их мнению, не столько «новый экономический порядок» сам по себе, сколько укрепление немецкой народности за счет других и реализация на этой основе идеи «народа господ». Отнюдь не случайно в германской, преимущественно партийной, прессе мелькали в то время статьи, в которых великое экономическое пространство называлось целью безусловно необходимой, но промежуточной, даже второстепенной по сравнению с исторической миссией национал-социализма — завоеванием жизненного пространства; звучал призыв не отвлекаться от решения этой главной задачи¹²⁹.

Множество секретных документов, сочиненных в рейхе в канун и после капитуляции Франции, содержали планы германизации народов и колонизации европейских территорий¹³⁰.

Ситуация открытого противостояния прагматиков и ортодоксов в НСДАП, осложненная отказом Великобритании от подписания

мирного договора и вынужденным переходом рейха к промежуточной стратегии¹³¹, затрагивала, следовательно, не только интересы различных «империй» и подпитывающих их финансово-промышленных и иных групп, но и мировоззренческие проблемы. Именно под этим углом зрения можно объяснить некоторые вскользь брошенные замечания по поводу Дайца и К⁰, прозвучавшие летом — осенью 1940 г. из уст В. Функа и Г. Шлоттерера. Первый был уполномочен Герингом возглавить работы по формированию европейской великопространственной экономики (то есть получил то, к чему стремился Дайц), второй руководил находящимся под попечительством Функа межведомственным отделом по подготовке и обеспечению порядка.

И тот и другой давно знали Дайца. В 1931—1932 гг. Функ и Дайц заседали в имперском экономическом совете НСДАП. Уже тогда между ними возникали расхождения, ибо Дайц, в отличие от будущего имперского министра, нередко поддерживал точку зрения Г. Штрассера, Г. Федера и О. Вагенера¹³², допускавших в своих речах критику крупного капитала. Шлоттерер впервые заявил о себе в 1932 г. на посту редактора еженедельника «Националь-социалистиче виртшафтсдинст», издававшегося в Гамбурге Дайцем. Затем, видимо, не без его протекции, перешел на службу в имперское министерство экономики. Летом 1940 г. Функ и Шлоттерер резко выступили против амбициозных притязаний председателя правления Общества европейского экономического планирования и великопространственной экономики.

Приведем несколько известных нам документов на этот счет. На встрече с представителем семи металлургических концернов В. Цангеном, который одновременно возглавлял имперскую группу «Промышленность», имперский министр экономики просил «помочь ему и позаботиться о том, чтобы не происходило никаких эксцессов, которые дали бы противникам частного хозяйства повод для упреков»¹³³. В свою очередь Шлоттерер, выступая 18 июня на расширенном заседании государственного управления внешней торговли, заявил: «Впредь не следует так много говорить о великом экономическом пространстве. Теоретики типа В. Дайца так сильно злоупотребляли этим термином, что нет желания использовать его»¹³⁴. Еще через месяц, 22 июля под председательством Функа состоялось важнейшее с начала войны совещание руководителей министерств и ведомств по вопросам великопространственной экономики, в ходе которого, в частности, были подвергнуты острой критике идеи директора Немецкого института по изучению конъюнктуры профессора Э. Вагемана, а также В. Дайца. «Когда уже сейчас,— подчеркнул в своей речи Функ,— начинают говорить о Европе как о едином великом экономическом пространстве, то это лишь фантазия»¹³⁵. Та же мысль прозвучала в интервью Функа, опубликованном

26 июля 1940 г. газетой «Зюдост-Эхо». В резких тонах министр потребовал вернуть обсуждение вопроса о «новом порядке» из сферы фантазии и спекуляций в реальный мир фактов¹³⁶.

За словами последовали дела. Уже в указе Функа от 17 июня обращалось внимание на то, что Общество европейского экономического планирования не пользуется поддержкой ни министерства экономики, ни министерства иностранных дел и что имперский министр внутренних дел не позволяет ему заниматься привлечением новых членов¹³⁷. Направленный всем подразделениям имперской хозяйственной палаты указ фактически запрещал им сотрудничать с обществом Дайца. Девятого августа на заседании межведомственного торгово-политического комитета при участии высоких должностных лиц министерства иностранных дел, ОКВ, министерств экономики, финансов, продовольствия и сельского хозяйства, ведомства уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана, Рейхсбанка и т. д. было принято такое решение: «Следует повлиять на то, чтобы по возможности ограничить публичное обсуждение немецких планов экономического преобразования Европы. Основанное посланием Дайцем Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики необходимо еще раз призвать ограничиться научно-исследовательскими работами и воздержаться от публичной пропаганды, а также от всяких зарубежных контактов»¹³⁸. В письме, отправленном 17 августа 1940 г. из министерства иностранных дел, сообщалось, что Дайцу впредь запрещена «публичная пропаганда ради осуществления его идей»¹³⁹.

Когда Дайц, невзирая на подобные предостережения, приступил к созданию экономических советов общества в немецких землях, в ход событий вмешались высшие партийные инстанции. 18 ноября начальник штаба заместителя фюрера М. Борман в чрезвычайно резком по тону письме Дайцу от имени Гесса потребовал немедленно отказаться от запланированных мероприятий, одновременно подвергнув прямо-таки уничижительной критике потуги Дайца давать указания правительственным учреждениям и даже организациям партии на местах. «Задача провозглашать какие-либо хозяйственно-политические принципы... — подчеркивал Борман, — является прерогативой исключительно инстанции НСДАП, но ни в коем случае не частного общества... Это было бы возможно только в случае, если бы эта частная организация... была уполномочена партией либо государством. Но таких полномочий вашему обществу ни партией, ни государством не дано, и нет причин полагать, что в этом отношении что-то изменится в будущем. Сами вы, находясь в должности рейхс-амтслейтера, не компетентны решать такие вопросы в рамках партии»¹⁴⁰. В ответном письме Дайц вынужден был заявить о прекращении работ по созданию местных филиалов общества. Но здесь он покривил душой: в некоторых землях все же предпринимались по-

пытки в этом направлении, что вызвало негодование Бормана¹⁴¹.

Опираясь на специальное распоряжение Бормана, согласно которому гаулейтерам НСДАП предписывалось впредь не допускать образования земельных экономических советов общества Дайца, В. Функ своим новым указом от 23 декабря 1941 г. потребовал прекращения финансирования общества подразделениями имперской хозяйственной палаты, отказа от членства в нем и другой поддержки его деятельности¹⁴². На практике это означало запрещение любых контактов с Обществом европейского экономического планирования всем предпринимательским организациям германского монополистического капитала. Указ Функа действовал в течение всей войны. В августе 1944 г. Дайц все еще с сожалением констатировал, что в соответствии с данным указом всем членам Организации промышленной экономики возбраняется идеологическая и материальная поддержка общества¹⁴³.

В такой ситуации и в надежде на лучшие времена Дайц решил отвлечь внимание своих оппонентов от деятельности общества, переместив центр тяжести в сторону научных исследований «нового экономического порядка». В начале июля 1940 г. в Берлине был зарегистрирован Союз содействия центральному институту национального экономического планирования, экономического руководства и великопространственной экономики, в правление которого помимо Дайца вошли В. Лонгерт и главный управляющий общества А. Бертельзон. Союз занимался подготовкой устава и принципов работы будущего института, формированием его руководящих органов, вопросами финансирования. Крупный взнос в этих целях внес так называемый Фонд Адольфа Гитлера, ожидалось денежные поступления от Имперского продовольственного сословия, Немецкого трудового фронта, некоторых промышленных монополий и банков. Вместе с тем вице-президент Рейхсбанка К. Ланге отказался финансировать деятельность института и отклонил приглашение Дайца вступить в правление союза¹⁴⁴. Здесь уместно напомнить, что президентом Рейхсбанка был имперский министр экономики В. Функ.

Так или иначе, в середине февраля 1941 г. в Дрездене состоялась церемония основания Центрального исследовательского института организации национальной экономики и экономики великого пространства — первого в рейхе специализированного научно-исследовательского учреждения, занимавшегося с позиций национал-социалистического мировоззрения проблемой экономической реорганизации Европы. «Рабочие принципы и цели института, — уточнялось в немецкой прессе, — покоятся на идеях Вернера Дайца»¹⁴⁵.

По случаю основания института Общество европейского экономического планирования устроило 12 марта прием, на котором выступили Дайц и Лонгерт. Подробно остановившись на специфике методологической базы, положенной в основание научно-исследо-

вательской деятельности института, докладчики — Дайц прямо, а Лонгерт в завуалированной форме — показали ее отличие от воззрений прагматического направления в партии и государстве. «Часто можно слышать, — заявил в своей речи В. Дайц, — что в будущем национал-социалистическое преобразование экономики будет происходить без всякого теоретического обоснования... исключительно с позиций мгновенной полезности. Это, конечно, не так. Национал-социалистический подход к организации экономики отличается определенной неизменной принципиальной установкой... нашедшей свой незыблемый принцип в законе автаркии». Нацистское понимание экономики, по Дайцу, это ее понимание как экономики жизненного пространства. То же относится и к великопространственной экономике, которая предстает в качестве экономики жизненного пространства всех европейских народов при полном сохранении их природного своеобразия и неравенства. Таким образом, экономика великого европейского пространства будет строиться не на механических, как прежде, а на биологических основах¹⁴⁶.

Сравнительный анализ механического и органического мышления содержался в докладе Лонгерта. Причинно-механическое мышление, породившее классическую политическую экономию, утверждал докладчик, зиждется на философии Просвещения, представители которой считали законы неорганической жизни, законы движения материи, механики вполне применимыми к жизни человеческого общества. Но человек есть биологическое существо, которому соответствуют лишь органические, биологические формы жизни, и потому материалистически-механическое мышление в принципе не отвечает потребностям биологической жизни человека. Напротив, органически-биологическим мировоззрением является национал-социализм, в политических целях использующий биологию, то есть учение о жизни. Именно национал-социализму суждено заменить буржуазно-либеральное мировоззрение. Для последнего характерны мнимый объективизм, оторванность от жизни, от «субъективно-качественно воспринимающего человека», бездуховный, чисто количественный подход к изучаемым явлениям. Важно не только дополнить его качественными параметрами, субъективным отношением к предмету, но и сблизить объект с субъектом путем их органического синтеза, исходя из розенберговского вывода о том, что объект и субъект суть неотделимые друг от друга корреляты. «Поворот от чисто объективного к субъективному, установление связи внешне объективного с внутренне субъективно-качественным есть последняя и глубочайшая причина национал-социалистической революции»¹⁴⁷, — утверждал В. Лонгерт.

По его убеждению, в основе экономического учения также должны лежать биополитические идеи. Либеральная политическая экономия описывала экономику без человека, при ней люди «жили для

того, чтобы заниматься экономикой, а не занимались... экономикой, чтобы жить»¹⁴⁷. По-иному обстоит дело в экономическом учении национал-социализма. Здесь «экономика служит народу», что соответствует глубинным потребностям жизни.

Точно таких же мировоззренческих принципов следует придерживаться и при изучении экономики великого пространства. Отсюда вытекала основная задача вновь созданного Центрального исследовательского института — изучать великопространственную экономику на биологической основе, сознательно используя сформулированные Дайцем законы жизни¹⁴⁸.

Только на первый взгляд может показаться, что в своих докладах Дайц и Лонгерт преследовали цель сугубо академического изложения мировоззренческих оснований национал-социализма. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. Оттеня различия между либеральным (механистическим) и национал-социалистическим (биологическим) учениями, руководители Общества европейского экономического планирования и Центрального исследовательского института в действительности стремились утвердить свое, биополитическое понимание нацизма за счет иных его интерпретаций, особенно прагматических. Мало того. Сами биополитические концепции рассматривались ими в дайцевском истолковании, через призму законов биологической гравитации, автаркии и других законов. Но из-за такой позиции отношения с прагматически настроенными кругами в НСДАП только осложнялись.

Это видно хотя бы из того, что 1 октября 1941 г. по инициативе имперского министерства экономики был основан конкурировавший с институтом Дайца Институт великопространственной экономики при Гейдельбергском университете. На его первом заседании, проходившем под председательством статс-секретаря Ф. Ландфрида, присутствовали другие высокопоставленные чиновники министерства — Шлоттерер, Имхоф, Хартнак, а также ректор университета профессор Шмитхеннер, профессор Фус из баденского министерства культуры и образования, преподаватели факультета государственных и экономических наук¹⁴⁹. Директором нового института был назначен профессор В. Томс, заведывавший — профессора Э. Шустер, К. Зандиг и Э. Зибер. Отчеты о работе института¹⁵⁰ свидетельствовали о его активной исследовательской деятельности, обширных зарубежных связях, тесных контактах с министерством экономики и предпринимательскими организациями. Совершенно очевидно, что Институт великопространственной экономики был задуман Функом в качестве противовеса Центральному исследовательскому институту В. Дайца.

Ситуация, сложившаяся с Обществом европейского экономического планирования и его институтом, — наглядный пример реальных противоречий и соперничества в стане нацистских европейцев,

показатель накопления в НСДАП некоторых, даже мировоззренческих, различий по вопросам «новой Европы», которые более-менее четко обнаружались уже в первые годы мировой войны. Противостояние партийных ортодоксов и прагматиков, налагаясь на конфликты между группировками финансовой олигархии, генералитета, научной элиты и т. д. и сливаясь с ними, представляло собой в Германии величину постоянную, зависимую по меньшей мере от окончательного исхода войны, а не от отдельных — пусть даже крупных — событий на фронтах. В борьбе «империй» главную роль играли их руководители, в данном случае — не Дайц, а Розенберг. Разобраться в европейской концепции Розенберга, проследить за ее модификацией в условиях начавшейся войны — наша следующая задача.

1.4. Европейская стратегия Розенберга в начале второй мировой войны

С именем Розенберга, как ни с кем иным в нацистской иерархии, связано формирование философско-теоретического основания национал-социалистического европеизма. Из него вытекала розенберговская политическая концепция «новой Европы», в общих чертах сложившаяся в первой половине 30-х гг. и предполагавшая заключение англо-германского союза на почве передела мира: признания Англией германской монополии в Европе, включая СССР, во-первых; формального признания целостности британской колониальной империи со стороны рейха, во-вторых.

Пока же Европа расчленялась данной схемой на три части. Ее ядро составляла Центральная Европа с Германией во главе, к которой — в силу «общности судьбы» — обязаны были примкнуть Скандинавские и Балкано-дунайские страны. Западная Европа, если иметь в виду антисоветский аспект «нового порядка», — потенциальный союзник, а в перспективе — младший партнер Германии. Восточная же Европа, прежде всего СССР, — это, конечно, враг, причем не только нацистского рейха, но и всей европейской культуры. Поэтому борьба с большевизмом провозглашалась Розенбергом первым шагом на пути к «новой Европе», исторической миссией национал-социализма.

Еще до войны розенберговскую концепцию начала критиковать набиравшая влияние группировка прагматиков — Риббентроп, Геринг, Функ и др., которая, исходя из анализа конкретной обстановки, считала союз с Великобританией делом совершенно нереальным, предлагая вместо него пакт Германии, Италии и Японии. Схема

прагматиков предусматривала нанесение удара сначала по Англии и Франции и только затем, после побед на Западе, — по СССР.

Подписание советско-германского договора о ненападении, объявление войны Германии, последовавшее 3 сентября 1939 г. из Лондона и Парижа, — все это ввергло Розенберга в состояние шока. Ломалась вся его концепция. Смятение, тревога Розенберга тех дней отразили его дневниковые записи. «У меня такое ощущение, — отмечал он, касаясь советско-германского договора, — что этот московский пакт когда-нибудь отомстит национал-социализму... Как мы можем говорить еще о спасении и организации Европы, если вынуждены прибегать к помощи разрушающей Европу силы?»¹⁵¹

Подчеркнув, что договор трудно совместить с двадцатилетней борьбой нацистской партии против большевизма, Розенберг внес в дневник весьма примечательные слова: «История, вероятно, когда-нибудь покажет, должно ли было возникнуть положение, которое возникло. То есть нельзя ли было мобилизовать решающие английские силы для совместных действий с нами. Это означало бы: довольствоваться лишь принципиальной постановкой вопроса о правах на все (бывшие немецкие. — В. Б.) колонии, чтобы взамен получить английскую поддержку на Востоке. Это решение стало почти невозможным из-за пропаганды фон Риббентропа в бытность его нашим послом в Лондоне»¹⁵².

5 октября — еще одна запись с анализом сложившейся ситуации. «Оценка обстановки, — читаем в дневнике, — лежит не в плоскости нынешнего решения о взаимодействии с Советской Россией, а в отказе от старой линии со времени, когда фон Риббентроп стал нашим послом в Лондоне и не справился там с задачей, которую должен был решить»¹⁵³. Все свои неудачи Розенберг поспешил свалить на одного Риббентропа.

С начала второй мировой войны — и даже раньше — выдвигавшаяся Розенбергом ортодоксальная концепция «нового европейского порядка» не могла не отойти на второй план политической жизни рейха, уступив место более гибким прагматическим концепциям, с которыми выступали Риббентроп и другие. У Розенберга возникла острая потребность осмыслить новые реалии, приспособить к ним — конечно, не поступаясь «принципами», — прежнюю европейскую схему и укрепить свои пошатнувшиеся позиции в верхних эшелонах власти. В борьбе с конкурентами он избрал не оборонительную, а наступательную тактику, и его внимание концентрировалось на немногих, но, пожалуй, самых значительных, главных направлениях.

Первое направление — идеологическое, дающее возможность курировать всю европейскую проблематику. Здесь, в сфере натуралистических абстракций, умозрительных построений, отвлеченных рассуждений у Розенберга не было сколько-нибудь достойных соперников в НСДАП; здесь он мог переговорить любого. Не удивитель-

но, что в трудное для себя время он решил разыграть свою козырную карту. Еще летом 1939 г. он начал и весной 1940 г. закончил работу над «Мировоззренческими тезисами»¹⁵⁴, являвшими собой своеобразный стусок философских идей, впервые воспроизведенных в «Мифе XX столетия». Национал-социализм представлен в розенберговских тезисах величайшей религиозной революцией, заменяющей христианство, революцией, цель которой — гармонизация народа и жизни посредством веры в высшие ценности жизни и смерти — идеи расы и народной общности. «Мировоззренческие тезисы» предназначались для идеологического воспитания членов партии и даже учащихся средних школ, и в неблагоприятных для Розенберга условиях все это было как нельзя кстати.

Следующий шаг Розенберг сделал в первые дни войны. Он потребовал расширения своих прерогатив уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов НСДАП, их распространения на идеологическую деятельность не только партийных, но и государственных, в том числе военных, органов¹⁵⁵. В случае выполнения этих требований он мог стать своего рода идеологическим диктатором рейха. В меморандуме, составленном 15 сентября 1939 г., Розенберг утверждал, что во время войны немецкий народ особо нуждается в разъяснении и обосновании «нового немецкого образа жизни и европейской миссии»¹⁵⁶. Конкретные предложения на этот счет он сделал Гессу, который нашел их правильными по существу, но не по форме: скорее всего заместитель фюрера опасался за свое собственное положение второго человека в партии.

В беседе с Герингом 5 октября Розенберг говорил о необходимости духовной, то есть идеологической, войны, которая, по его мнению, должна вестись наравне с войной на фронтах, экономической и пропагандистской войной. С такой постановкой вопроса Геринг полностью согласился, как и с розенберговской идеей создания государственного исполнительного органа для обеспечения единого руководства идеологической войной. Кажется, Геринг был единственным, кто в ту пору оказал поддержку Розенбергу, но не бескорыстно, а в целях более точного размежевания сфер интересов.

Наконец, 1 ноября Розенберг, ссылаясь на предварительный обмен мнениями с Гессом и Герингом, долго и настойчиво убеждал Гитлера в необходимости сосредоточить в одних руках руководство идеологической борьбой, заявил даже, что в противном случае в будущем «многие люди в партии вновь откроют новых духовных вождей, философов стиля модерн»¹⁵⁷. Это был явный намек на прагматически ориентированных деятелей нацистской партии. В ответ Гитлер поручил Розенбергу подготовить проект постановления по данному вопросу.

Окончательный текст проекта «Указа фюрера о назначении упол-

номоченного по вопросам обеспечения национал-социалистического мировоззрения» был написан 9 февраля 1940 г. В первом параграфе проекта говорилось, что монолитное единство национал-социалистического мировоззрения является предпосылкой утверждения немецкого народа в его жизненном пространстве; для достижения этого единства требуется концентрация соответствующих компетенций в одних руках. Во втором параграфе сообщалось о назначении рейх-слейтера НСДАП А. Розенберга на должность уполномоченного фюрера по вопросам обеспечения национал-социалистического мировоззрения. В третьем, четвертом и пятом параграфах перечислялись права нового уполномоченного, в частности, право издавать директивы высшим партийным и государственным органам, включая вермахт. Было специально оговорено, что за Розенбергом сохраняется пост уполномоченного по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов НСДАП¹⁵⁸.

Чтобы в полной мере осознать тайный смысл розенберговских формулировок об обеспечении единства национал-социалистического мировоззрения и о «монолитном использовании всех действующих в этой сфере сил» — такая фраза присутствовала в третьем параграфе проекта, достаточно еще раз вспомнить, что в нацистской иерархии существовали по меньшей мере две концепции «нового европейского порядка» — ортодоксов и прагматиков... Как всегда, замыслы Розенберга были полны амбиций и максимализма.

Однако Гитлер не подписал предложенный проект. В связи с предстоящими наступлениями на Севере и Западе Европы и по ряду других формальных причин он сообщил Розенбергу об отсрочке поручения до решающих событий на фронтах¹⁵⁹. Позднее к данному вопросу он не возвращался. Для того чтобы подставить пилюлю, Гитлер поручил Розенбергу продолжить подготовительные работы по организации Высшей школы — центрального научно-исследовательского, учебного и воспитательного заведения НСДАП, открытие которого планировалось после победоносного окончания войны. В поручении содержалась формула, обязывавшая партийные и государственные учреждения оказывать любую помощь в этом деле¹⁶⁰. По существу, речь шла о расширении компетенций уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии в конкретной сфере — организации Высшей школы.

Высшая школа мыслилась как средоточие специализированных институтов идеологического профиля. Некоторые из них перечислялись в розенберговских бумагах 1940 г. Предстояло основание таких, например, институтов, как Институт истории арийского духа, Институт биологии и учения о расах, Институт по изучению еврейского вопроса, Институт восточных исследований, Институт германских исследований, Институт по изучению отношений между гер-

манцами и галлами¹⁶¹ (под галлами подразумевались в данном случае французы и голландцы). По некоторым данным, в состав Высшей школы намеревались включить и дайцевский Центральный исследовательский институт организации национальной экономики и экономики великого пространства¹⁶². Уже из одного перечня видно, что проблеме Европы отводилось в планах Высшей школы значительное место.

О том, что это действительно так, свидетельствуют директивы Розенберга, касающиеся исследовательских задач институтов Высшей школы. В частности, научная деятельность будущего Института биологии и учения о расах должна была исходить из следующих указаний: «Открытие расы и наследственности, осознание единства между кровью, позицией судьбы, творениями культуры и государственно-формирующим действием означает величайшую революцию нашего (национал-социалистического.— В. Б.) исследования. Но тем самым и коренную переоценку всех могущественных исторических сил и средство воспитания немецкого, европейского будущего»¹⁶³. Институт по изучению еврейского вопроса (он был открыт 26 марта 1941 г.) с самого начала руководствовался категорическим императивом о полном исключении евреев из Европы как жизненном вопросе для всех европейцев¹⁶⁴. И так далее. О европейских задачах Центрального исследовательского института В. Дайца мы уже говорили.

Если внимательно присмотреться к задачам Высшей школы, можно обнаружить, что они несли двойную нагрузку. В первую очередь это развитие нацистского мировоззрения в розенберговской интерпретации. Во-вторых, это борьба против всех идеологических противников — большевизма, либерализма, еврейства и пр. В сопряжении двух начал Розенберг видел залог победы идей «нового европейского порядка».

Важную роль в решении столь сложной задачи сыграл так называемый оперативный штаб рейхслейтера Розенберга для оккупированных территорий, который отнюдь не ограничивался конфискацией культурных ценностей европейских стран, как порой утверждается в исторической литературе. И образован он был совсем не потому, что, согласно распространившейся версии¹⁶⁵, среди немецких войск, входящих в Париж в июне 1940 г., случайно оказался розенберговский представитель Г. Эберт, обративший внимание на богатейшие парижские библиотеки, архивы, и музеи. Нет, это был орган идеологической войны, а его задачи прямо вытекали из январского указа Гитлера о Высшей школе, где говорилось о необходимости активных приготовлений в этой области, особенно в исследовательской сфере и в плане комплектования библиотек. Следовательно, оперативный штаб Розенберга основывался первоначально в качестве вспомогательного учреждения Высшей школы, а затем,

после того как в 1943 г. в рейхе вынужденно отказались от идеи ее создания, он стал относительно самостоятельной частью розенберговской «империи», занимавшейся в основном европейской проблематикой.

Оперативный штаб находился в двойном подчинении. Его рабочие группы подчинялись армейскому командованию, но по своему происхождению и, главное, задачам («духовное подавление... противников»¹⁶⁶) они являлись служебными органами НСДАП, точнее, «империи» Розенберга. Кадры оперативного штаба черпались из аппарата уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии.

Открыто действуя в нарушение Гаагских конвенций 1907 г., оперативный штаб Розенберга с самого начала приступил к действиям, не имевшим прецедента в истории. Речь шла о том, чтобы после военной победы добить противника идеологически. «Заключенное с государствами Запада перемирие,— подчеркивал начальник штаба Г. Утикаль,— не может распространяться на идеологических противников национал-социализма... Мы должны требовать беспромиссного продолжения борьбы против евреев и масонов. Их окончательное уничтожение было и остается сегодня первой предпосылкой формирования новой Европы»¹⁶⁷.

Уже в первые месяцы своего существования рабочие группы оперативного штаба захватили уникальные архивы и богатейшие библиотеки крупных западноевропейских городов. Среди них — бесценные рукописные фонды и специализированная библиотека Международного института социальной истории в Амстердаме¹⁶⁸, содержавшие документы по истории германского, французского, российского революционного движения. Все они по приказу Розенберга были переданы сотрудникам штаба для изучения в целях разработки проектов нацификации Европы.

Концентрация редчайших материалов в руках Розенберга вызвала недовольство других нацистских руководителей, в первую очередь Гимmlера, в недрах «империи» которого тоже занимались теоретическими изысканиями. В апреле 1941 г. один из ближайших сотрудников рейхсфюрера СС, начальник главного управления имперской безопасности Р. Гейдрих заявил М. Борману, что «научная разработка идеологического противника всегда может происходить лишь в связи с политико-полицейской деятельностью. Только тот материал, в котором полиция безопасности больше не нуждается, может передаваться вам или Высшей школе»¹⁶⁹ (причем в копиях.— В. Б.). Тем не менее руководителям «империи смерти» не удалось нейтрализовать деятельность оперативного штаба.

Вторым направлением борьбы Розенберга со своими конкурентами по НСДАП была модификация его политической концепции «новой Европы» в качественно новых условиях начавшейся войны,

при иной, чем он предполагал, расстановке сил. Несмотря на его многолетние усилия, Германия начала войну не на Востоке, а на Западе, против Англии и Франции, и все это не могло не наложить отпечаток на его представления о «новом европейском порядке». Вместе с тем даже в такой ситуации розенберговская концепция изменилась не столь значительно, как можно было бы предположить на первый взгляд. По всей вероятности, сказалась принципиально ортодоксальная позиция нацистского теоретика.

Идеи «Мифа XX столетия» по-прежнему составляли незыблемое основание политических тренировок Розенберга во время войны. Упомянем хотя бы несколько его выступлений, относящихся к 1940 г. Четырнадцатого апреля в Данциге (польский Гданьск) он прочитал доклад на тему «Наша борьба против Версаля». В номере «Фелькишер беобахтер» от 12—13 мая появилась розенберговская статья «Революция Европы»; 9 июля — еще одна речь, на сей раз о нордической общности судьбы¹⁷⁰. Все эти выступления типичны для Розенберга, в них более-менее адекватно отражались его представления о «новом европейском порядке», сложившиеся после начала войны. Отнюдь не случайными являются даты выступлений: доклад в Данциге был прочитан спустя несколько дней после оккупации немецкими войсками Дании и Норвегии; статья в «Фелькишер беобахтер» напечатана по случаю начавшегося германского наступления в Западной Европе; речью о нордической общности судьбы Розенберг, по существу, отреагировал на отказ Англии пойти на заключение мирного договора с рейхом.

Исходный пункт розенберговских рассуждений состоял в оценке мировой войны как революционной войны гигантского масштаба, вызванной «органической игрой биологических сил»¹⁷¹. В недрах этого громадного катаклизма разворачивается европейская революция, которая получила импульс, содержание и цели от национал-социалистической Германии. Национал-социализм инициировал лозунг политической, экономической и культурной реорганизации Европы. Смысл перестройки заключается в завоевании свободы путем реализации права европейской семьи народов на самоопределение, при этом Германии — и это основное условие успеха преобразовательного процесса — надлежит сыграть интегрирующую, объединяющую роль. Но как выполнить эту предопределенную судьбой европейскую миссию?

По утверждениям Розенберга, национал-социализм осуществит свои европейские цели только тогда, когда возьмет под защиту всю территорию, на которой в древности проживали индогерманцы и с которой они по разным причинам вынуждены были уйти; прародина же индогерманцев располагается не только на Западе, Севере и Юге, но и на Востоке. Фактически имелось в виду образование нацистского великогерманского рейха с границами, по меньшей мере

совпадающими с границами Европы, а в перспективе далеко выходящими за ее пределы.

Магистральный путь к конечной цели ведет через радикальные преобразования Центральной, Северной и Юго-Восточной Европы в соответствии с требованием европейского бытия¹⁷². Ядром системы станет Германия. Идея нордической общности судьбы реализуется в великогерманском объединении народов пространства Северного и Балтийского морей, правда, не совсем так, как Розенберг считал до войны. Дело в том, что Великобритания оказалась в стане противников рейха несмотря на все усилия с германской стороны, а Дания и Норвегия были «в превентивных целях» оккупированы вермахтом. Так или иначе, «для всех германских народов,— утверждал нацистский теоретик,— вырисовывается ясная жизненная необходимость образования совместного политического и хозяйственно-политического фронта для защиты от внешней опасности, фронта, который в состоянии удовлетворить интересы каждого народа, поскольку обеспечение интересов каждой нации означает общее укрепление всего европейского континента, и наоборот»¹⁷³.

Великогерманское объединение нордических народов в свою очередь войдет в контакт с народами Юго-Восточной Европы, и в итоге возникнет «симбиоз, то есть... общность труда для удовлетворения потребностей совершенно различных рас и народов. Без сомнения, это новый европейский поворот»¹⁷⁴. В экономическом отношении Европа будет ориентироваться на то, чтобы жить собственной силой, в политическом — на ликвидацию государственного суверенитета малых европейских стран во имя реализации идеи великогерманского рейха.

Небольшим европейским странам не оставалось места в розенберговской схеме. При каждом удобном случае он не устал повторять, что «малая нация нисколько не запятнает свою честь, если поставит себя под защиту великого народа и великого рейха»¹⁷⁵, а один из сотрудников Розенберга в начале июня 1940 г. прямо заявил: «Для либеральных малых государств в нынешней Европе места не осталось. Поэтому война должна решить вопрос... о новой организации европейского пространства»¹⁷⁶.

Итак, в 1940 г. европейская концепция Розенберга предусматривала создание великопространственного комплекса под германским руководством в составе Северной, Центральной и Юго-Восточной Европы с возможностями дальнейшего расширения во все стороны. Такая схема напоминала розенберговские и дайцевские проекты «новой Европы», относящиеся еще к 1934 г., и на это обращают внимание некоторые историки¹⁷⁷. После неудачи с пактом четырех¹⁷⁸ руководитель внешнеполитического бюро НСДАП был вынужден уточнить свое понимание «нового европейского порядка». Именно тогда в его выступлениях появились некоторые новые моменты.

В частности, на первом съезде Нордического общества¹⁷⁹ в июне 1934 г. Розенберг выступил с программной речью о намерениях третьего рейха. «Судьба Европы,— подчеркнул он,— есть судьба каждой европейской нации... и, наоборот, судьба, например, Германии... есть судьба нашего... континента». Германия призвана заняться умиротворением Северо-Востока и Юго-Востока; умиротворение же двух этих пространств «уже есть частично умиротворенная Европа». Европейское единство возможно только при справедливом размежевании «пространства судьбы». Германия претендует на Скандинавию и Балканы в качестве первоочередных объектов экспансии, а затем в поле ее зрения окажется Советский Союз. Все это естественное жизненное пространство германцев. Запад во главе с Англией обязан по меньшей мере не мешать, а еще лучше — содействовать европейской миссии национал-социализма. Только так в перспективе возникнет «объединенная Европа»¹⁸⁰.

Совпадение европейских планов Розенберга 1933—1934 и 1939—1940 гг. не в последнюю очередь объяснялось формальной схожестью международной обстановки. В первом случае Великобритания и Франция не пошли на союз с Германией в рамках пакта четырех, во втором случае они оказались во враждебном Германии лагере; в обоих случаях Розенберг активизировал пропаганду нордической идеи. В тридцатые годы выход был найден в концепции «сознательного европеизма»¹⁸¹, ставшей основой розенберговского варианта внешнеполитического курса рейха накануне войны, а в 1939—1941 гг. Розенберг предпринимал громадные усилия для подготовки германской агрессии против СССР. Но обо всем по порядку.

Розенберг был крестным отцом операции «Везерюбунг» по захвату Дании и Норвегии. Это было частью третьего — территориального — направления его европейской стратегии в начальный период мировой войны. Руководимое им внешнеполитическое бюро еще до войны развернуло бурную деятельность по формированию в Скандинавских странах «пятой колонны». Крупной находкой для «империи» Розенберга стала норвежская фашистская партия «Национальное объединение» во главе с В. Квислингом, который выдвигал программу образования некоего нордического союза, ориентированного на войну с СССР.

В июне 1939 г. состоялась важная встреча Розенберга с Квислингом, положившая начало подготовительным мероприятиям по оккупации Норвегии, проводившимся внешнеполитическим бюро. На встрече подробно обсуждалась идея организации «союза германских государств и об эвентуальной позиции такого германского союза к русской империи». Помимо этого впервые рассматривался вопрос о том, как привести Квислинга к власти¹⁸². В декабре того же года в Берлине имели место новые переговоры между Розенбергом и Квислингом с участием представителей ОКВ, военно-морского флота,

министерства иностранных дел и некоторых других ведомств. Квислинг дважды был принят Гитлером. В те дни Розенберг представил Гитлеру свой план оккупации Норвегии¹⁸³.

Несмотря на то, что инициатива подготовки операции в Северной Европе перешла к военным, и вопреки противодействию министра иностранных дел Риббентропа внешнеполитическое бюро НСДАП не снижало своей активности. Более того, желая затмить Риббентропа и сыграть в Скандинавской операции ведущую политическую роль, Розенберг намеренно преувеличивал опасность, грозящую немецким позициям в Норвегии со стороны Великобритании, и фактически провоцировал вторжение вермахта. 27 апреля 1940 г. он не без самолюбования записал в дневнике: «Внешнеполитическое бюро выполнило историческую задачу. Оккупация Норвегии, вероятно, решит исход войны». Через несколько дней он не смог удержаться от едкой критики министерства иностранных дел: «МИД чуть было не стал причиной страшнейшего поражения. Если бы мы послушали нашего посланника в Осло... то сегодня англичане с триумфом восседали бы в Осло и Стокгольме»¹⁸⁴. Соперничество «империй» Розенберга и Риббентропа отнюдь не ослабело после прекращения военных действий в Дании и Норвегии.

Предметом острых споров стала теперь проблема политической организации оккупированных стран, прежде всего вопрос о том, представитель какой «империи» будет назначен рейхскомиссаром, чей ставленник — Розенберга или Риббентропа — возглавит марионеточное правительство, а в конечном итоге — у кого в Берлине будут сосредоточены нити управления покоренными территориями.

Розенберг стремился во что бы то ни стало продвинуть на пост главы коллаборационистского правительства Квислинга и решить в свою пользу остальные вопросы. Поначалу ему удалось добиться назначения своего ближайшего помощника по внешнеполитическому бюро А. Шикеданца специальным уполномоченным рейхсканцелярии, курирующим имперский комиссариат «Норвегия». «Через его руки, — с удовлетворением отмечал Розенберг, — проходит сейчас вся переписка с Норвегией (включая МИД)»¹⁸⁵. Как свидетельствуют опубликованные дипломатические документы¹⁸⁶, весной — летом 1940 г. руководитель внешнеполитического бюро предпринимал в этом отношении все более активные усилия, кульминация которых пришлась на меморандум от 22 июля под названием «Предварительные предложения, вытекающие из дискуссий о норвежских делах». Меморандум был направлен Гитлеру.

После констатации того, что опыт политической организации Норвегии может послужить прецедентом в ходе национал-социалистического преобразования других стран Северной и Западной Европы, и сославшись на свою речь о нордической общности судьбы, Розенберг предложил учредить ведомство уполномоченного фюрера

по координации политики в оккупированных Скандинавских странах. «Такое ведомство,— писал он,— не обладало бы функцией вмешательства в полномочия рейхскомиссариатов и т. д., а скорее должно было бы обсуждать и координировать общее положение в германских странах в вопросах идеологии и практики, а также устно докладывать... фюреру о различных точках зрения. Назначение могло бы быть конфиденциальным»¹⁸⁷.

В целях укрепления своих позиций автор меморандума рекомендовал, далее, реформировать Нордическое общество в центральное неправительственное учреждение, ведающее вопросами культурного, идеологического и научного развития немецко-германских отношений, для чего, по его мнению, необходимы государственные субсидии. Кроме того, Розенберг сообщал о своем намерении основать в Киле филиал Высшей школы — Институт германских исследований, которому предстояло заниматься изучением нордических проблем. В заключительной части документа давались практические советы, относящиеся к росту влияния в Норвегии внешнеполитического бюро НСДАП, Нордического общества, партии «Национальное объединение» и ее вождя Квислинга¹⁸⁸.

Хотя вследствие конкурентной борьбы с Риббентропом и другими нацистскими деятелями Розенбергу в целом не удалось достичь намеченного в норвежских делах, нельзя забывать, что за спиной Квислинга, с именем которого связан первый опыт коллаборационистской политики военных лет, вначале стояла «империя» Розенберга.

Важное место в европейской стратегии Розенберга в начальный период второй мировой войны отводилось Юго-Восточной Европе, а в ней — Румынии и Югославии. Этим двум государствам внешнеполитическое бюро еще до войны отвело роль своеобразного полигона для испытания различных вариантов вмешательства во внутренние дела других стран. Оно было причастно к убийству югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту 9 октября 1934 г. в Марселе, к реорганизации фашистского движения в Румынии, отставке румынского министра иностранных дел Н. Титулеску, приходу к власти правительства О. Гоги, лидера румынской национал-христианской партии. Особый интерес сотрудники бюро проявляли к экономике Балкано-дунайских стран, прежде всего к румынской нефти. Розенберг называл себя духовным отцом подписанного 23 марта 1939 г. германо-румынского экономического договора¹⁸⁹. В сводном отчете о деятельности внешнеполитического бюро за 1933—1943 гг. подчеркивалось, что «по военно-экономическим соображениям бюро проводило идею максимально возможного перемещения импорта сырья из заокеанских стран в области, доступные сухопутным путям, то есть преимущественно на Балканы»¹⁹⁰. Такую политику розенберговское бюро проводило несмотря на препятствия, чинимые имперским министерством иностранных дел¹⁹¹.

Уже в сентябре 1939 г. проблема Юго-Восточной Европы оказалась предметом спора «империй» Риббентропа и Розенберга, причем последний обвинил министра в абсолютном непонимании не только указанной проблемы¹⁹² самой по себе, но и ее непосредственной связи с вопросами большой стратегии национал-социализма. Поводом для обвинений послужила одобренная министерством иностранных дел фиксация демаркационной линии между Германией и СССР, в результате которой железнодорожная ветка Краков — Станислав (ныне Ивано-Франковск. — В. Б.) — Бухарест проходила по советской территории. Тем самым рейх на время лишился возможности вплотную приблизиться к границам Румынии и контролировать часть своего импорта румынской нефти.

Возмущению Розенберга не было предела. В беседе с имперским министром продовольствия и сельского хозяйства В. Дарре, состоявшейся 23 сентября, руководитель внешнеполитического бюро НСДАП целиком и полностью одобрил высказанное собеседником соображение по поводу того, что Риббентроп фактически сыграл на руку Великобритании, стремившейся не допустить Германию к Черному морю. Благодаря этому, как записано в розенберговском дневнике, Риббентроп завоевал право заседать в палате лордов. «Железная дорога в Румынию в советских руках! — читаем дальше запись беседы. — Если теперь русские войдут в Прибалтику, то для нас будет в стратегическом отношении потеряно и Балтийское море, Москва станет более могущественной, чем когда-либо раньше, — и в любое время возможны совместные действия с Западом против нас»¹⁹³.

Пятого октября, подробно обсуждая с Герингом вопрос о нежелательных действиях МИД, Розенберг подчеркнул следующее: «Возникает категорический вопрос: если сейчас Англия более-менее с таким выпутается (из затруднительного положения. — В. Б.), она снова пожелает использовать Россию против нас в случае сопротивления, которое мы где-нибудь посмеем оказать. Тогда через 6—10 лет мы снова окажемся между двумя фронтами. Ввиду нынешней ситуации становится необходимостью решающее ослабление Великобритании»¹⁹⁴. Несколькими днями ранее нацистский деятель даже выразил надежду на формирование континентального блока Рим — Берлин — Москва — Токио. «Если бы он стал реальностью, — утверждал при этом Розенберг, — Англия была бы вынуждена пойти на быстрое заключение мира, в противном случае британская мировая империя разрушится. От этой возможности зависит сейчас очень многое, вероятно, все»¹⁹⁵.

Подобные рассуждения Розенберга могут показаться непонятными тем, кто знаком с его построенной на антисоветизме европейской концепцией. Но дело здесь, конечно, не в принятии им точки зрения Риббентропа, не в переходе на русофильские позиции в чрезвычайно сложное и запутанное время сентября — октября 1939 г., а скорее

всего в том, что он уличил Риббентропа в непродуманности дипломатических акций, в перспективе могущих привести Германию к войне на два фронта. Так Юго-Восточная Европа естественно вплета-лась в ткань розенберговской общеевропейской стратегии.

В начальный период второй мировой войны Балкано-дунайские государства еще по меньшей мере дважды оказывались объектом крупных экспансионистских действий внешнеполитического бюро, и снова это были Румыния и Югославия. Розенберг ставил себе в заслугу установление военно-фашистской диктатуры генерала И. Антонеску в сентябре 1940 г. на том основании, что генерал в качестве военного министра входил в состав правительства О. Гоги и с тех пор являлся, по словам Розенберга, практическим исполнителем оставленного ему Гогой наследия. «Тем самым,— резюмировал руководитель внешнеполитического бюро,— в Румынии стал возможен поворот в желаемом для Германии направлении»¹⁹⁶.

В Югославии розенберговские эмиссары также появились в переломное для страны время — в конце марта 1941 г., сразу же после государственного переворота. Имеется в виду поездка в Загреб заведомо внешнеполитического бюро В. Маллетке, пытавшегося спровоцировать там провозглашение независимой Хорватии. Любопытно, что в те же дни и практически с той же целью в Югославии находился представитель Риббентропа Э. Везенмейер¹⁹⁷. Шестого апреля 1941 г. началась агрессия фашистской Германии против Югославии.

Если за действиями Розенберга в Северной, Западной и Юго-Восточной Европе можно проследить, что называется, невооруженным глазом, хотя бы путем простого анализа его публичных речей и выступлений, то о его намерениях относительно СССР из открытой печати узнать было почти невозможно: в начальный период второй мировой войны Советский Союз как объект нацистских притязаний старались в рейхе не упоминать. Подобная позиция была вынужденной, до поры до времени она диктовалась советско-германским договором о ненападении и другими соглашениями подобного рода. Тем не менее с начала войны Розенберг, по существу, единственный в партийной и государственной иерархии в полной неприкосновенности сохранил антисоветский и антикоммунистический аппарат, сотрудники которого как ни в чем не бывало продолжали заниматься разработкой вопросов о включении СССР в систему «нового европейского порядка». Восточная Европа все больше и больше превращалась в важнейшее звено европейской стратегии Розенберга вплоть до его назначения имперским министром по делам оккупированных восточных областей.

Крупными специалистами по Советскому Союзу во внешнеполитическом бюро НСДАП были выходцы из России А. Шикеданц и Г. Лейббрандт. Первый еще в июне 1939 г. направил в рейхсканце-

лярию меморандум «Восточноевропейские вопросы!» с рекомендациями относительно германской политики на западноукраинских и западнобелорусских землях после оккупации Польши. В Западной Украине и Западной Белоруссии Шикеданц, как и Розенберг, видел ядро будущих марионеточных образований, с помощью которых Германия могла бы приступить к расчленению СССР и созданию на его территории великого жизненного пространства. Автор меморандума призывал к проведению такой политики в отношении украинского и белорусского населения Польши, которая бы учитывала их психологические и национальные особенности; только осуществление его рекомендаций поможет, по его мнению, «эventуальному дальнейшему использованию отдельных национальностей в германских интересах»¹⁹⁸.

Несмотря на заключение советско-германского договора о ненападении, подписанного от имени рейха Риббентропом, внешнеполитическое бюро по-прежнему будировало «украинский вопрос». 13 сентября 1939 г. Шикеданц в письме шефу рейхсканцелярии Г. Ламмерсу выразил пожелание стать попечителем западноукраинцев в оккупированной вермахтом части Польши¹⁹⁹. Вскоре он был отправлен в генерал-губернаторство специальным уполномоченным Ламмерса.

В решении «украинского вопроса» осенью 1939 г. принимал активное участие и Г. Лейббрандт, заведомо Восточной Европы во внешнеполитическом бюро НСДАП. По поручению Розенберга он посетил в конце сентября Рим, где провел серию бесед с экспертом Муссолини по украинским делам Э. Инсабато и специалистом по борьбе с международным коммунизмом, депутатом фашистского парламента Прециози. Лейббрандту, кажется, удалось рассеять сомнения итальянских собеседников в том, что заключение советско-германского договора будто бы открыло большевизму ворота в Европу, убедить их в неизменности мировоззренческой позиции национал-социализма по отношению к большевизму и СССР²⁰⁰. В марте 1940 г. Лейббрандт вновь совершил поездку в Италию для консультаций по украинским и иным восточноевропейским делам.

Подобные визиты носили совершенно секретный характер, что было связано с подписанием советско-германского договора от 23 августа 1939 г. В то время в Берлине официально объявили о прекращении деятельности входившей в «империю» Геббельса организации «Антикоминтерн», хотя на самом деле ее руководящее звено и некоторые службы в имперском министерстве информации и пропаганды были сохранены²⁰¹. Журнал «Контракоминтерн», переименованный в «Ди акцион» (с прежним составом редакционной коллегии), ориентировался теперь на проблематику «новой Европы». В его первом номере содержались призывы к «новому европейскому порядку», путь к которому открывается-де революцией всех немцев²⁰². Откровенную антисоветскую пропаганду вынуждены были свернуть «импе-

рии» Гимmlера, Риббентропа, Геринга и других нацистских бонз.

В розенберговской «империи» также решили «утопить» тему борьбы с большевизмом в серии нейтральных проблем, посвященных континентальной Европе, единству европейского экономического пространства (ее курировал В. Дайц), немецким поселениям в России, царскому империализму и т. д.²⁰³ Но в отделе Лейббрандта антисоветская работа продвигалась усиленными темпами.

Осенью 1939 г. в восточноевропейском отделе внешнеполитического бюро НСДАП возник план радикального преобразования антибольшевистской деятельности всех партийных и государственных ведомств рейха с учетом новых условий. Суть плана Лейббрандта состояла в том, чтобы подчинить «империи» Розенберга антисоветский комплекс страны и назначить его, Лейббрандта, координатором работ в этом направлении. «В связи с изменением германо-советских отношений,— писал Лейббрандт Розенбергу,— значительно сократились либо... даже приостановились, как, например, в Антикоминтерне, работы в сфере Советского Союза и большевизма... Поэтому я предлагаю, чтобы мы возглавили эту деятельность... В этой работе определенно заинтересованы также министерства иностранных дел, внутренних дел, гестапо, ОКВ, имперское министерство пропаганды. Прошу поручить мне войти в контакт с этими ведомствами»²⁰⁴.

30 января 1940 г. Лейббрандт вновь подчеркнул необходимость образования специального органа для наблюдения за «советскими проблемами». Особое внимание он рекомендовал обратить на изучение деятельности Коммунистического Интернационала, внешнеполитических целей СССР, национального вопроса в Восточной Европе, политики Англии и Франции в отношении Советского Союза. Ради скорейшей реализации своего плана Лейббрандт готов был принять покровительство второго человека в рейхе Г. Геринга: «Подходящей инстанцией... мне представляется аппарат уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана. Чтобы добиться единой ориентации уже имеющихся планов, было бы необходимо иметь поручение генерал-фельдмаршала»²⁰⁵ (то есть Геринга).

В памятной записке «Информация о восточной политике», составленной Лейббрандтом 3 мая, снова выдвигались те же предложения. Нужна «единая ориентация ведомств, занимающихся восточными вопросами. Сегодня более недопустимы параллелизм и неразбериха... Следует оказывать прямое влияние на учреждения... и подчинять их единому центру»²⁰⁶.

Такой центр был создан, но не весной 1940 г., а ровно через год, и с более широкими полномочиями, чем предполагалось вначале. Пока же в рамках отдела Восточной Европы внешнеполитического бюро НСДАП и межминистерского Восточноевропейского исследовательского управления сотрудники Лейббрандта готовили десятки, сотни документов об СССР — брошюры о государственной системе,

партийной структуре, социальных отношениях, национальном составе, экономическом развитии страны, о положении немцев в Советском Союзе; карты народов СССР, в том числе карту немецких поселений, и политико-административные карты различных регионов Союза; картотеки на советских немцев, на служащих, евреев, эмигрантов из СССР; схемы и графики, изображавшие организацию международного коммунистического движения, демографическую ситуацию в СССР и многое, многое другое²⁰⁷.

В начале октября 1940 г. Розенберг доложил Гитлеру о результатах исследований государственной системы СССР, проведенных его бюро. Через несколько дней материалы по данной теме были переданы Герингу, а спустя три недели — Риббентропу со следующей припиской: «Вы сами знаете, насколько серьезный интерес проявляется в партии и примыкающих к ней организациях именно в отношении Советского Союза»²⁰⁸.

Помимо изготовления документов и материалов об СССР, Лейббрандт осуществлял политическое руководство белоэмигрантской газетой «Новое слово», издававшейся в Берлине тиражом 40 тыс. экземпляров; оказывал, по его собственным словам, пропагандистское влияние на итальянские журналы «Вита италиана» и «Корьере дипломатико э консоларе»; готовил ежедневные отчеты о публикациях советской прессы²⁰⁹. Он вел переговоры о включении Института восточного труда, созданного в Кракове по распоряжению генерал-губернатора Г. Франка, в структуру Высшей школы²⁰¹. Предметом его повседневных забот была подготовка кадров гражданской администрации для подлежащих захвату территорий Советского Союза²¹¹.

Чем ближе становилась дата германского нападения на СССР, тем активнее заявляла о себе «империя» Розенберга. Дело в том, что на рубеже 1940—1941 гг. как ортодоксы, так и прагматики в нацистском руководстве, исходя из различных соображений, начали склоняться к единому мнению относительно дальнейшего направления главного удара — не дожидаясь поражения Англии, в ходе молниеносной кампании разгромить Советский Союз. «Тогда, — заявил Гитлер на совещании в ставке вермахта 9 января, — либо Англия сдастся, либо Германия будет продолжать войну против Англии при самых благоприятных условиях»²¹². Кульминационная точка встречного движения европейских концепций Розенберга и Риббентропа пришлась на сенсационный и во многом загадочный полет Р. Гесса в Великобританию в мае 1941 г., представлявший собой последнюю попытку прийти к англо-германской договоренности в преддверии нацистской агрессии против СССР.

Возникшая ситуация известного сближения стратегических установок прагматически и ортодоксально ориентированных кругов в национал-социалистической партии и государстве не сопровождала-

лась, однако, ослаблением соперничества между ними и тем более отказом от тех или иных принципов преобразования Европы. Сохранились, в частности, разные представления о судьбе Советского государства и народов СССР после германской оккупации. И прагматики, и ортодоксы видели в СССР будущего германского вассала и составную часть нацифицированной Европы, но существовали вопросы, на которые и те, и другие отвечали по-разному. Об этом совершенно определенно говорил Розенберг, выступая 20 июня 1941 г. перед узким кругом приглашенных лиц. Приведем несколько фрагментов этого выступления.

«Имеются,— заявил Розенберг,— две противостоящие друг другу концепции германской политики на Востоке: традиционная и другая, выразителями которой мы, по моему мнению, должны быть...

Одни считают, что Германия вступила в последний бой с большевизмом и этот последний бой... нужно довести до конца; после этого наступит эпоха строительства заново всего русского хозяйства и союза с возрождающейся национальной Россией. Этот союз будет означать образование на все будущие времена континентального блока и будет неуязвим...

Мне думается, я уже на протяжении 20 лет не скрываю, что являюсь противником этой идеологии...

Сегодня... мы ведем «крестовый поход» против большевизма не для того, чтобы освободить «бедных русских» на все времена от этого большевизма, а для того, чтобы проводить германскую мировую политику и обезопасить германскую империю. Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления как первоначальная сущность европейских исторических сил...

Война с целью образования неделимой России поэтому исключена... Вместо этой, имеющей, правда, до сих пор распространение, идеи единой России выступает совершенно иная концепция восточного вопроса»²¹³.

К решению проблемы СССР следует подходить, по Розенбергу, с позиций окончательного переустройства европейского континента, а это предполагает правильную постановку политической цели войны. Вот как он ее формулировал: «Навсегда обезопасить Германию от политического давления с Востока... Органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым германскую империю на будущие века от восточной угрозы... Продвинуть далеко на восток сущность Европы»²¹⁴.

Таким образом, уже в постановке политических целей восточной кампании внутри руководящего ядра НСДАП имелись различия. Если одни, преимущественно прагматики, на первый план выдвигали задачу борьбы с политической системой в СССР и его эксплуатации,

то другие, ортодоксы, шли гораздо дальше — своей целью они ставили не только идеологическое, политическое и экономическое подавление страны, но и подрыв биологических основ существования ее населения, германскую колонизацию завоеванных территорий — в общем, создание самых благоприятных условий для трансформации немцев (и в более широком плане — германцев) в «народ господ». К прагматикам относились Риббентроп, Функ, Геринг, к ортодоксам — Розенберг, Дарре, Гиммлер и некоторые другие. В зависимости от решения Гитлера — утвердительного либо отрицательного — по поводу той или иной точки зрения будет, как полагал Розенберг, «определяться ход событий на ближайшие столетия»²¹⁵.

Вот почему весной 1941 г. Розенберг стремился во что бы то ни стало получить диктаторские полномочия в сфере восточноевропейской политики национал-социализма. В немалой степени ему помогло то, что Гитлер сам выдвигал сходные идеи²¹⁶. Свою роль сыграло и вступление в завершающую стадию военных и экономических приготовлений к агрессии против СССР при отсутствии директив по политическим и административным вопросам. Возникла потребность образования специального органа для их разработки.

Второго апреля Гитлер поручил Розенбергу создать центральное политическое бюро для работы на Востоке, а спустя три недели, 20 числа, официально назначил его своим уполномоченным по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства²¹⁷. Тем самым руководитель внешнеполитического бюро НСДАП получил, наконец, пост, которого добивался многие годы и который, казалось, давал возможность подвести черту под преобразованием Европы на основе его собственной европейской концепции. С самого начала он не преминул воспользоваться этой возможностью.

В первом же своем меморандуме в качестве нового уполномоченного Розенберг подчеркнул, что самое главное и первоочередное, что предстоит сделать, заключается в правильной постановке политической цели войны против СССР. «Если целью военных действий будет политическое уничтожение восточной империи... — писал он, — то отсюда следуют выводы: 1. должны быть оккупированы территории огромной протяженности; 2. управлять отдельными частями этих территорий — как с административной, так и с экономической и идеологической точек зрения — нужно будет, заранее учитывая поставленные политические цели; 3. наиболее целесообразно было бы сконцентрировать в одних руках решение тех вопросов, которые касаются управления всеми этими колоссальными территориями»²¹⁸. Уже из одного этого отрывка следует, что Розенберг намеревался стать своего рода диктатором Восточной Европы, подмять под себя партийных и государственных руководителей рейха в решении вопросов, касающихся подлежащих оккупации территорий Советского Союза. Более того, в своем новом назначении он усматривал возмож-

ность решения такой гигантской задачи, «важнее которой,— полагал он,— для национал-социалистической революции и Великогерманской империи нельзя и помыслить... Империя Адольфа Гитлера путем разрешения этой проблемы может сослужить великую службу судьбам будущей Европы»²¹⁹.

Реализацию столь амбициозных замыслов Розенберг связывал отныне с деятельностью аппарата уполномоченного по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства. После вероломного нападения Германии на СССР аппарат этот был преобразован в имперское министерство по делам оккупированных восточных областей.

1.5. Имперское министерство по делам оккупированных восточных областей

Без завоевания и реорганизации европейского Востока национал-социалисты вообще не представляли себе «новый порядок» в Европе, который, по их мнению, должен адекватно отражать процессы, происходящие в биологической жизни европейской семьи народов. А раз так, то самое существенное для национал-социализма — это «органическое объединение всех жизненных процессов в единое целое»²²⁰.

С таких позиций подходили к вопросу о включении СССР в нацистскую «новую Европу» в подразделениях розенберговской «империи». Первым, кто выступил с изложением своих взглядов по данной проблеме, был В. Дайц. В июле 1941 г. он опубликовал статью «Восточная Европа — образ жизни и аграрные отношения»²²¹, в которой предлагал рецепты восстановления целостности европейского жизненного пространства и его семьи народов. Вновь, как и прежде, Дайц зафиксировал существование в Европе двух различных образов жизни, обусловленных разной биологической субстанцией и неодинаковыми природно-климатическими условиями, — образ жизни народов пространства Северного и Балтийского морей (к ним он добавил народы Средиземноморского бассейна, то есть итальянцев) и образ жизни восточноевропейцев. Первые — это динамичные люди, вторые — статичные.

Русским как людям статичным, неспособным, по Дайцу, к организации пространства, присуща «метафизическая боязнь этого пространства, от которого они стремятся защититься сообща, точно так же как лошади смыкаются в круг при нападении волка. Поэтому коллективизм является... способом поселения и способом ведения хозяйства». Древнейшая форма, покоящаяся на коллективной ответственности, представлена в Восточной Европе крестьянским миром

(общинной), а также промысловой артелью. В течение веков крестьянский мир разрушался сначала монголо-татарами, затем царским самодержавием, а теперь большевизмом.

Предлагавшиеся Дайцем рецепты перестройки восточноевропейского пространства сводились к тому, чтобы, уничтожив большевизм, восстановить естественный образ жизни славянских народов и на этой основе возродить крестьянский мир, приспособив его к потребностям «новой Европы». Только путем возрождения изначального образа жизни восточноевропейских народов, а следовательно, восстановления их народного суверенитета, станет возможным, полагал автор статьи, «соответствующее законам жизни соединение Западной и Восточной Европы в живую целостность», сочетание глухого коллективистского ритма народов Востока и звонкой индивидуалистической мелодии вождизма Западной Европы, творческое дополнение русского образа жизни немецким биополитическим руководством²²². «Новый европейский порядок» из идеи превратится в реальность.

Рассуждения Дайца в статье «Восточная Европа — образ жизни и аграрные отношения» были, кажется, первыми конкретными наметками социально-экономического переустройства временно оккупированных территорий Советского Союза, которые впоследствии привели к разработке закона о новом аграрном порядке, объявленном в феврале 1942 г.²²³ Подлинный смысл дайцевских рекомендаций пресса нейтральных европейских государств уловила сразу же после опубликования статьи. Швейцарские газеты, например, анализируя статью, пришли к заключению, что Германия намеревается превратить оккупированные восточные области в «исключительно колониальную страну с рабскими условиями жизни для местного населения»²²⁴.

В июле 1941 г. в фашистской Германии развернулась пропаганда еще одной статьи В. Дайца «Рейх как идея европейской организации»²²⁵, которая появилась за несколько недель до германской агрессии против СССР, но была переработана с учетом начавшейся войны. В ней рассматривалась структура «новой Европы» и перечислялись основные функции отдельных ее частей, в том числе восточноевропейского пространства. Восстановление естественного образа жизни в каждой составной части континента, взаимодействие и взаимодополнение различных укладов жизни, которые обязательно повлекут за собой биополитический поворот Западной Европы на Восток с последующим подключением восточноевропейского пространства к общекионтинентальному «новому порядку», — вот путь, предлагавшийся Дайцем для воплощения принципов биологической доктрины Монро, автором которой он был.

Таким образом, начало агрессивной войны рейха против СССР стимулировало дайцевские изыскания в области «нового европейского порядка». Уже в июне — июле 1941 г. он нарисовал впечат-

ляющую картину национал-социалистической «новой Европы» и места в ней нашей страны — ей готовилась участь колонии, своего рода заменителя Африки, она должна была стать объектом европейской колонизации и мировой политики великогерманского рейха. Все это мотивировалось иррациональным желанием самой природы. «Восстанавливая жизненно-законную организацию Европы, фюрер лишь претворяет в жизнь... закон природы»²²⁶, — подчеркивал верный биополитическим воззрениям Дайц. Европа, по его мнению, — не абстрактное географическое понятие, не произвольное скопление различных народов без всякой внутренней связи, а жизненное пространство расово связанной, органически члененной семьи народов. Следовательно, Западная и Центральная Европа даже при желании не могут отказаться от своей запрограммированной природой миссии в восточноевропейском пространстве.

Помимо внешнеполитического бюро НСДАП активное участие в разработке «советского аспекта» европейской концепции Розенберга принимал аппарат уполномоченного по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов нацистской партии, отвечавший за довольно разветвленную систему партийно-политического обучения. Сотрудники аппарата готовили учебный материал, составляли методические пособия, перспективные планы, инструкции и т. п. Понятно, что проблема «нового европейского порядка», в том числе реорганизации Восточной Европы, находилась с 22 июня 1941 г. в центре внимания этого подразделения розенберговской «империи».

Вся его работа зиждется на директивных указаниях Розенберга. В одной из своих статей, опубликованных после германского нападения на СССР, нацистский теоретик сформулировал два тезиса, которые активно использовались в системе партийной учебы. Первый тезис звучал так: «Высшая цель — обеспечение германского жизненного пространства», второй — «Германия как гарант великоевропейской идеи». Каждый тезис получил соответствующую расшифровку. «Старый мир противостоит нам в формах демократии и большевизма», — раскрывал Розенберг основное содержание второго тезиса. — Но Германия стала единственным гарантом великоевропейской идеи. Вся Европа мобилизуется на борьбу против Востока»²²⁷. Данные указания легли в основу идеологического обучения членов НСДАП во второй половине 1941 — первой половине 1942 г.

К середине 1942 г. Розенберг подготовил список так называемых имперских тем на следующий учебный год — «Судьбоносная борьба на Востоке», «Европа и Америка», «Борьба как закон жизни» — с подробным планом и инструкциями к ним. В инструкциях к первой теме говорилось, что «новая Европа» не может существовать без восточного пространства, поэтому «наши старые требования на Востоке должны быть удовлетворены»²²⁸. Война с СССР, утверждал

теоретик национал-социализма,— это борьба против расового хаоса, человека против недочеловека, борьба против разрушения европейской культуры. Покончив, так сказать, с «негативными» целями войны, уполномоченный по контролю за духовным воспитанием перешел к целям «позитивного» плана: «Это борьба за пространство, в котором мы нуждаемся для гарантированного существования нашего народа», это «борьба за наше будущее», борьба за то, чтобы лучшая земля принадлежала «лучшим», ибо только свободное пространство гарантирует расцвет «сильных личностей». Тут же следовала характерная для Розенберга приписка: «Это послужит и благу всех народов Востока»²²⁹.

Более глубокое понимание европейской концепции Розенберга на новом этапе войны дают не только директивы к имперским темам, но и их разъяснение начальником штаба уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов НСДАП Г. Штельрехтом. Его выступление на состоявшемся в июне 1942 г. совещании руководителей системы партийно-политического просвещения свидетельствовало, кроме того, о том, что конфронтация нацистских ортодоксов и прагматиков по теоретическим вопросам «нового европейского порядка» не прекратилась после германского нападения на Советский Союз.

Резкой критике подверг Штельрехт прагматически ориентированные круги за их склонность к сравнению германской политики в оккупированных восточных областях с колониальной политикой Великобритании в Индии. Для них аналогия была полной. Соответственно их взглядам, точно так же, как Индия принадлежит Англии, так и Восточная Европа должна подчиняться великогерманскому рейху и никому иному. На самом же деле, полагал докладчик, положение гораздо сложнее и подобные аналогии здесь неуместны. Штельрехт рассуждал следующим образом: «Проблемы на Востоке следует формулировать иначе, чем в Индии... Они стали поручением всей Европе... Проблемы Востока должны рассматриваться как европейская задача под германским руководством»²³⁰. В выступлении Штельрехта отразилась ностальгия «империи» Розенберга по еще довоенным прожектам общеевропейского «крестового похода» на Восток под водительством нацистского рейха, имелись почти дословные повторения розенберговских нравоучений 30-х гг. об «общей миссии», о единстве многообразия, европейской семье народов и т. д.

Обнаружились и новые моменты. В частности, Штельрехт пришел к выводу, что в европейской семье есть народы, определяющие ее лицо, и такие, без которых можно спокойно обойтись. В последнем случае подразумевались уже не только евреи и цыгане, но и славянские народы. Отметим также размышления докладчика о специфике войны на Востоке — является ли она внутренней войной, войной «нового европейского порядка», или внешней войной в целях защиты

от расово и пространственно чуждого Европе большевизма. «Она несет в себе признаки обеих»²³¹, — заметил Штельрехт.

После нападения фашистской Германии на СССР бурную деятельность развернуло еще одно подразделение розенберговской «империи» — оперативный штаб для оккупированных территорий. В нем был создан восточный отдел, состоявший из трех главных рабочих групп («Остланд», «Центр», «Украина»), каждая из которых в свою очередь включала в себя несколько более мелких групп. Одновременно сформировался возглавлявшийся Г. Хэртле особый штаб «Наука». Все они решали задачу идеологической борьбы с большевизмом.

С этой целью сотрудники восточного отдела подготовили сначала «Киевский план» (называемый еще, по имени начальника главной рабочей группы «Украина», планом Прокша), а несколько позже — «Восточный план руководства штаба». Одним из первых результатов деятельности особого штаба «Наука», в котором были сосредоточены крупные силы немецкой профессуры, явилась книга Хэртле «Идеологические основания большевизма», получившая высокую оценку в рейхе. Ее называли основным пособием для «духовного подавления большевизма»²³². Операции оперативного штаба расширились еще более после очередного указа Гитлера о полномочиях Розенберга по конфискации и использованию культурных и научных ценностей в оккупированных восточных областях, датированного первым марта 1942 г.²³³

Итак, с начала нацистской агрессии против СССР в различных организациях, входивших в розенберговскую «империю» — во внешнеполитическом бюро НСДАП, в аппарате уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии, оперативном штабе для оккупированных территорий и др., — активизировались работы по дальнейшей модификации европейской концепции Розенберга, особенно под углом зрения интеграции восточного пространства в «новый порядок». Предложения по этому поводу стекались в образованное 17 июля 1941 г. имперское министерство по делам оккупированных восточных областей с местопребыванием в Берлине. Розенберг возлагал на него особые надежды. Ему казалось, что теперь-то он сможет, наконец, отеснить своих конкурентов-прагматиков. Однако надежды эти так и не сбылись.

Имперское министерство по делам оккупированных восточных областей меньше всего напоминало министерство в привычном понимании этого слова. Оно не было отраслевым министерством, а представляло собой первое и фактически единственное в фашистской Германии имперское министерство, вся сфера деятельности которого располагалась за пределами рейха. Оно обладало государственной монополией на громадные, захваченные силой оружия территории

западных регионов СССР — Прибалтику, Белоруссию, Украину. В этом отношении у него наблюдалось поразительное сходство с каким-нибудь министерством по делам колоний, например, в Англии, сходство, которое не могли не заметить даже государства — союзники нацистской Германии. В создании министерства и назначении на пост министра А. Розенберга в фашистской Италии, скажем, увидели «указание на будущее этих областей как своего рода колониальных стран, находящихся в собственности рейха»²³⁴. В сообщениях из Рима говорилось о понимании итальянской стороной главного предназначения нового министерства как инструмента реорганизации Европы: «В Италии не сомневаются, что министру Розенбергу, которому это назначение должно принести также большое личное удовлетворение, удастся в административном плане организовать область, покоренную... оружием, и быстро устранить там следы войны и большевизма. В успехе его деятельности крайне заинтересована вся Европа»²³⁵.

В функциональном отношении имперское министерство по делам оккупированных восточных областей с полным правом можно назвать государством в государстве, поскольку оно выполняло на Востоке те задачи, которые решались в рейхе имперским правительством со всеми его министерствами. Роль последних в Восточном министерстве играли отраслевые отделы.

Еще одна важная деталь. В отличие, например, от генерал-губернатора Г. Франка — палача польского народа, Розенберг был включен в состав имперского правительства. Тем самым Розенберг становился гарантом того, что действия гражданской администрации оккупированных восточных областей будут ориентироваться «в первую очередь на удовлетворение общих потребностей европейского пространства»²³⁶.

Одновременно с назначением на пост имперского министра по делам оккупированных восточных областей Розенберг получил и специально созданную для Востока высшую партийную должность, которой раньше в НСДАП вообще не существовало. Имеется в виду орган имперского руководства партии, дословно переводимое на русский язык название которого звучит как «Сфера деятельности Восток». В исторической литературе о нем практически нет упоминаний. Необходимость образования подобного органа В. Лабс разъяснял следующим образом: «Причины, побудившие фюрера образовать территориальное министерство для восточного пространства, вынудили его дать разрешение на создание в имперском руководстве НСДАП органа «Сфера деятельности Восток», которому были переданы все задачи НСДАП на Востоке, выполняемые в рейхе отдельными членами имперского руководства»²³⁷. Фактически этот орган был партийным аналогом имперского министерства по делам оккупированных восточных областей.

Как руководителю органа «Сфера деятельности Восток» Розенбергу вменялось в обязанность следить за тем, чтобы в оккупированные восточные области прибывали лишь те немцы, которые полностью удовлетворяют «политическим требованиям»; создавать на Востоке опорные пункты для развития «немецкой коллективной жизни нового типа»; прививать национал-социалистическое мировоззрение местным фольксдойче, прежде всего тем, кто на протяжении долгих лет вел активную борьбу с большевизмом и кто должен был получить за это германское подданство; решать другие подобные задачи²³⁸. Возглавив орган «Сфера деятельности Восток», Розенберг стал, по существу, высшим представителем нацистской партии в Восточной Европе.

Смысл совмещения партийных и государственных постов в оккупированных восточных областях состоял в том, чтобы обеспечить таким образом «единую политическую волю», необходимую для скорейшей интеграции восточноевропейского пространства в национал-социалистический «новый порядок».

Руководители «империи» Розенберга устремляли свои взоры как на Восток, так и на Запад. При этом они исходили из идей биополитической целостности европейского континента, взаимодополнения западного и восточного укладов жизни, поворота Западной Европы на Восток, то есть положений известной еще с середины 30-х гг. концепции «сознательного европеизма». Реанимировать эту концепцию, учитывая при этом реалии нового этапа мировой войны (формирование антигитлеровской коалиции), — вот что было присуще политике Восточного министерства с первых дней его существования. Так имитировалась «европейская солидарность» под главенством рейха, готовилась идеологическая, политическая и социально-экономическая база коллаборационизма. Политика «сознательного европеизма» приносила практическую пользу и германской военной экономике.

Невзирая на помехи со стороны прагматически ориентированных кругов, Розенберг и его сотрудники предпринимали все более активные усилия с целью распространения сферы влияния «империи» на оккупированные страны Западной Европы, создания там собственных филиалов, независимых от других германских партийных или правительственных учреждений. Главным объектом интриг была выбрана Франция, и не случайно: в немецкой прессе сотрудничество Германии и Франции открыто называлось первой опорой строящегося «нового европейского дома»²³⁹. В ноябре 1941 г. эксперт внешнеполитического бюро НСДАП по западноевропейским вопросам Г. Эберт получил от Розенберга задание наблюдать за общественными движениями во Франции и в случае необходимости устанавливать контакты с их представителями²⁴⁰. Подобные задания в Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании и других странах выполняли Дайц,

Шейдт и другие работники розенберговской службы. По сути дела, происходил процесс зарождения европейской мультинациональной «империи» Розенберга.

Для придания этому процессу необходимой устойчивости и проведения экономического фундамента под коллаборационизм в имперском министерстве по делам оккупированных восточных областей был создан подчинявшийся непосредственно Розенбергу специальный сектор во главе с Маллетке, сформированный из сотрудников отдела внешней торговли внешнеполитического бюро НСДАП. Хотя основная задача сектора состояла в подготовке и организации частнохозяйственной деятельности компаний стран Западной Европы на временно оккупированных территориях Советского Союза, по своему характеру он был скорее органом политическим и даже идеологическим.

Специальный сектор возник в связи с постановкой вопроса об участии европейских стран в «восстановлении Востока», который обсуждался на серии совещаний в Берлине в конце ноября 1941 г. На одном из них, проходившем в имперском министерстве экономики под председательством Г. Шлоттера и с участием представителей военно-экономического штаба ОКВ, экономического штаба «Ост», заинтересованных германских фирм, подчеркивалось, что в Западной и Северной Европе проявляется повышенный интерес к участию в «восстановлении Востока»; задача заключается в правильной организации этого общеевропейского предприятия под германским руководством²⁴¹. Сформулировав условия привлечения капитала и людей европейских стран на Восток, участники совещания обратили особое внимание на то, что «к сотрудничеству пригодны лишь те народы, которые по своему характеру в состоянии общаться с местным населением (оккупированных восточных областей.— В. Б.) так, как хотим мы, и что должны исключаться те страны, жители которых когда-нибудь могли бы относиться к нам на Востоке как враги»²⁴². В результате остановились на таких странах, как Норвегия, Голландия, Бельгия, Дания, Швеция, Швейцария, Венгрия, Италия; приняли также к сведению позицию Финляндии и Румынии, уже проводивших на Востоке собственную экономическую политику в качестве государств — оккупантов советской территории.

Но если в министерстве иностранных дел, ОКВ, аппарате уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана и министерстве экономики оценивали данный вопрос преимущественно с прагматических позиций — с точки зрения повышения военно-экономического потенциала рейха и укрепления его международного авторитета в формирующейся «новой Европе» (по этому поводу Геринг писал: «Я считаю настоятельно необходимым... выжать из оккупированных восточных областей оптимум того, в чем в интересах немецкой военной экономики нуждаются рейх и находящиеся под его влиянием

европейские страны, и потому готов выступить... в защиту третьих европейских стран в экономическом освоении оккупированных восточных областей»²⁴³), то имперское министерство по делам оккупированных восточных областей ставило проблему значительно шире, под мировоззренческим углом зрения, в плане фиксации конечной цели национал-социализма на континенте — преобразования Европы на биополитических основах. Приоритет в «империи» Розенберга отдавался реализации лозунгов «европейской целостности», европейской семьи народов, биополитически понимаемой континентальной автаркии и т. д.

В том же духе Восточное министерство формировало свою практическую политику в оккупированных областях. Здесь, как и на Западе, можно заметить существенные различия в позициях Розенберга и его прагматически ориентированных оппонентов. В отличие от них Розенберг призывал к проведению на Востоке «умной политики, правильно оценивающей прошлое и настоящее», осуществление которой требует «ясности и твердости мысли и действий», каждый практический шаг которой приближает конечную цель национал-социализма в Восточной Европе²⁴⁴. Но что же, с его точки зрения, это означает — «умная политика»?

Под «умной восточной политикой» Розенберг понимал комплекс идеологических, политических, экономических и военных мер, направленных на скорейшую реализацию его европейской концепции. К своим обязанностям министра он подходил прежде всего с мировоззренческих позиций, изложенных как в «Мифе XX столетия» и других его сочинениях, так и в сочинениях его ближайших сотрудников. В оккупированных восточных областях он видел важнейшую составную часть великогерманского жизненного пространства, подлежащую коренной реконструкции в соответствии с национал-социалистическими принципами народности и нордического вождизма.

Мировоззренческие подходы Розенберга к перестройке Восточной Европы естественно трансформировались в политическую программу. Здесь на первом месте стояла правильная постановка цели и задач германской политики в Восточной Европе. Политическая цель борьбы, утверждал нацистский теоретик, выступая 20 июня 1941 г., заключается в том, чтобы возродить господство нордического человека на европейском континенте. В выступлении давались указания, как решить эту задачу, и именно здесь проявилось своеобразие восточноевропейской концепции Розенберга. «Задачи нашей политики...— говорил он,— должны... решаться так, чтобы в умной... форме подхватить стремление к свободе всех этих народов (оккупированных восточных областей.— В. Б.) и придать им определенные государственные очертания... органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы»²⁴⁵.

Розенберговские указания конкретизировались и уточнялись в так называемой Коричневой папке имперского министерства по делам оккупированных восточных областей: «Германия раз и навсегда должна быть защищена от этой опасности (с Востока.— В. Б.), а именно путем уничтожения Красной Армии и расчленения Советского Союза, в первую очередь по этническому признаку, и путем установления Германией тесного политического контакта с граничащими на Востоке нерусскими областями... Важнейшей предпосылкой для этого является соответствующее отношение к стране и населению... По политическим причинам необходимо, кроме того, по-разному обращаться с различными народами»²⁴⁶.

Таким образом, основными требованиями политической программы Розенберга для Восточной Европы были: обязательное дробление СССР по национальному признаку; разжигание национальной розни; превращение всех наций в зависимые от великогерманского рейха с сохранением видимости народного суверенитета и местного самоуправления; экономическая эксплуатация оккупированных территорий, но таким образом, чтобы у населения не сложилось впечатление, будто его эксплуатируют; немецкая и общеевропейская колонизация восточноевропейского жизненного пространства; полная нацификация Восточной Европы.

Программа Восточного министерства была столь изощренной, что при поверхностном знакомстве подлинный смысл ее трудно улавливался: в программе то и дело звучали требования гуманного обращения с населением оккупированных территорий, облегчения участи советских военнопленных, прекращения «охоты за людьми» ведомством генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Ф. Заукеля и т. д. Но призывы подобного рода только подтверждают, что Розенберг никогда не терял из виду конечную цель нацистской агрессии против СССР — включение восточноевропейского пространства в гитлеровский «новый порядок».

Важнейшим делом в розенберговской «империи» считали разжигание национальной розни под видом борьбы с «большевистским интернационализмом». Уже осенью 1941 г. в имперском министерстве по делам оккупированных восточных областей зародилась идея формирования национальных воинских частей из советских военнопленных и использования их на Восточном фронте. С марта 1942 г. под руководством Шикеданца началась подготовительная работа по организации карательных кавказских воинских частей типа батальона «Бергман», прославившегося своими зверствами в отношении мирного населения. Выдвигались предложения о создании прибалтийских, казахских, среднеазиатских воинских соединений²⁴⁷. «Империя» Розенберга выступила с инициативой военного, политического и пропагандистского использования сдавшегося в плен генерала Власова. «Главный политический отдел...— писал по этому

поводу один из руководителей Восточного министерства, — неоднократно указывал на целесообразность того, чтобы авторитетные германские круги дали славянским народам успокаивающее обещание относительно их судьбы. В качестве лучшего средства было предложено создать своего рода правительство против Сталина из одного военнопленного красного генерала или... подыскать какого-нибудь строптивого генерала, хотя бы по образцу де Голля, который стал бы концентрировать вокруг себя всех недовольных Сталиным красноармейцев»²⁴⁸, понятно, русской национальности.

Полномочия, вытекавшие из указов об образовании имперского министерства по делам оккупированных восточных областей и партийного органа «Сфера деятельности Восток», вместе со скрупулезно разработанной политической программой, казалось, гарантировали полновластие розенберговской «империи» в восточной части европейского континента. Но действительность была иной. С самого начала Розенберг натолкнулся на упорное сопротивление руководителей других партийно-государственных «империй», отнюдь не желавших видеть в нем диктатора Восточной Европы и стремившихся урвать кое-что из полномочий и для себя.

Соперничество высших нацистских функционеров сказалось уже на формировании кадрового корпуса имперского министерства. Есть свидетельства того, что весной 1941 г. Розенберг как уполномоченный фюрера по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства стремился назначить на руководящие посты в аппарате министерства и в рейхскомисариатах ведущих сотрудников внешнеполитического бюро НСДАП, а то и целиком преобразовать его в Восточное министерство²⁴⁹, заполнив остающиеся вакантные места подходящими лицами из других министерств и ведомств. Ему удалось поставить во главе политического управления создаваемого министерства заведомо Восточной Европы внешнеполитического бюро Г. Лейббрандта, утвердить президента Нордического общества Г. Лозе рейхскомиссаром «Остланд», назначить генеральными комиссарами Латвии и Литвы О. Дрекслера и А. фон Рентельна — также членов руководства Нордического общества. Сотрудники внешнеполитического бюро В. Маллетке и Г. Шейдт возглавили соответственно специальный сектор и отдел культуры министерства. Вместе с тем полного успеха в кадровом вопросе Розенберг не добился. В особенности это относилось к его старому приятелю и ближайшему сотруднику по внешнеполитическому бюро А. Шикеданцу, который намечался на пост рейхскомиссара Украины (после передачи этой должности Э. Коху Шикеданц стремился получить надлежащее место на Кавказе). За пределами министерства остался В. Дайц. Неудовлетворительным решением кадровых вопросов сотрудники Розенберга объясняли недостаточную эффективность восточноевропейской политики рейха²⁵⁰.

Наряду с оргвопросами возникли проблемы размежевания компетенций с другими «империями» — Риббентропа, Гиммлера, Геринга. Не успел Розенберг получить полномочия по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства, как в министерстве иностранных дел был образован свой собственный «русский комитет»²⁵¹. Несмотря на формальный запрет вмешиваться в политику на оккупированных территориях (не случайно Риббентропа не пригласили на совещание Гитлера с Розенбергом, Ламмерсом, Кейтелем, Герингом и Борманом о целях войны против СССР, состоявшееся 16 июля 1941 г.), министерство иностранных дел при первой же возможности вступало в конфликт с розенберговским министерством²⁵². А осенью 1942 г. Риббентроп взял реванш. Под предлогом того, что «положения и выводы национал-социалистического мировоззрения соответствуют сущности только немецкой крови и потому не могут распространяться на чужие народности», Гитлер 4 ноября запретил подразделениям НСДАП выполнять «европейские и общемировые задачи»; тем же распоряжением единое руководство европейской политикой рейха передавалось министру иностранных дел Риббентропу, который нес ответственность за проведение этой политики исключительно перед Гитлером²⁵³. Тем самым Риббентроп серьезно ослабил европейскую политику «империи» Розенберга, особенно в Западной Европе; любую политическую акцию приходилось теперь согласовывать с министерством иностранных дел. Однако после Сталинградской битвы действия розенберговской «империи» в европейских странах значительно активизировались, несмотря на упомянутое распоряжение Гитлера.

С момента возникновения Восточного министерства из его компетенции были изъяты вопросы экономической политики и полицейской охраны, которые регулировались особыми указами за подписью Гитлера, Кейтеля и Ламмерса. Указом от 29 июня 1941 г. обязанности Геринга как уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана распространялись на захваченные советские территории, а согласно указу от 17 июля полицейская охрана вновь оккупированных областей возлагалась на рейхсфюрера СС Гиммлера²⁵⁴. За Розенбергом оставалось только определение прав подчиненного ему восточноевропейского пространства²⁵⁵, то есть решение проблем общеполитического характера. Строго говоря, такое ограничение его министерских полномочий в какой-то мере объяснялось тем, что во всех документах уполномоченного по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства акцентировалось внимание на политической миссии создаваемого министерства. Так или иначе, но в письме Г. Ламмерсу Розенберг выразил беспокойство по поводу разграничения функций между ним, Герингом и Гиммлером, добавив, что в конечном счете все это может привести к борьбе всех против всех²⁵⁶. Так оно и случилось.

Еще перед началом нацистской агрессии против СССР Розенберг предупредил об опасности сугубо прагматического подхода к решению восточного вопроса. В меморандуме, датированном 2 апреля 1941 г., он специально подчеркнул этот момент: «Если мы ограничимся созданием административного органа исходя только из хозяйственных соображений и по традиционным схемам... то он очень скоро обнаружит свою несостоятельность и не решит поставленных задач». И дальше: «Подобный центральный орган был бы вынужден осуществлять недифференцированное, диктуемое лишь экономическими соображениями управление на всех территориях, что могло бы помешать выполнению политической задачи или даже... сорвать выполнение этой задачи»²⁵⁷.

В письме Ламмерсу от 14 июня Розенберг вновь возражал против создания независимой от министерства экономической инстанции, резко критиковал появившиеся в то время планы образования самостоятельного министерства экономики для восточных оккупированных областей, которые, по его мнению, могли поставить под угрозу всю восточноевропейскую стратегию национал-социализма и даже вообще сорвать «исторический шанс сознательно управляемой реорганизации европейского Востока»²⁵⁸. Поэтому указ об экономических полномочиях Геринга на оккупированных восточных территориях был воспринят им как определенная уступка прагматическому направлению в партии и государстве. Отношение Геринга ко временно захваченным регионам СССР с позиций колонизатора и рабовладельца зафиксировали многие документы времен войны²⁵⁹.

Сложнее обстояло дело с Розенбергом и рейхсфюрером СС Гиммлером. Соперничество возглавлявшихся ими «империй» началось еще в 30-е гг. и продолжалось в период войны. Теперь главным спорным вопросом стал вопрос о размежевании компетенций на Востоке. Гиммлер стремился обеспечить себе не только полицейские, но и политические права, прежде всего борьбу с большевизмом и выполнение своих задач в качестве рейхскомиссара по укреплению немецкой народности²⁶⁰. Напротив, усилия Розенберга были направлены на то, чтобы ограничить полномочия рейхсфюрера чисто полицейскими функциями. Розенберг пытался доказать, будто сфера действий рейхскомиссариата по укреплению немецкой народности не выходит за пределы собственно рейха; ответственным за «политическое планирование немецкой народности», то есть германской колонизации Востока, он считал себя; Гиммлеру же он оставлял только практическое «осуществление поселения», другими словами, выполнение поручений²⁶¹.

Ситуацию лишь обострило решение Гитлера распространить полномочия имперского комиссара по укреплению немецкой народности на оккупированные восточные территории и его требование к Розенбергу и Гиммлеру действовать на Востоке в тесном сотрудничестве²⁶². В октябре 1941 г. в розенберговском министерстве был создан Цент-

раальный штаб планирования — совещательный орган, состоявший из представителей заинтересованных учреждений и ведомств. Довольно сложная структура штаба включала комитет по вопросам колонизации²⁶³. Своими разработками основ колониационной политики в Восточной Европе Центральный штаб планирования стремился перехватить инициативу у гитлеровских экспертов, ведущих работу по составлению «Генерального плана Ост»²⁶⁴, но в этой области «империя» Гиммлера оказалась сильнее. Розенбергу оставалось только жаловаться²⁶⁵.

Как видим, острое соперничество с участием нацистских прагматиков и ортодоксов в вопросах «нового европейского пространства», в особенности подключения к «новой Европе» восточноевропейских территорий, с началом германской агрессии против СССР не было снято, а приобрело новые очертания и формы. Розенберг считал себя единственным человеком (разумеется, за исключением Гитлера), обладающим в этих вопросах абсолютной истиной, и потому добивался для себя, по существу, чрезвычайных полномочий. Его прямо-таки физиологическая страсть к монополизации европейской политики национал-социализма в гипертрофированном виде проявилась во второй фазе мировой войны, начало которой положила Сталинградская битва.

2. ПРОВАЛ НАЦИСТСКИХ ПЛАНОВ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЕВРОПЫ (НОЯБРЬ 1942 — МАЙ 1945)

2.1. Перспективы «нового европейского порядка» после Сталинградской битвы

Сталинградская битва — подлинная кульминационная точка в развитии второй мировой войны. Стратегическое напряжение между противоборствующими сторонами достигло к тому времени крайнего предела. В случае неудачи советских войск могла на неопределенное время отдалиться победа антигитлеровской коалиции, Европа надолго превратилась бы в безраздельную вотчину нацистской Германии, оказалась бы совершенно непредсказуемой дальнейшая судьба многих народов, населяющих континент. В случае поражения вермахта на горизонте явственно обозначалась свободная от национал-социализма и фашизма Европа. В Сталинградской битве решился исход второй мировой войны¹.

Под Сталинградом зашла в тупик авантюристическая стратегия национал-социалистической Германии, исходившая из безрассудной идеи мирового господства. Никогда прежде рейх не испытывал столь крупного военного, политического и психологического потрясения. И хотя Гитлер продолжал храбриться, по инерции высказывая уверенность в конечной победе², в Германии, кажется, навсегда исчезло состояние эйфории, царившее среди деятелей партийного и государственного руководства вплоть до осени 1942 г.

Под воздействием Сталинградской битвы в германском рейхе появились более трезвые оценки перспектив и длительности мирового конфликта, соотношения сил, экономических возможностей враждующих сторон³. Типичными стали заявления о предстоящей изнурительной борьбе по всему периметру фронтов, которой не выдержать без чрезвычайной мобилизации ресурсов оккупированных европейских стран.

Почувяв смертельную опасность, национал-социалистическое руководство было вынуждено приступить к пересмотру некоторых элементов своей программы реорганизации Европы. На этот счет появились многочисленные распоряжения Гитлера, Риббентропа, Геббельса, Розенберга, Шпеера и других представителей нацистской элиты. Выход из кризиса, грозившего поражением в войне и гибелью национал-социализма, виделся им в немедленном переходе к тотальному ведению войны, а также в новом понимании европейской идеи, при котором смертельным врагом Европы — не только «новой Европы» гитлеровского образца, но и Европы как таковой — назывался «советский большевизм».

В секретном приказе Гитлера о тотальной войне, датированном 13 января 1943 г., ставились задачи, которые надо было решить немедленно в интересах «возможно быстрого заключения победоносного мира»⁴. Спустя две недели фюрер еще более заострил проблему, подчеркнув ее общеевропейский аспект: «Сейчас есть только две альтернативы: либо победу одержит Германия, германский вермахт, союзные с нами страны и, следовательно, Европа, либо с Востока на старейший культурный континент хлынет центральноазиатско-большевистская волна, разрушая и истребляя все на своем пути, точно так же, как это уже было в самой России»⁵.

Огромная тревога за судьбу режима прозвучала в выступлении имперского министра информации и пропаганды Й. Геббельса 18 февраля. «Опасность, нависшая над нами,— заявил он,— колоссальна. Поэтому колоссальными должны быть и наши усилия, которые мы ей противопоставляем». Коснувшись необходимости кардинального повышения военно-экономического потенциала рейха за счет мобилизации ресурсов оккупированных территорий, министр пропаганды вновь напомнил, что «будущее Европы зависит от нашей борьбы на Востоке». «Мы готовы его защищать,— продолжал он.— Германский народ отдает этой борьбе свою драгоценную национальную кровь. Остальные районы Европы должны отдать для этого хотя бы свой труд»⁶. Фашистская Германия представляла в выступлении Геббельса в качестве защитницы «цивилизованного» Запада от «дикого» Востока.

Катастрофическое поражение вермахта под Сталинградом вынудило уже не только В. Дайца, но и представителей других «империй» заговорить о необходимости единого европейского экономического планирования, единой европейской программы вооружения, действенной мобилизации европейских экономических резервов⁷, иными словами, о необходимости более рациональной, с немецкой точки зрения, эксплуатации промышленного и людского потенциала оккупированных стран Западной Европы. Предложения, выдвинутые, например, имперским министром вооружения и военного производства Шпеером и стоявшими за ним финансово-промышленными группировками, предусматривали, в частности, перебазирование производства товаров массового спроса из Германии во Францию, чтобы сосредоточить германский экономический потенциал на изготовлении оружия. В связи с этим ярко проявилось стремление активизировать коллаборационизм, особенно французский⁸.

Изменения коснулись как политики, так и идеологии. В середине января 1943 г. стало известно о том, что партийная канцелярия НСДАП запретила использование понятий «великое пространство», «великопространственная экономика», «Еврафрика» и некоторых других. В соответствующей директиве, спущенной на места, утверждалось, что размеры и формы великих пространств зависят от исхода

войны, поэтому совершенно недопустимо «уже сейчас делить мир на определенные великие пространства». Кроме того, великопространственное мышление не должно принижать значения термина «народ» — одной из главных составляющих нацистского мировоззрения. Еще одно указание касалось фашистской Италии, роль которой как союзника рейха значительно возрастала в новых условиях войны. Директивой запрещалось говорить о европейской великопространственной экономике под германским руководством, ибо такая формулировка оскорбляет Италию⁹.

Тенденция к устранению перегибов германской оккупационной политики, вызванных прагматическими, сиюминутными соображениями, стала заметной по отношению не только к Западной, но и к Восточной Европе. Свидетельств тому множество, приведем лишь некоторые из них. В записке сотрудника имперского министерства по делам оккупированных восточных областей В. Хассельблата, направленной Розенбергу и Лейббрандту в разгар Сталинградской битвы, содержалось предложение по-новому сформулировать цели «нового порядка», в особенности для восточноевропейского пространства, и без проволочек приступить к их осуществлению. Хассельблат рекомендовал на время отказаться от грубой колонизационной политики «империи» Гиммлера, от тенденции к онемечиванию до тех пор, пока перестройка восточного пространства не приведет к позитивному для рейха результату. Пока же нужно, по его мнению, заняться «организацией народов, а не государств», их «раскрепощением от большевизма, интернационализма, русификации» посредством политики «отделяющихся друг от друга национализмов»¹⁰. По сути, в записке Хассельблата речь шла о возвращении к истокам восточноевропейской концепции Розенберга.

Необходимость вернуться к «нашей первоначальной восточной концепции» хорошо понимал и сам Розенберг¹¹. Восемнадцатого декабря 1942 г. в имперском министерстве по делам оккупированных восточных областей он провел совещание с участием представителей армейского командования и военно-экономических организаций. Острой критике подверглись там прежние методы проведения германской политики на Востоке, прозвучали призывы определить «новую политическую цель в русском пространстве», выработать «новый политический курс» исходя из установки, что победить Советский Союз можно только «с помощью русских» и никак иначе¹².

Участники совещания высказались за принятие неотложных мер с целью создания предпосылок для военного использования русских против русских — вплоть до признания восточноевропейских народов германскими союзниками. «Но это означает такой поворот по сравнению с прежней немецкой позицией, — говорится в одном из отчетов о совещании, — что, пожалуй, только сам фюрер может отдать приказ об изменении курса»¹³.

По материалам совещания Розенберг составил специальный меморандум для Гитлера, пытаясь убедить его в необходимости такого поворота. Попытки подобного рода он предпринимал и в последующем, в частности 8 января и 19 мая 1943 г.¹⁴, но безуспешно. Не дожидаясь окончательного решения, Розенберг разослал в высшие партийные и правительственные инстанции директивы относительно политики рейха в оккупированных восточных областях с изложением рекомендаций декабрьского совещания. Кроме того, в начале 1943 г. он направил в адрес Гитлера «Декларацию ко всем народам Востока»¹⁵.

Пятнадцатого февраля Й. Геббельс издал собственную директиву, в которой требовал так пропагандировать европейскую идею национал-социализма, чтобы возникло впечатление о полном соответствии «нового порядка» коренным интересам всех европейских народов. Он призывал воздерживаться от публичного оскорбления и унижения народов, проживающих на оккупированных восточных территориях, от оценок Востока как германской колонии, а его жителей как бестий и варваров. «Так же неуместно,— отмечалось в директиве министра пропаганды,— говорить о новых немецких поселениях, особенно о крупных, об отчуждении земель или писать теоретические статьи на тему, следует ли германизировать народы или земли... Тем более нельзя обсуждать вопрос о высылке коренного населения»¹⁶. В условиях крупнейшего поражения вермахта под Сталинградом Геббельсу, как и Розенбергу, казалось, что проводившаяся бесчеловечными методами колонизационная политика гиммлеровской «империи» в Восточной Европе противоречит потребностям тотальной войны.

К такому же заключению, но под другим углом зрения пришли и в аппарате уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана Геринга. С сугубо прагматических позиций там констатировали, что массовые переселения украинских и польских крестьян приводят к «параличу желаний» производить сельскохозяйственные продукты, а это не может не повлиять на выполнение заготовительных планов рейха. Как сообщили сотрудники Геринга 18 марта, «выполнение... запланированных рейхсфюрером СС... переселений... в настоящий момент вследствие военного положения приостановлено, однако следует опасаться, что эти мероприятия немедленно будут возобновлены, как только улучшится военное положение»¹⁷.

Критика колонизационной политики имперского комиссариата по укреплению немецкой народности прозвучала в то время даже в министерстве иностранных дел. В записке чиновника МИД Г. Триски от 7 января 1943 г. давалась в целом негативная оценка европейской «народной политики» Гиммлера, действия которого, по словам автора документа, привели к такой путанице, что никто не в состоянии сказать, должна ли ориентироваться немецкая народная группа в той или иной стране на будущее выселение, либо она будет выполнять другие задачи на месте своего нынешнего проживания¹⁸.

Чтобы нейтрализовать критические нападки в свой адрес, Гиммлер изготовил подробный отчет о немецкой колонизации европейского континента, направив его непосредственно Гитлеру¹⁹. В конечном итоге нацистский фюрер оказал поддержку рейхсфюреру СС, и конкуренты вынуждены были отступить. Именно после Сталинградской битвы появились новые признаки того, что «империя смерти» Гиммлера способна затмить остальные партийно-государственные «империи» великогерманского рейха.

В рекомендациях Розенберга, Геббельса и других, подготовленных после Сталинградской битвы, в явной либо скрытой форме звучали призывы к пересмотру прежнего политического курса Германии на Востоке и Западе Европы, к формулированию более привлекательных социально-экономических и иных целей в рамках «нового европейского порядка», к консолидации европейского фашизма на антисоветской основе путем торжественного провозглашения какой-нибудь декларации, эквивалентной, скажем, Атлантической хартии союзников по антигитлеровской коалиции²⁰. Стали широко пропагандироваться идеи европейского социализма, разрабатывались проекты европейской конфедерации под германским попечительством. В ряде публичных выступлений были — неофициально — оглашены экономические цели европейского сообщества — полная занятость, кооперация, блокадоустойчивость, высочайшая обороноспособность и т. д.²¹

Гитлер, как правило, отклонял предложения относительно «Европейской декларации»²², мотивируя это тяжелым положением на советско-германском фронте и указанием на то, что «все соседние страны — наши враги». «Мы должны получать от них все, что можем, — разъяснял он свою позицию, — но не можем и не должны ничего обещать»²³. По тем же причинам нацистский фюрер наложил вето на «Восточную прокламацию» имперского министра информации и пропаганды, готовую в основных чертах уже в конце февраля 1943 г., идеи которой вытекали из директив Геббельса об ориентации пропаганды на нужды тотальной войны. 9 марта Геббельс записал в дневнике: «В нынешний период слабости он (фюрер. — В. Б.) не желает давать такой знак, который мог бы быть расценен как уступчивость. Как только положение на Востоке снова несколько прояснится, я вновь обращусь к нему»²⁴. Но изменения ситуации на советско-германском фронте в пользу рейха так и не произошло.

С целью создания благоприятных условий для обнародования «Восточной прокламации» в «империи» Геббельса подготовили крупномасштабную пропагандистскую акцию, по своему значению и последствиям сравнимую разве что с образованием пресловутого «Смоленского комитета» во главе с генералом Власовым. Во второй половине марта 1943 г. в оккупированные восточные области была направлена директива имперского министерства информации и пропаганды с тре-

бованием представить срочные доказательства «зверств, которые совершила над народами большевистская система». Излагая основные положения директивы, житомирский генеральный комиссар Лейзер, например, приказал подчиненным ему гебитскомиссарам «срочно побеспокоиться о том, чтобы были собраны все каким-либо образом доступные документы, фотографии, а также свидетельские показания... Документы,— читаем дальше в приказе Лейзера,— следует собрать как можно быстрее и направить мне... Предлагается обратить на этот вопрос особое внимание»²⁵. Тринадцатого апреля германское радио сообщило об обнаружении под Смоленском массовых захоронений с телами четырех тысяч польских офицеров, расстрелянных еще до вступления на эту территорию немецких войск.

Образование «Смоленского комитета», а Катынское дело в особенности свидетельствовали о решимости нацистского рейха взять реванш за военное поражение в Сталинградской битве политическими, идеологическими и пропагандистскими методами. Политико-пропагандистское контрнаступление национал-социализма, начатое после Сталинградского сражения, облегчило повсеместное распространение тезиса о том, будто сам образ жизни европейских народов изначально несовместим с большевизмом и что борьба с СССР есть не что иное, как борьба Европы за жизнь и свободу с советской тиранией²⁶. Разворачивая пропаганду вокруг Катынского дела, нацистское руководство рассчитывало осложнить и без того delicate отношения советского правительства с польским эмигрантским правительством в Лондоне и таким образом вызвать напряженность внутри антигитлеровской коалиции, особенно между СССР и Великобританией²⁷.

Катынское дело поставило Советский Союз в весьма затруднительное положение. Одной из акций, нейтрализующих гитлеровскую пропаганду, был роспуск Коммунистического Интернационала. 28 мая 1943 г., отвечая на вопрос московского корреспондента английского агентства Рейтер Кинга о причинах столь ответственного шага, Сталин прежде всего подчеркнул, что роспуск Коминтерна является «правильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага — гитлеризма... Роспуск Коммунистического Интернационала правилен, так как... он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что «Москва» якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их. Этой же отныне кладется конец»²⁸.

Многократным расширением пропагандистской войны после Сталинграда национал-социализм камуфлировал поиски выхода из глубокого кризиса, в котором оказалась его программа «нового европейского порядка». Как и прежде, проявились две тенденции, два варианта решения проблемы — ортодоксальный и прагматический. Первый выдвигался «империей» Розенберга, второй — «империей» Риббентропа. Риббентроп выдвинул идею европейской конфедерации, с

именем Розенберга была связана концепция европейского социализма. Полемика между нацистскими ортодоксами и прагматиками по вопросам «нового порядка», развернувшаяся в начальной фазе войны, теперь, на новом ее витке, удивительным образом повторилась. В ней, разумеется, уже на качественно ином уровне нашли отражение проблемы, которые по-разному решались К. Шмиттом и его оппонентами-биополитиками,— проблемы «подлинных и мнимых жизненных пространств».

2.2. Европейская конфедерация

Идея федеративного устройства «новой Европы» после окончания войны в практически-политическом плане впервые прозвучала, кажется, в памятной записке известного геополитика профессора А. Хаусхофера, давнего внештатного сотрудника бюро Риббентропа. В ноябре 1941 г. он передал свою записку «Мысли об организации мира» статс-секретарю министерства иностранных дел с просьбой «в подходящее время проверить, подходит ли она для доклада фюреру»²⁹.

Исходной посылкой памятной записки Хаусхофера было предположение, что мировая война не будет выиграна ни одной из держав, а раз так, то после войны сохранятся уже существующие великие пространства во главе с той или иной державой. Следовательно, останется англо-американское сообщество. Япония не потеряет своего влияния в Восточной Азии. Сохранится азиатское ядро Великороссии на обширной территории от Волги до Урала и Байкала — хотя бы в силу того, что «насильственное покорение русской Евразии... так же мало достижимо, как и покорение Китая». Наконец, Германия удержит под своим влиянием Европу.

При такой патовой ситуации, полагал А. Хаусхофер, мирные переговоры о послевоенном устройстве неизбежно будут вращаться вокруг пяти проблем, первую из которых он сформулировал так: «Федеративная организация континентальной Европы; степень немецкого руководства ею; ее границы с Азией». Цель Германии на мирных переговорах будет состоять, по Хаусхоферу, в том, чтобы «за принципиальный отказ от известных методов внешней политики и отказ от нарушения азиатских и южноамериканских сфер влияния морских держав добиться отказа англосаксов от вмешательства в руководимую немцами... континентальную Европу»³⁰. Предложения Хаусхофера почти текстуально совпадали с идеями К. Шмитта о невмешательстве пространственно чуждых сил.

Руководимая рейхом Европа в представлении автора записки виделась европейской федерацией, состоящей из трех групп государств. В первую группу войдут Эстония, Латвия, Литва, Словакия,

Хорватия и, возможно, Сербия — все они будут присоединены к Германии. Вторая группа — это союзные государства, такие как Венгрия, Румыния, Болгария; при известных условиях Финляндия, Греция, Украина, в крайнем случае еще государства Кавказа. Хаусхофер тут же подчеркнул, что Белоруссия, Украина и Кавказ перейдут в разряд союзных государств только после длительного переходного периода прямого германского господства. Третья группа должна охватить Швецию, Норвегию, Данию, Швейцарию и Италию. За рамками хаусхоферовской федерации оставались западноевропейские страны — Франция, Бельгия, Нидерланды, Испания и Португалия, так как включение этих стран «даже в самую слабую форму европейской федерации... пока немыслимо»³¹.

Материалы, подобные памятной записке А. Хаусхофера, скапливались в министерстве иностранных дел. Досье пополнялось за счет всевозможных проектов «новой Европы», состоявшихся германскими марионетками и коллаборационистами всех мастей, которые, признавая безусловное главенство Германии, пытались выторговать для себя хоть какую-то видимость самостоятельности в национал-социалистическом «новом порядке». Нелишне в связи с этим вспомнить описи Л. Дегреля «Роль Бельгии в новой Европе», А. Муссерта «Нидерландское государство в новой Европе», В. Квислинга «Норвегия и германская задача в Европе», выступления французских коллаборационистов³². Головокружительные проекты выдвигались официальными и близкими к ним кругами Финляндии, Румынии, Венгрии. В Румынии, например, звучали требования перенесения государственной границы на Днепр, создания «румынской империи до ворот Азии», установления политической гегемонии на Балканах³³. Добивался равноправия в «новой Европе» главный германский союзник — фашистская Италия³⁴.

Первоначально подобные претензии не принимались нацистским руководством всерьез. Но разговоры на эту тему не прекращались, и в беседе с главарем голландских фашистов Муссертом Гитлер был вынужден разъяснить свою позицию по данному вопросу. В ответ на упоминание Муссерта о германской конфедерации нацистский фюрер заявил, что старая римская империя германской нации в нынешних условиях просто невозможна: «Мы не могли бы создать конфедерацию, то есть одно государство, которое состояло бы из соответствующих отдельных государств, потому что при первой же возможности все это здание снова бы развалилось. Таким образом, безусловно необходимо прочное объединение с целью отражения натиска с Востока». Вопрос о том, как будет называться подобная конструкция, имел, по мнению Гитлера, второстепенное значение. Впрочем, он заметил, что «консолидация (Европы.— В. Б.) может осуществляться лишь рейхом как сильнейшим фактором» и потому «в наших общих интересах безболезненно провести эту перестройку

и присоединение»³⁵. В противовес европейской конфедерации Гитлер однозначно высказывался за образование великогерманского рейха, единственным сувереном в котором будет нацистская Германия.

По-иному относился к идее европейской конфедерации Риббентроп. Будучи законченным прагматиком, имперский министр иностранных дел постепенно пришел к убеждению, что в сложнейшей военно-политической ситуации, вызванной поражением вермахта под Сталинградом и переходом рейха к стратегической обороне, не грех воспользоваться этой идеей в интересах Германии. Осенью 1942 г. в министерстве иностранных дел приступили к предварительной проработке данной проблемы, а спустя некоторое время Риббентроп направил Гитлеру несколько меморандумов с настоятельным предложением провозгласить европейскую конфедерацию, как только Германия добьется крупного успеха на советско-германском фронте³⁶.

Двадцать первым марта 1943 г. датирована очередная памятная записка Риббентропа, которая так и называлась — «Европейская конфедерация». В ней содержалось требование прекратить всякие абстрактные рассуждения о «новой Европе» в германской прессе, ибо они, не ставя перед собой определенных целей, наносят Германии огромный пропагандистский ущерб. Это требование было направлено против Розенберга и его окружения. Но был и более тайный смысл — перехватить инициативу в европейских делах, продолжить победный список международных соглашений, подготовленных и подписанных Риббентропом. Торжественное провозглашение европейской конфедерации было бы навсегда связано с именем Риббентропа, явилось бы завершением его внешнеполитических усилий, свидетельствовало бы о могуществе и влиянии его «империи».

Подчеркнув, что в последнее время с инициативой образования «новой Европы» в форме конфедерации к руководителям Германии обращались Муссолини, Антонеску, Лаваль, ведущие деятели Финляндии, Испании и Балканских стран, имперский министр иностранных дел рекомендовал учредить европейскую конфедерацию в составе Германии, Италии, Франции, Дании, Норвегии, Финляндии, Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Хорватии, Сербии, Греции, Испании, а также тех марионеточных образований, которые с позволения рейха, возможно, будут созданы на оккупированных территориях.

По убеждению Риббентропа основание конфедеративной Европы принесет национал-социалистическому рейху колоссальные выгоды, станет крупным шагом в политико-дипломатическом и военно-стратегическом развитии мировой войны, чувствительно затронет интересы германских противников, союзников, а также нейтральных государств. Учреждение конфедерации, полагал министр, окажет столь значительное воздействие на вражеские державы, что им трудно бу-

дет обосновать смысл своего участия в войне — у них возникло бы ощущение, что они ведут борьбу против «монолитной и единой Европы». «Я думаю также,— писал Риббентроп,— что вражеская коалиция при тех крупных разногласиях, которые уже сейчас обнаруживаются между Англией, Америкой и Россией и которые когда-нибудь обострятся сверх всякой меры, по отношению к единой Европе в конечном итоге просто-напросто распадется»³⁷. Расчет на подрыв антигитлеровской коалиции — весомый и, может быть, самый важный аргумент, найденный сотрудниками имперского министерства иностранных дел в пользу европейской конфедерации нацистского образца.

Не меньшее значение придавал Риббентроп и вероятности того, что в результате провозглашения европейской конфедерации население оккупированных областей, нейтральных и союзных государств перестанет испытывать беспокойство за свою дальнейшую судьбу, с большим доверием станет относиться к рейху, повысит свой вклад в военно-экономический потенциал Германии и в рядах германских вооруженных сил примет активное участие в борьбе против врагов «новой Европы». Такой тактикой, подчеркивал министр, можно «сберечь много немецкой крови». По достижении же победы нетрудно будет, ликвидировав конфедерацию, провозгласить великогерманский рейх³⁸.

А пока можно позволить обсуждать даже вопрос о суверенитете. Более того, уже в первых документах, подготовленных по этому вопросу, прямо говорилось о том, что членами европейской конфедерации являются суверенные государства, которые взаимно гарантируют друг другу свободу и политическую независимость и, кроме того, суверенно решают вопросы внутригосударственного устройства³⁹. Но все это было не более чем блефом. В одном из меморандумов МИД содержалось следующее уточнение термина «государственный суверенитет» применительно к членам европейской конфедерации: «Внешне такая кажущаяся государственность... по возможности должна оформляться всеми привлекательными атрибутами... что ничего не стоит рейху и не представляет никакой опасности. Государственные права могли бы чуть-чуть выходить за пределы прав протектората... Самоопределение, которое мы могли бы гарантировать немедленно, в конечном счете состояло бы в том, что мы позволим господствующей клике в каждом народе в приемлемом объеме эксплуатировать своих собственных соотечественников»⁴⁰.

При внимательном изучении памятной записки Риббентропа бросаются в глаза по меньшей мере два момента. Во-первых, нет абсолютно никаких упоминаний национал-социалистических догм — положений об общности судьбы, о нордической расе, европейской семье народов, различных образах жизни и т. д. Все это отбрасывалось ради совершенно определенных прагматических целей. Во-вторых, по своим методологическим основаниям и методическим приемам записка

Риббентропа перекликалась с проектами К. Шмитта и геополитиков, в особенности с точки зрения невмешательства пространственно чуждых сил в дела европейской конфедерации. Следовательно, можно говорить о значительной активизации прагматического крыла в стане нацистских европеистов после Сталинградской битвы, о его переходе к составлению конкретных программ переустройства Европы на принципах превратно понимаемого конфедерализма.

По распоряжению Риббентропа 5 апреля 1943 г. в имперском министерстве иностранных дел был образован комитет по делам Европы под руководством самого министра. В состав комитета вошли статс-секретарь МИД фон Штеенграхт (заместитель руководителя), помощник статс-секретаря Хенке, министерский директор Виль, послы Гаус и фон Ринтелен, посланники Альбрехт, Шмидт, Рюле, профессор Бербер, доктор Мегерле, советник-референт фон Шмиден, посольский советник Вагнер, бригадефюреры СС Зикс и Френцель. Секретарем комитета был назначен посольский советник фон Трючлер.

Одновременно Риббентроп распорядился о формировании трех рабочих групп комитета по делам Европы. На первую — ее возглавил профессор Бербер — возлагалась «подготовка исторических данных по вопросу о развитии политического устройства Европы с особым учетом прежних форм европейских объединений». В обязанности второй группы входило рассмотрение вопроса о том, «какие проблемы подлежат урегулированию договорным путем в ходе будущего осуществления нового порядка в Европе», а также составление перечня проблем общеевропейского характера. Задача третьей группы заключалась в руководстве европейской пропагандой рейха в желаемом для «империи» Риббентропа духе⁴¹.

В качестве главной задачи комитета Риббентроп определил сбор материалов и подготовку документов, которые понадобятся для «урегулирования вопросов нового порядка в Европе в момент окончания войны». «Поэтому, — говорилось в соответствующих инструкциях, — разработка определенных планов общего устройства будущей Европы пока должна быть отложена... Однако уже сейчас совершенно ясно, что будущая Европа сможет существовать только в том случае, если будет полностью утверждено господствующее положение великогерманского рейха. Следовательно, обеспечение этого господствующего положения должно рассматриваться как основа будущего нового порядка»⁴².

Состоявший из высококвалифицированных дипломатов и профессуры, комитет по делам Европы представлял собой лишь верхушку айсберга. Помимо аппарата министерства иностранных дел, в его распоряжении находились эксперты бюро Риббентропа и других ведомств риббентроповской «империи», специалисты ряда научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Деятельность ко-

митета приобрела особо интенсивный характер летом — осенью 1943 г. в связи с поражением вермахта на Курской дуге. Национал-социалистический рейх стал все больше и больше ощущать дефицит времени. Вот почему тон подготовленных в то время документов (предложений Г. Фровейна, записки Р. Рана, памятной записки С. фон Ренте-Финка и др.⁴³) резко отличался от первоначальных набросков Риббентропа и его директив от 5 апреля. Более того, Фровейн, Ран и Ренте-Финк, по существу, вступили в полемику со своим шефом по принципиальным вопросам европейской стратегии рейха. Подверглась критике (без упоминания имен) и точка зрения Гитлера на проблему европейской конфедерации.

В отличие от Риббентропа, рекомендовавшего акцентировать внимание на пропагандистской стороне проблемы, Фровейн, например, подчеркивал, что «пропагандистский элемент... может присутствовать лишь в контексте принимаемых всерьез основных идей этого плана («новой Европы». — В. Б.). Сам план должен быть таким, чтобы он выдержал любое трезвое рассмотрение ответственных правительств». Другими словами, план европейской конфедерации должен быть реальным, убедительным и привлекательным, учитывать «стремление народов к миру, справедливому разрешению национальных проблем, экономическому и социальному благополучию»⁴⁴.

В отличие от Гитлера, который в вопросах «нового европейского порядка» не желал идти ни на какие уступки, Ран и Ренте-Финк ставили вопрос иначе. «Угрожает ли этот поворот в сторону создания конфедерации нашим политическим целям в Европе? — читаем в записке Ренте-Финка. — На этот вопрос следует ответить отрицательно. Мы не утратим ни крупницы своей власти»⁴⁵. Такой же точки зрения придерживался Ран. Он предлагал: «Почему бы нам не обнаружить успокаивающие, соблазнительные или, по меньшей мере, нейтрализующие программы? Возражают, что мы тем самым возьмем на себя обязательства, которые впоследствии не сможем выполнить. С каких это пор мы стали боязливы и целомудренны? Как будто после победы трудно будет найти формулу, которая узаконит наши притязания на господство и даст нам реальную возможность упрочить свое влияние без явного применения силы»⁴⁶.

Критикуя неоднократно высказанные Гитлером опасения насчет того, что любая уступка коллаборационистам может быть истолкована как признак слабости нацистской Германии, переживающей к тому же полосу военных неудач, Ран вновь и вновь повторял, что «подобные соображения не имеют никакого значения в момент, когда мировое общественное мнение на три четверти убеждено в том, что мы потерпим поражение», и разъяснял свою позицию следующим образом: «Нет никакого смысла в моменты военных неудач говорить: сейчас мы не можем заниматься европейской политикой, потому что это будет истолковано как слабость. А в моменты успеха провозгла-

шать: сейчас она нам уже не нужна. Эта политика будет нужна нам всегда»⁴⁷.

Подвергая, наконец, сомнению чрезмерные упования Гитлера на военные средства решения европейской проблемы в ущерб политическим, тот же Ран предлагал альтернативный вариант, ссылаясь на опыт колониальной политики Великобритании. «Есть основания опасаться,— констатировалось в записке дипломата,— что, претерпевая неудачи, мы неизменно будем стремиться к решению исключительно военными средствами, вместо того чтобы именно в таких обстоятельствах проявлять, как это делают, например, англичане, повышенную политическую активность, идя при этом на рассчитанный риск»⁴⁸.

И Фровейн, и Ран, и Ренте-Финк единодушно рекомендовали перейти в решительное политическое наступление, сформулировав «конструктивную программу» европейского будущего с конкретными предложениями по всему комплексу проблем европейской конфедерации. Они выступали за скорейшую разработку «достаточно смелой и широко задуманной» политической концепции «новой Европы», с помощью которой можно было бы, по их убеждению, надеяться на победу во второй мировой войне. Они требовали включить в программу не только политические, но и национальные, культурные, религиозные, экономические, социальные и любые другие пункты — хотя бы для того, чтобы помешать странам антигитлеровской коалиции использовать их против рейха. Исходя из геополитических факторов, они ратовали за основательное «региональное членение», то есть децентрализацию Европы, при которой кроме сильнейшего центра — великогерманского рейха с тяготеющими к нему германскими и «субгерманскими» (то есть восточными и юго-восточными.—В. Б.) народами — нашлось бы место для Средиземноморья и Западной Европы.

И снова, как и в случае с мартовской запиской Риббентропа, возникает вопрос о методологических принципах, положенных в основу предложений Фровейна, Рана и Ренте-Финка. Формально, на словах, признавая национал-социалистические идеи «нового европейского порядка», сотрудники имперского министерства иностранных дел не синтезировали их до понимания Европы как иррациональной биополитической общности, возникшей из крови и почвы своей семьи народов, а предпочли воспользоваться практически полезными, по их мнению, терминами геополитиков и школы К. Шмитта. Как и Шмитт, на первое место в международно-правовой организации «новой Европы» они выдвигали принцип невмешательства пространственно чуждых сил. «Важным принципом плана для Европы,— писал Г. Фровейн 7 июня 1943 г.,— должно быть требование, чтобы Европа и любое входящее в ее состав государство не вмешивались в дела чужих континентов... С другой стороны, любое вмешательство, а также приобретение другими континентами любых политических или военных выгод в Европе и Африке должны быть исключены»⁴⁹. Все это

было почти дословным повторением шмиттовских рассуждений четырехлетней давности, но преломлялось теперь через призму Сталинграда и других крупнейших поражений нацистского рейха.

Предложения Фровейна, Рана и Ренте-Финка легли в основу пакета документов, подготовленных комитетом по делам Европы и датированных девятым сентября 1943 г.⁵⁰ Тот факт, что среди них имелись проекты положений о европейской конфедерации и даже проект учредительной декларации, которая могла бы быть принята на специально созванном по этому случаю общеевропейском совещании, свидетельствовал о готовности «империи» Риббентропа немедленно приступить к реализации крупной внешнеполитической акции с целью упредить, а по возможности и нейтрализовать европейские планы государств антигитлеровской коалиции, твердо взять в свои руки инициативу по вопросам будущего устройства Европы.

Авторы документов мидовского комитета пытались представить дело так, будто СССР, Англия и США не в состоянии предложить европейским народам ничего нового, тем более что их планы пересекаются и противоречат друг другу, а интересы вообще не связаны с интересами Европы. В противоположность «неопределенным планам переустройства мира, выдвинутым противниками», Германия предлагает конструктивный план создания европейской конфедерации, которая должна быть сообществом по возможности всех европейских государств и решать такие важнейшие задачи, как сохранение мира на континенте, обеспечение общеевропейских интересов во внешних сношениях, совместное отражение большевистской угрозы, совместная оборона от внешней опасности, экономическое сотрудничество, духовный и культурный обмен. Руководство европейской конфедерацией составители документов передавали Германии⁵¹.

Представляется важной точка зрения комитета по делам Европы, согласно которой «политически невозможно строить здание европейского единства на основе идеальных требований. Фундаментом для него могут служить только реальные политические явления и историческое развитие, которое привело к ярко выраженному национальному самосознанию всех европейских народов». Отсюда следовал вывод: «Решение европейского вопроса может быть осуществлено только на федеративной основе, на свободном... решении европейских государств объединиться в сообщество суверенных государств»⁵². Заявления подобного рода, если рассматривать их в теоретико-идеологическом плане, находились в противоречии с ортодоксальными представлениями в НСДАП, но зато великолепно вписывались в идеологические конструкции нацистских прагматиков. Любопытно, что к лету 1943 г. относится одна из первых попыток министерства иностранных дел приспособить к потребностям новой фазы войны некоторые основополагающие идеи национал-социализма⁵³.

Глубоко встревожили Риббентропа итоги состоявшейся 19—30 ок-

тября 1943 г. Московской конференции министров иностранных дел Советского Союза, Великобритании и США. Соглашения, достигнутые на ней (в особенности Декларация по вопросу о всеобщей безопасности)— в американской прессе они получили название «великая хартия вольностей нашего века»,— требовали адекватного ответа от Германии. В течение нескольких дней комитет по делам Европы выработал план действий. Риббентропу предлагалось, воспользовавшись очередной годовщиной подписания Антикоминтерновского пакта, выступить с речью по немецкому радио. Выступление преследовало бы цель «заклеймить антиевропейскую политику англичан и американцев, подчеркнуть вызванную ею опасность ослабления, балканизации, а в конечном счете большевизации Европы и одновременно нанести контрудар Московской конференции, выдвинув идею объединенной Европы»⁵⁴,— разумеется, в форме конфедерации и с учетом интересов как великих, так и малых европейских государств.

Проекты европейской конфедерации сопровождались аналогичными планами экономического и социального переустройства континента на основах, предлагаемых прагматически ориентированными руководителями нацистского рейха. Мало того, составление подобных планов зачастую инициировалось «империей» Риббентропа с целью подготовки благоприятной почвы для проведения эксперимента с европейской конфедерацией. За громогласно провозглашаемыми программами экономического европейского сообщества, «разумного и справедливого социального порядка» и т. д. нередко стояло имперское министерство иностранных дел.

Так было, скажем, с нашумевшими тезисами Г. Хунке «Ключевые вопросы хозяйственно-политической борьбы на современном этапе», опубликованными в конце сентября 1943 г. и более известными как «Десять тезисов Хунке»⁵⁵. Активную подготовку этой пропагандистской акции в течение нескольких месяцев вели министерство информации и пропаганды, министерство экономики, имперская группа «Промышленность», рекламный совет германской экономики, ОКВ и риббентроповский МИД⁵⁶. Тезисы представляли собой своеобразный компромисс между прагматиками и ортодоксами в нацистском руководстве. Наряду с некоторыми типично ортодоксальными положениями в них содержались и новые мысли, придающие более привлекательный вид европейскому экономическому сообществу с Германией во главе. Утверждалось, например, что национал-социализм требует от предпринимателей лишь обязательного осуществления права на труд (результатом чего является полная занятость населения) и соблюдения военно-экономических условий и нужд; все остальные проблемы — использование рабочей силы, обеспечение сырьем, инвестиционная политика и т. д.— должны решаться «в соответствии с потребностями дня, а не возвышаться до уровня хозяйственно-политических принципов»⁵⁷.

По заданию имперского министерства иностранных дел Научно-исследовательский институт труда, существовавший при Немецком трудовом фронте, в годы войны занимался организацией «международного сотрудничества» в области социальной политики⁵⁸. В середине марта 1944 г. состоялась подготовленная институтом встреча ученых и специалистов нескольких европейских стран в Бад Зальцбрунне, посвященная проблемам социального устройства будущей «новой Европы». Участники встречи выразили мнение, что основой европейского социального порядка станет «подлинная социальная справедливость» для всех и каждого, а в заключительном протоколе высказались в пользу «социалистической Европы без пролетариев»⁵⁹. Несомненно, к международной встрече в Бад Зальцбрунне приложила руку «империя» Риббентропа.

Позиция министерства иностранных дел оказала воздействие на тон речей и выступлений министра экономики нацистской Германии В. Функа. Выступление Функа в Кенигсбергском университете (июнь 1944 г.)⁶⁰ и его интервью журналу «Сигнал» в июле того же года⁶¹ свидетельствуют о том, что в них были учтены и использованы материалы комитета по делам Европы, тезисов Г. Хунке и международной встречи в Бад Зальцбрунне. В Кенигсберге имперский министр экономики говорил о «подлинной экономической интеграции» суверенных европейских государств на основе кооперации, взаимного дополнения и взаимопомощи, когда «всем хорошо»; о ликвидации безработицы и повышении жизненного уровня трудящегося человека как решающих задачах «новой Европы» после окончания войны; об уточнении термина «новый порядок», который-де означает не подчинение других народов, а их сознательное присоединение к европейскому экономическому сообществу⁶². В интервью журналу «Сигнал» Функ заявил, что сотрудничество в рамках грядущего европейского экономического сообщества должно строиться на основе абсолютной добровольности и без нарушения суверенитета отдельных государств, да к тому же «на благо всех партнеров»⁶³. Судя по всему, в заключительной фазе второй мировой войны существовала тесная координация действий Риббентропа и Функа в сфере европейской пропаганды и практической политики национал-социалистического рейха.

Однако планам европейской конфедерации, с которыми выступало министерство иностранных дел, и проектам европейского экономического сообщества, выдвигавшимся министерством экономики, не суждено было сбыться. Ни те, ни другие не получили одобрения Гитлера. Вряд ли ему импонировали внешнеполитические программы чисто прагматического происхождения, не так прочно связанные идеологическими путями национал-социализма, как программа европейского социализма нацистских ортодоксов. Но, как ни странно, фюрер не поддержал и последнюю. Он руководствовался здесь своими собственными соображениями.

2.3. Европейский социализм

Евроконфедеративные идеи «империи» Риббентропа подверглись критике со стороны биополитически ориентированной «империи» Розенберга. Мировоззренческие споры между прагматиками и ортодоксами в национал-социализме продолжались вплоть до окончания войны, затрагивая как теоретический уровень, так и методологические проблемы.

Сами биополитики различали по меньшей мере три группы европейцев, три подхода к реорганизации континента, реально существующих в рейхе. Для первой группы Европа, превратившись из чисто географического понятия в понятие геополитическое, представляла собой «пространственное единство, от которого исходят определенные политически формирующие силы». В противоположность либеральному учению, отрицающему «естественные» связи народной общности с пространством и расой, геополитики утверждали, что сотрудничество между соседними народами обусловлено совместным пространством, которое рассматривается в качестве главной причины великопространственных образований.

Ко второй группе европейцев причисляли тех, чей подход к «новому порядку» определялся исключительно соображениями целесообразности, кто призывал к сотрудничеству только для защиты от пространственно чуждых сил. Это были приверженцы своего рода европейской конституции на основе европейского правового договора — типа Лиги Наций. Европа представлялась им сообществом без всякой нравственной идеи, создаваемым лишь в известных политических целях.

Совершенно иначе изображала «новую Европу» третья, по словам В. Дайца, «пока еще немногочисленная группа действительных европейцев», которая видела в Европе «данную богом динамическую целостность», «нравственную идею», «биологический факт», «сравнительно единую — относительно других семей народов — биологическую субстанцию», наконец, «единство, удерживаемое невидимой биологической гравитацией, как в Солнечной системе»⁶⁴. «Действительными европейцами» были, понятно, биополитики.

Геополитические и правовые концепции, питавшие риббентроповскую программу европейской конфедерации, оценивались в «империи» Розенберга как не имеющие ничего общего с подлинными интересами европейской семьи народов. Биополитики считали абсолютно бессмысленными рассуждения о том, в какой форме — товарищества ли, федеративной системы и т. п. — должно конституироваться сообщество европейских народов⁶⁵. По их мнению, размышления подобного рода не только наносят ущерб европейской политике рейха, но и в своем развитии способны привести к крупным методологическим ошибкам. «Всякие искусственные конструкции, которые не покоятся на неру-

шимых законах жизни и природы, на связи крови и почвы, всегда будут индивидуалистическими и империалистическими»⁶⁶ и как таковые неизбежно приведут к либерализму, утверждал В. Дайц.

В связи с этим биополитики обычно цитировали следующее высказывание Дайца: «Вывод о европейском сообществе народов как политико-биологической реальности... опровергается подобными абстрактными конструкциями и направляется в сторону создаваемого в политических целях объединения типа Лиги Наций или пан-Европы. Живое биологически-нравственное единство европейской семьи народов... растворяется здесь в чисто интеллектуальной «конститутивной» паутине абстракций, в картеле, объединении, создаваемом в политических целях, членство в котором можно приобрести либо отказаться от него по своему собственному усмотрению, исходя из личной выгоды, но которое не имеет ничего общего с метафизическими обязанностями общей крови и почвы. Именно в этом различие между товариществом, покоящемся на общности крови и почвы, и товариществом, создаваемым в политических целях»⁶⁷.

Довольно многословное высказывание Дайца, суть которого на первый взгляд трудно и уловить, было сведено его ближайшими сотрудниками к простой и лаконичной формуле. В рецензии на статью О. Мука, опубликованную в «Журнале геополитики», Ф. Кюль писал: «Европа не создается — ни интеллектом, ни мечом; она рождается»⁶⁸. Тем самым фиксировалось существенное отличие национал-социалистической биополитики от геополитических и международно-правовых идеологических систем, составляющих основу европейских программ прагматического направления в НСДАП. Если первые (биополитики) исходили из иррационально познанных законов природы и натуралистических законов жизни, то вторые (геополитики и правоведы) — главным образом из прагматически понимаемой целесообразности.

Суровая критика шмиттовских идей давалась Ф. Кюлем в подробном разборе статьи профессора Э. Хубера «Новое международное право», помещенной в газете «Паризер цайтунг» 17 декабря 1943 г. В великом пространстве Хубер усматривал некую целостность, в которой один великий народ, являющийся ее духовным, экономическим и политическим центром, объединяет другие народы «для совместного труда и совместной обороны». Основными признаками великого пространства были для него основанная на разделении труда экономика, обеспечивающая автаркию, и возможность препятствовать вмешательству пространственно чуждых сил. Полемизируя с профессором Хубером, Кюль подчеркивал, что «справедливая организация народов может возникнуть лишь тогда, когда великое пространство формируется на базе мировоззренчески обоснованной идеи, вытекающей из закона жизни семьи народов»⁶⁹. Потому-то идею семьи народов биополитики считали единственно возможной основой «но-

вого международного права»⁷⁰, в отличие от ограниченной случайностью либо произволом идеи договора в международном праве либеральной эпохи.

В связи с проблемой организации великого пространства Э. Хубер вслед за К. Шмиттом вводил понятие рейха, подразумевая под ним государственное формирование типа Священной Римской империи немецкой нации и рассматривая его как образец в процессе перестройки Европы. Ответом был лишь новый взрыв негодования. В рейхе Шмитта — Хубера биополитики видели всего-навсего политический феномен, по самой своей сути чуждый натуралистическим законам жизни, подлинным великим пространствам, семье народов, а такая позиция, по их твердому убеждению, грозила отходом от основополагающих принципов национал-социализма. Грубую ошибку профессоров международного права Ф. Кюль усматривал в их стремлении распространить идею рейха как чисто политического образования. «Подобная попытка, — предупреждал он, — наверняка закончится пространственным империализмом. Напротив, ведущее положение рейха в новой Европе будет покоиться... прежде всего на возникающем новом европейской мировоззрении»⁷¹, исходный момент которого опять-таки составляет идея европейской семьи народов.

Кроме того, в противоположность Хуберу Кюль полагал, что идея рейха не в состоянии объединить Европу по-настоящему, ее можно использовать только для преобразования пространства, населенного германцами. Но ведь существуют еще народы Средиземноморья и Восточной Европы. Вот почему сплотить весь континент в подлинное сообщество способна лишь идея биополитической семьи народов как всеохватывающая европейская идея⁷².

В качестве альтернативы геополитикам и правоведам биополитики сформулировали собственные методологические правила, казавшиеся им теперь более точными, чем даже методы познания, разработанные в свое время О. Шпенглером и Ф. Ницше. В годы войны Дайц критиковал Ницше за... непоследовательную переоценку всех прежних духовных ценностей, вполне объяснимую, впрочем, тем, что у Ницше «отсутствовала биополитическая идея (закон автаркии как закон, регулирующий нормальное течение всех естественных форм жизни), а тем самым понимание истинной причины распада всех жизнеспособных... организаций» в XIX веке. Вот почему в разложении всего и вся Ницше обвинял христианство, совершив тем самым крупную методологическую ошибку. Вовсе не христианство, полагал Дайц, было «конечной причиной разложения, а современный английский либерализм. Он, как английская болезнь, способствовал ослаблению Европы»⁷³.

Чтобы преодолеть ошибку Ницше, Дайц предлагал выйти за пределы «диалектической переоценки всех ценностей» и заняться «новой оценкой всех ценностей, обоснованной законами жизни». «Наша

формула гласит,— пояснял нацистский теоретик,— не «Христос и антихрист», не «человек и сверхчеловек», а иное: «Ценно все то, что укрепляет и сплачивает соответствующие законам жизни формы, и не имеет ценности все, что ослабляет и разлагает формы, соответствующие законам жизни»⁷⁴. Ключом к новой оценке всех ценностей являлся трактуемый в биополитическом духе закон автаркии.

Шпенглера и его единомышленников в нацистском рейхе биополитики критиковали за их «органическое» мировоззрение, в соответствии с которым всякая организация людей, народов, семей народов подобна организму, то есть состоит из несамостоятельных частей, управляемых из центра. Любой организм всегда строится по иерархическому принципу. Кроме того, организм рождается, а когда приходит время, умирает; его существование ограничено временными рамками.

Такой подход биополитиков, понятно, не устраивал. Семью народов они представляли не органическим, а биологическим образованием, динамической системой, сходной по структуре и функциям с планетной системой, в которой царит «естественная демократия». «Органические» методы познания Шпенглера преодолевались ими посредством «биологического» мышления. Дайц писал: «Не «органическое» мировоззрение, как у Шпенглера, который мыслил иерархически и вследствие этого вынужден был предсказать гибель Запада, а биологическое мировоззрение... дает непоколебимую, основанную на законах природы, веру в возрождение Запада»⁷⁵.

После краткого изложения методологических приемов, применявшихся нацистскими ортодоксами и прагматиками, мы вплотную подходим к пониманию разницы в их взглядах на проблему перестройки Европы. Если идеи рейха, невмешательства пространственно чуждых сил и другие идеи правоведов и геополитиков легли в основу политической концепции европейской конфедерации, то биополитические идеи — в первую очередь идея семьи народов — оплодотворили концепцию европейского социализма. В первом случае великогерманский рейх становился руководящим государством конфедерации как сильнейшее государство Европы. Во втором случае его положение ядра системы европейского социализма вытекало из иррациональных биополитических законов. Евроконфедеративная программа «империи» Риббентропа была по своему характеру сугубо прагматической, направленной на преодоление чрезвычайных трудностей, с которыми Германия столкнулась в последние годы мировой войны. Евросоциалистическая программа «империи» Розенберга, несомненно, также учитывавшая суровые для рейха реалии войны, все же в гораздо большей степени сочеталась с натуралистическим мировоззрением национал-социализма. По своему характеру она была ортодоксальной и в этом смысле более традиционной, чем риббентроповская. Но в

чем суть концепции европейского социализма? Как и кем она разрабатывалась? Как повлияла на внутривластную и идеологическую ситуацию в рейхе в конце войны?

Можно утверждать, что формированием программы европейского социализма занималась команда В. Дайца под наблюдением и при поддержке Розенберга⁷⁶. В команду Дайца входили сотрудники отдела по решению специальных задач во внешнеполитическом бюро НСДАП (упраздненном вместе с некоторыми другими ведомствами в январе 1943 г. в связи с поражением вермахта под Сталинградом⁷⁷), а также Общества европейского экономического планирования и великопространственной экономики и особенно Центрального исследовательского института организации национальной экономики и экономики великого пространства (его все чаще стали называть Институт Европы). Находившиеся в подчинении Дайца учреждения развили в последние годы войны бурную деятельность, некоторые ее результаты публиковались в издаваемых институтом «Сообщениях», в серии монографий по европейской тематике⁷⁸, книгах и статьях самого Дайца.

Уже одни названия дайцевских статей («Народный социализм и европейский социализм», «Родина и Европа. Свобода народов в европейском единстве») и книг того времени (вспомним лишь две из них — «Жизненное пространство и справедливая организация мира. Основы антиатлантической хартии» и «Возрождение Европы с помощью европейского социализма. Европейская хартия»)⁷⁹ свидетельствовали не только о настойчивых попытках обоснования евросоциалистической концепции, но и о непомерных амбициях их автора, стремившегося превратить свою систему взглядов в официально признанную внешнеполитическую программу нацистского рейха.

Под европейским социализмом в «империи» Розенберга понимали обусловленные биополитическими законами подлинного жизненного пространства социальные отношения внутри европейской семьи народов. К таким законам относились законы биологической гравитации, автаркии, образа жизни, вырождения и перерождения и, самое главное, европейский нравственный закон. Все они, сформулированные в свое время В. Дайцем, составляли теперь мировоззренческое основание концепции европейского социализма.

Умиротворить Европу, утверждал Дайц, в состоянии лишь народы, организованные в соответствии с законами жизни. Есть лишь три «естественные» организации человеческой жизни — отдельная семья, семья одного народа и семья народов одной расы. Только в них люди рождаются, и покинуть их можно только ценой жизни. Только в них формируются подлинные социальные отношения между людьми. Это биополитические реальности, в недрах которых покоятся «законы всякой истинной политики, всей тотальной, творческой формы совместной человеческой жизни»⁸⁰. Именно потому они

являются «первичными формами всякого истинного социализма», «фундаментом жизненно-законного преобразования» европейской семьи народов.

Все остальные формы организации людей вторичны, второстепенны и, следовательно, несоциалистичны. «Они произошли не из природы и, таким образом, не являются априори нравственными... а получают правовое содержание лишь задним числом»⁸¹. Они всегда возникают по каким-то утилитарным, своекорыстным соображениям, в результате абстрактной деятельности интеллекта, а не действия жизненных закономерностей. Они представляют собой либо добровольные соглашения, либо принудительные организации, в которые можно в любой момент войти и которые можно покинуть, как только изменится соотношение сил. Кроме голой силы, их ничто не удерживает. Потому они переменчивы, преходящи и в конце концов ведут мир к хаосу.

«Социализм есть сосуществование людей в соответствии с законами жизни»⁸², — поучал В. Дайц. «Подлинный социализм, — писал он в статье «Жизненное пространство и его законы», — всегда возможен только в отдельной семье, народной семье и в семье народов. ибо лишь в них существует естественная целостность жизни и ее плодотворное напряжение... В силу этого существует только социализм отдельной семьи (который разумеется сам собой), социализм народной семьи (национал-социализм) и, в-третьих, социализм великого пространства (социализм семьи народов), который... был сознательно... провозглашен мною в качестве основного конституционного закона новой Европы»⁸³. Именно на законах жизни европейской семьи народов покоились основы обнародованной биополитикой антиатлантической европейской хартии.

В длинной цепочке дайцевских законов жизни, ведущих к европейскому социализму, последним звеном был европейский нравственный закон, без понимания которого останется неясной в общем-то довольно примитивная схема социальных отношений внутри европейской семьи народов. Чем же мотивировали биополитики необходимость общекионтинентальной нравственности? Они исходили из того, что связь человека со своей семьей и собственным народом представляет собой плодотворную полярность, установленную самой природой. Как только эта связь осознается и становится основой всех желаний и поступков, начинает действовать нравственный закон, названный Дайцем «великой хартией вольности естественного социализма» — как в отдельной семье, так и в семье одного народа⁸⁴.

Но народы европейского континента — не изолированные общности, существующие сами по себе. Все вместе они составляют биополитическую общность высшего типа, в которой так же, как и в отдельной или народной семье, существует плодотворное напряжение между отдельным народом и семьей народов как целым. Следовательно, и в

европейской семье народов действует нравственный закон, требующий, чтобы каждый народ подчинялся общему интересу семьи народов в соответствии с лозунгом: «Общее благо выше корыстолюбия». Будет соблюдена европейская нравственность — станет явью европейский социализм. Действующий на континенте нравственный закон провозглашался биополитиками основным законом европейского социализма⁸⁵.

Европейский нравственный закон обязателен для всех членов европейской семьи народов. Во имя общего блага «новой Европы» надо поступиться многим, даже государственным суверенитетом, который должен быть приспособлен к нравственному закону. Ведь для каждого народа важен не формальный государственный суверенитет, придуманный либералами и разрушающий «естественную биологическую и нравственную связь», натуралистическую целостность европейской семьи народов, а суверенитет народный, который способен сохранить самое святое, что только есть у народной общности — ее образ жизни. Народный суверенитет выше государственного потому, утверждали биополитики, что сберегает индивидуальность, своеобразие и неодинаковость каждого народа, а на «творческом неравенстве» людей и народов как раз и зиждется подлинный социализм. Поэтому «существует не только право, но и обязанность на народность»⁸⁶. Европейская семья народов может быть сильной лишь тогда, когда сильны составляющие ее народы, и наоборот, чем сильнее каждый народ, тем крепче вся европейская семья. Нельзя изгнать из семьи хотя бы один «народ-личность», не подвергая разрушению всю систему, целостность семьи народов⁸⁷.

Только после биополитической перестройки Европы на принципах подлинного социализма В. Дайц считал возможным воссоздание государственного суверенитета нового типа, служащего общему благу семьи народов и европейской нравственности. Идеалом национал-социализма является «не унифицированный европеец, а прочное европейское размежевание в нерушимых рамках семьи народов. И только отсюда затем вновь разовьются новые государственные суверенитеты... как выражение суверенитетов народных. Они не будут больше служить... как прежде, ослаблению народностей — и тем самым ослаблению европейской семьи народов, а укреплению обеих»⁸⁸. Одновременно на качественно новый уровень поднимется и европейский социализм.

В начале 1944 г. В. Дайц опубликовал книгу «Возрождение Европы с помощью европейского социализма. Европейская хартия», представлявшую собой своеобразный пример воинствующего нацизма и вместе с тем определенный итог биополитических изысканий автора: в ней было синтезировано все то, что им было написано прежде. Евросоциалистическая идея занимала в книге центральное место. Положение о «естественных социальных отношениях», существующих

не только в отдельной семье и семье народа, но и в европейской семье народов, Дайц назвал квинтэссенцией сочинения⁸⁹.

Поставленные в работе идеологические проблемы (борьба с «империалистическими» системами — либерализмом Запада и большевизмом Востока; развитие мировоззрения национал-социализма в полемике с прагматическими взглядами в самом рейхе) служили ясно выраженной политической цели — путем изложения, так сказать, «позитивной» национал-социалистической программы для Европы (пусть даже неофициальной!) во что бы то ни стало завоевать у массы населения союзных, нейтральных и оккупированных стран симпатию к Германии, укрепить тем самым ее европейские позиции и создать благоприятные условия сначала для того, чтобы соотношение сил между воюющими сторонами изменилось в пользу рейха, а затем для окончательной победы в войне и перехода к «новому европейскому порядку».

В своей книге В. Дайц стремился с позиций биополитики доказать, что вторая мировая война была порождена отнюдь не бессмыслицей, а глубоким смыслом, связанным с необходимостью преобразования мира на совершенно новых мировоззренческих началах; с этой точки зрения война — не причина, а следствие глобальной перестройки духа. «Мы хотим, — писал он в предисловии, — попытаться из новой картины мира... выявить принципы жизнепространственного, антиимпериалистического мирового порядка в форме европейской хартии... И продвинуться... к европейскому социализму»⁹⁰.

Оказывается, однако, что правильный путь к конечной цели сопряжен с точным следованием законам жизни, которые нельзя избрести, но можно только интуитивно почувствовать. «Новая Европа» как политическая идея станет поэтому реальностью только тогда, когда европейские политики, отринув старые ценности, воспримут новое биологическое мировоззрение. Попутно Дайц расправился с геополитическими и правовыми представлениями нацистских прагматиков, которых он критиковал за склонность к уступкам универсальной идеологии прежних времен, нашедшей свое законченное выражение в Атлантической хартии⁹¹.

Задавшись целью «познать европейскую семью народов в качестве развивающегося по своим собственным законам самостоятельного субъекта европейской истории»⁹², биополитик обратил внимание на то, что со времени великих географических открытий Европа как единая целостность распалась на фальшивые великопространственные связки: Западная Европа — Америка и Восточная Европа — Центральная Азия. Распад был вызван утратой связи европейцев с кровью и почвой своего жизненного пространства и, как следствие этого, империалистическим мышлением. Оторвать Западную Европу от Америки и Восточную Европу от неестественных отношений с Центральной Азией, возродить таким образом биологическую целостность

европейской семьи народов, одновременно восстановив подлинный образ жизни каждого народа,— вот, по Дайцу, единственный способ приблизиться к европейскому социализму, к мирной организации Европы и всего мира. Именно в этом процессе, который уже начался, он усматривал глубинный смысл второй мировой войны. С точки зрения национал-социализма вообще и биополитики в частности, именно в войне рождалась европейская нравственность, без которой-де немислим подлинный социализм.

В одном из параграфов своей книги, который так и назывался — «Европейская хартия: европейский социализм», В. Дайц сформулировал своего рода биополитический кодекс нравственных отношений в формирующейся «новой Европе». «Европейский нравственный закон...— писал он,— обязывает европейские народы вступать в социальные отношения друг с другом. Говоря конкретно: во-первых, взаимно уважать свою равную народную честь и различия, обусловленные образом жизни; во-вторых, оказывать взаимное предпочтение друг другу в политической, экономической, культурной и социальной сферах — в отличие от отношений с народами, принадлежащими другим семьям народов; и, в-третьих, совместно защищать свое великое жизненное пространство от внешней опасности. В итоге, стало быть, подчинять свое народное или национальное корыстолюбие общему благу своей семьи народов»⁹³. Эти три основных обязанности европейского социализма характеризовались Дайцем как «основы любой возможной европейской хартии».

Европейский моральный кодекс, да и вообще вся евросоциалистическая проблематика буквально толкали Дайца к дальнейшему развитию биополитической концепции «нового порядка», а тем самым и национал-социалистического мировоззрения как такового. Отнюдь не случайно именно к этому времени (лето 1944 г.) относятся его слова о том, что нацистское мировоззрение, «надо надеяться, не является еще окончательным и завершенным» и потому приходится идти не проторенной колеей⁹⁴. После окончания работы над книгой «Возрождение Европы с помощью европейского социализма» он приступил к подготовке статьи под примечательным заголовком «Новый Антимакиавелли», в которой собирался обратиться исключительно к «философии автаркии»⁹⁵. Новому осмыслению подвергся также закон биологической гравитации, другие законы жизни.

Закон автаркии, рассматриваемый в философском плане, представлялся теперь, с вершин европейского социализма, не только высшим законом существования всякой человеческой общности, но и высшим нравственным законом. Европейский нравственный закон есть, следовательно, не что иное, как проявление закона автаркии в сфере желаний и поступков⁹⁶, ибо любая общность — европейская семья народов в том числе — в состоянии выполнить закон автаркии, лишь признавая приоритет «общего блага». В трактуемом таким образом

законе автаркии и в вытекающем из него европейском нравственном законе Дайц видел «рычаг для тотального переворота», для новой оценки всех ценностей с позиций евросоциализма.

В несколько ином свете, чем раньше, предстал теперь и тесно связанный с законом автаркии другой биополитический закон — биологической гравитации. Известную нам формулу — категорический императив «этического европейского социализма» («Общее благо европейской семьи народов выше корыстолюбия отдельных составляющих ее народов») — Дайц дополнил важным положением о том, что и «утрированное общее благо» не должно разрушать «источник жизни общности, а также индивидуальность отдельного человека, отдельной семьи и семьи народа»⁹⁷.

Такая постановка проблемы была в национал-социализме новой. Она позволяла прийти к заключению о принципиальной невозможности построения «естественного социализма» в одной, отдельно взятой народной общности без наличия надстройки в виде европейского социализма, то есть без покоящихся на биополитических законах социальных связей между европейскими народами. На этой основе возникал важный вывод — европейский социализм невозможен без национал-социализма, но и национал-социализм невозможен без европейского социализма. Провалится идея европейского социализма — автоматически потерпит крах германский национал-социализм. Вот почему на качественно ином уровне ставился вопрос об экспорте нацистских идей — теперь уже в форме европейского социализма — и об экспансионистской международной политике национал-социалистического рейха. Деятельность «Коричневого интернационала» казалась теперь, в конце войны, явно недостаточной.

Бросая ретроспективный взгляд на предвоенную ситуацию в Европе, Дайц с сожалением констатировал, что европейский аспект «естественного социализма» в Германии почти полностью игнорировался; единственное исключение составляла, пожалуй, «империя» Розенберга. Последний, по словам Дайца, был «одним из очень немногих, кто с самого начала сознавал европейский аспект национал-социализма и хотел нацелить на него внутреннюю и внешнюю политику (рейха.— В. Б.). ...Только во внешнеполитическом бюро НСДАП,— утверждал биополитик,— проводилась в свое время европейская и тем самым подлинная внешняя политика»⁹⁸. «Подлинная национал-социалистическая внешняя политика,— писал он, обращаясь к Розенбергу,— проводилась только вашим внешнеполитическим бюро, а не министерством иностранных дел»⁹⁹.

Со своей стороны, как полагал В. Дайц, ни итальянский фашизм, ни испанский фалангизм, ни движения Квислинга, Муссерта и т. д. также не уделяли до войны должного внимания европейской проблематике, руководствуясь лозунгом «фашизм — не экспортный товар» и наивно полагая, будто смогут победить в одиночку, вне ра-

мок европейской общности. На самом деле это не так. Конечно, биополитическое обновление осуществляется каждым народом только присущим ему образом жизни и свойственными только ему путями. «Но они должны быть в принципе всегда одинаковыми. Признавать это как раз и является сущностью общеевропейской революции и ее нравственной обязанностью». Из непризнания же Европы «общей нравственной обязанностью» возникли «многие внешнеполитические ошибки последних 15 лет»¹⁰⁰. Своими, на первый взгляд, абстрактными рассуждениями Дайц призывал, в сущности, к усиленному экспорту идей национал-социалистического евросоциализма в надежде не допустить поражения Германии во второй мировой войне.

Одними идеями дело, однако, не ограничивалось. В 1943—1944 гг. Дайц предпринял практические шаги с целью воплощения в жизнь своей евросоциалистической концепции. Сфера его интересов распространялась на всю Европу, как на Восточную, так и на Западную. В письме Розенбергу от 30 июня 1943 г. он подчеркнул, что из идеи биополитической общности европейских народов вытекают в высшей степени важные политические выводы относительно обращения с народами Восточной Европы — их следует рассматривать как «более-менее близких членов общей европейской семьи народов». Используя тезис о европейском социализме, Дайц вместе с сотрудниками управления военной пропаганды ОКВ подготовил несколько листовок, которые были распространены в лагерях для военнопленных и на Восточном фронте уже в октябре — ноябре 1942 г., и, кроме того, сформулировал «принципы движения Власова», знаменовавшие, как без излишней скромности заявлял биополитик, «поворот в практической восточной политике» Германии¹⁰¹. Одновременно команда Дайца готовила материал для пропаганды среди советских людей, насильственно угнанных на принудительные работы в рейх, разрабатывала другие планы подобного рода.

В целях реализации евросоциалистических идей в восточноевропейском пространстве Дайц вознамерился образовать так называемый Специальный отдел Восток, который в рамках партийно-государственной «империи» Розенберга занимался бы вопросами «духовного руководства восточными народами», унификации пропаганды и политики рейха в Восточной Европе, сотрудничества в этой сфере с заинтересованными германскими ведомствами, в первую очередь с ОКВ, аппаратом уполномоченного по использованию рабочей силы, Немецким трудовым фронтом. Дайц даже составил проект распоряжения Розенберга на этот счет¹⁰², но согласия на образование Специального отдела Восток, кажется, не получил. В то время на роль монополиста в восточных делах в розенберговской «империи» претендовал оперативный штаб для оккупированных территорий, руководители которого в то же время тесно сотрудничали с Дай-

цем в Западной Европе¹⁰³. Все более отчетливо проявлялось разделение труда — оперативный штаб опекал преимущественно восточную часть континента, а команда Дайца — западную.

Вот почему в Голландии, Бельгии и особенно в вишистской Франции (сотрудничеству с которой после сокрушительных поражений вермахта на Восточном фронте в Берлине придавали первостепенное значение) деятельность проповедников нацистского евросоциализма оказалась более результативной. Любопытно, что при проведении своей западной политики Дайц опирался не только на поддержку Розенберга, но и на помощь германского посла в Париже Абеца, командующего Западным фронтом генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, командующего немецкими войсками во Франции генерала фон Штюльпнагеля, начальника военной администрации оккупированных французских территорий министра-директора Михеля и др. Не меньшую заинтересованность в сотрудничестве с Дайцем и Розенбергом проявляли члены вишистского правительства (министр производства Бишелоннэ, статс-секретарь министерства информации Люшер и некоторые другие), его дипломатические представители в Берлине (посол граф де Бринон), а также коллаборационисты, группировавшиеся вокруг движения «Коллаборасьон. Объединение французских сил за континентальный союз»¹⁰⁴. Все они, как за соломинку, хватались за дайцевские идеи европейского социализма.

Получив согласие Розенберга, Дайц уполномочил бывшего сотрудника внешнеполитического бюро НСДАП Г. Эберта представлять свои интересы в Париже. Пропаганда Эбертом евросоциалистических идей, его переговоры с французскими коллаборационистами привели к тому, что 3 января 1944 г. правительство Виши учредило межведомственный Центр экономических исследований, попечителем которого стал Бишелоннэ. Сотрудники центра были уполномочены изучать проблемы автаркической организации экономики, франко-германского сотрудничества, экономики великого европейского пространства, то есть вопросы, которыми занималась команда Дайца. С самого начала научные изыскания центра ориентировались на тесное взаимодействие с дайцевским Центральным исследовательским институтом организации национальной экономики и экономики великого пространства¹⁰⁵, едва замаскированным филиалом которого и был, по существу, вишистский центр.

Одновременно Эберт вел переговоры о создании во Франции общества, аналогичного Обществу европейского экономического планирования и великопространственной экономики, пост председателя правления в котором, как мы помним, принадлежал В. Дайцу. С французской стороны в переговорах участвовал все тот же министр производства Бишелоннэ. Вскоре пришли к договоренности об учреждении французского Общества научного исследования вели-

кого пространства, находящегося в персональной унии и деловом контакте с организацией Дайца¹⁰⁶.

Тогда же, в начале 1944 г., по инициативе В. Дайца вишистское правительство образовало «Европейское издательство», на паритетных началах возглавлявшееся Эбертом и Люшером. Предполагалось установить сотрудничество вновь созданного французского издательства с издательством Майнхольда в Дрездене, которое специализировалось на издании сочинений Дайца, а также материалов Общества европейского экономического планирования и Института Европы. В качестве первого перевода на французский язык готовилась речь Розенберга «Европейская духовная свобода»¹⁰⁷.

Все три французских новообразования — Центр экономических исследований, Общество научного исследования великого пространства и «Европейское издательство» — представляли собой направляемую из единого центра организацию. В связи с возросшими задачами по пропаганде идей европейского социализма во Франции, Голландии, Бельгии и других странах дайцевский Институт Европы принял расширенную исследовательскую программу¹⁰⁸, суть которой сводилась к дальнейшей разработке евросоциалистической концепции национал-социализма на основе углубленного освоения биополитических законов; последние же Дайц стремился уравнивать с законами, действующими в естественных науках. Как он писал, «сфера неорганического управляется нерушимыми законами природы, сфера органического — неопровержимыми биологическими законами, а сфера социального сосуществования — столь же неизменными законами жизни, которым должна следовать человеческая воля. Эти три группы законов являются законами бытия, вечной жизни всего сущего»¹⁰⁹.

В конце февраля — начале марта 1944 г. В. Дайц находился в Париже, где прочитал серию лекций по двум темам. С лекцией «Возрождение Европы из закона жизни европейской семьи народов» он выступил в германском посольстве, перед офицерами Западного фронта и на собрании вишистских журналистов. В ней повторялись уже известные нам идеи. Новыми были положения лекции «Континентальная политика Наполеона как предтеча европейской политики рейха»¹¹⁰, прочитанной активистам движения «Коллаборасьон».

Наполеон был назван первым государственным деятелем Нового времени, предпринявшим попытку объединения Европы. Однако путь к этой цели он видел через европейскую конфедерацию, то есть через абсолютизацию государственного суверенитета, а государственная форма не была наполнена им биологическим содержанием — народной общностью. «Поэтому, — подчеркивал биополитик, — Наполеон оказался в зависимости от чисто империалистической концепции пространства... Он хотел создать не подлинное

европейское жизненное пространство, а... пространственное господство европейского континента»¹¹¹. Острые дайцевской критики направлялось, разумеется, не против Наполеона, а против Риббентропа с его программой европейской конфедерации.

Другая ошибка Наполеона состояла, по Дайцу, в том, что он «двинулся в Россию без предварительного разобобщения там политических сил». Но таким способом покорить Россию невозможно. Вот почему наполеоновская политика характеризовалась лектором как «детская болезнь внутри великого процесса европейского возрождения». Хотя ее нельзя сопоставлять с европейской политикой нацистского фюрера, она все же была необходимым первым шагом в направлении объединения Европы¹¹².

Ознакомившись с отзывом о лекции Дайца, написанным руководителем главного управления «Литература» в аппарате уполномоченного по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов НСДАП Б. Пайром¹¹³, а также с текстом самой лекции, опубликованной на французском языке в журнале «Коллаборасьон»¹¹⁴, Розенберг пришел к заключению, что она «очень хорошо подходила французам», но вместе с тем запретил переводить ее на немецкий язык, поскольку «с нашей стороны Наполеон... по необходимости должен рассматриваться иначе, чем во Франции»¹¹⁵. Как бы то ни было, французские сюжеты появились в выступлениях Дайца не случайно. В них нашло отражение все возраставшее стремление нацистского руководства представить вишистскую Францию равноправным союзником гитлеровской Германии. Таким образом в Берлине хоть в какой-то мере пытались компенсировать потерю других военно-политических союзников рейха, в особенности фашистской Италии.

Оценка дайцевской лекции была бы далеко не полной, если бы мы не коснулись той ее части, в которой шла речь о новой европейской политике, начатой, по утверждению В. Дайца, державами антигитлеровской коалиции на заключительной фазе мировой войны. Биополитик обвинил СССР и США в заимствовании национал-социалистических идей. «Сталин...— заявил он,— пытается создать новую организацию восточноевропейского пространства путем заимствования национал-социалистической идеи о праве народов на свободное национальное развитие... И точно так же Рузвельт стремится разрушить Европу, в то время как он вынужден перенять экономические идеи национал-социализма. Оба они с непоколебимой необходимостью закона природы погибнут из-за этих внутренних противоречий»¹¹⁶.

Подобные заявления шокировали даже хорошо знавших Дайца сотрудников розенберговской «империи». Тот же Пайр, например, в своем уже упоминавшемся отзыве о лекции Дайца писал, что в оценке политики Сталина и Рузвельта тот заходит слишком далеко:

«Его оптимизм в этих вещах отраден,— продолжал Пайр,— однако мне представляется опасным оперировать формулировками, которые представляют собой только результаты хорошо продуманной теории, но не могут сразу же прийти в соответствие с действительностью. В связи с этим можно лишь упомянуть об оккупации Северной Африки американцами»¹¹⁷. Тем не менее призывы более реально смотреть на вещи лишь подстегивали Дайца к дальнейшим изысканиям в области европейского социализма.

Подобно тому как прагматическая концепция европейской конфедерации подпиралась идеями европейского экономического сообщества, нового европейского социального порядка и т.п., к ортодоксальным идеям евросоциализма вплотную примыкали политико-идеологические системы взглядов на преобразование Европы, разработавшиеся в конце второй мировой войны в других подразделениях розенберговской «империи». Среди них следует упомянуть в первую очередь «европейский план» оперативного штаба для оккупированных территорий.

2.4. «Европейский план» оперативного штаба Розенберга

На заключительной фазе войны большое значение в розенберговской «империи» приобрела деятельность оперативного штаба для оккупированных территорий, игравшего важную роль в организации идеологической борьбы с «международным большевизмом». В принятом еще в 1941—1942 гг. «Восточном плане» перед оперативным штабом были поставлены три главные задачи: во-первых, «изучать большевизм как мировоззренческую силу»; во-вторых, «представить доказательства большевистских приготовлений к войне»; в-третьих, «исследовать военный потенциал большевизма»¹¹⁸. Наряду с немецкими специалистами к выполнению «Восточного плана» широко привлекались лица, перешедшие на службу фашистской Германии и нашедшие приют в оперативном штабе.

Нового уровня достигла антисоветская работа штаба в начале 1944 г. По распоряжению Розенберга 1 февраля руководитель особого штаба «Наука» Г. Хэртле был уполномочен возглавить «духовное столкновение с большевизмом» в рамках всей розенберговской «империи». Составленный Хэртле план действий предусматривал «далеко идущее привлечение немецкой науки к изучению проблемы марксизма-большевизма»¹¹⁹, причем «Восточный план» оперативного штаба являлся, по словам Р. Прокша, частично предпосылкой, частично дополнением в решении этой задачи.

План Хэртле подробно обсуждался на рабочем совещании оперативного штаба, состоявшемся 5—7 мая 1944 г. в Ратиборе. Давая ему общую оценку, Прокш заявил в своем выступлении, что план

представляет собой «грандиозное политическое поручение смецкой науке», в котором центр тяжести переносится на «широкое исследование исторических основ (исторический марксизм) и, по-возможности, на столь же фундаментальное исследование современного большевистского эксперимента в его «нынешних духовных основаниях», а также в практических результатах... Постановка проблемы и задач в плане Хэртле,— продолжал Прокш,— является общеевропейской, то есть необходимо найти и освоить для решения этого вопроса все европейские источники»¹²⁰. С этой целью к выполнению плана привлекались главные рабочие группы оперативного штаба, действовавшие как на Востоке, так и на Западе Европы.

Судя по всему, оперативный штаб Розенберга выступал в роли генерального заказчика, занимаясь общей постановкой проблем, распределяя конкретные темы между исполнителями, обеспечивая их необходимыми источниками. План Хэртле охватывал такие вопросы, как экономическое положение европейских стран, социальная и политическая обстановка в них, социологический анализ народов континента и многое другое — и все это должно было послужить основой для принятия политических решений на уровне высшего руководства рейха.

Сложность и многогранность задач потребовали образования специального координационного органа под руководством Хэртле. В июне 1944 г. в оперативном штабе обсуждался вопрос об учреждении Института по исследованию большевизма¹²¹. Чуть позже эта идея воплотилась в Рабочем сообществе по изучению всемирной опасности большевизма, которое как раз и занималось определением конкретных исследовательских тем, назначением научных руководителей и разработчиков. Среди многих других экспертов к работам был привлечен, например, специалист по вопросам великого европейского пространства профессор Р. Хён, не только сам согласившийся на сотрудничество с Рабочим сообществом, но и изъявивший готовность предоставить в его распоряжение научных сотрудников руководимого им Сообщества специалистов в области государственного права — предполагалось, что они займутся изучением государственного и административного права СССР¹²².

Видимо, в таких же отношениях находился оперативный штаб с так называемым Центром по изучению Восточной Европы, образованным еще 15 июля 1943 г. при имперском министерстве по делам оккупированных восточных областей. Центр, во главе которого был поставлен профессор фон цур Мюлен, координировал работы институтов и прочих учреждений в сфере исследования восточного пространства и готовил рекомендации для правительственных органов¹²³. На учредительном собрании Центра по изучению Восточной Европы присутствовали представители партийных, государственных и научных структур, в том числе сам Розенберг, выступивший там с

пространной речью. Среди приглашенных был и профессор Хён.

На исходе второй мировой войны самые тесные связи сложились между оперативным штабом и Институтом континентальноевропейских исследований, возглавлявшимся выходцем с Кавказа профессором А. Никурадзе. 19 мая 1944 г. Никурадзе представил Розенбергу план дальнейшей работы института. В нем фиксировалось семь пунктов — изучение специфических проблем развития северных регионов Восточной Европы, а также Прибалтики, Белоруссии, России, Украины, территории проживания казаков, Кавказа (получившего в плане определение «остмарка Европы») и Туркестана. Поставленными Никурадзе вопросами затрагивались история, экономика, национальная политика и даже искусство восточноевропейских стран¹²⁴. По просьбе Розенберга оперативный штаб выделил для института Никурадзе необходимые источники и литературу¹²⁵. Деятельность Института континентальноевропейских исследований великолепно вписывалась в план работы Г. Хэртле.

Под руководством оперативного штаба Розенберга в конце второй мировой войны в гитлеровском рейхе была проведена крупная антисоветская и антиевропейская пропагандистская акция, участниками которой были немецкие профессора — специалисты по вопросам марксизма, СССР, другим европейским странам, научные работники в области международного права, политики, экономики, социальных и межнациональных отношений и т. д. К концу 1944 г. общее количество разработок оперативного штаба перевалило за 5000, из них только в 1944 г. было составлено 1087 экспертиз объемом в 16 522 страницы¹²⁶. Материалами оперативного штаба охватывался весь европейский континент. Их постоянно использовали партийные инстанции, ОКВ, эсэсовская «империя» Гиммлера, органы информации и пропаганды, университеты и институты, не говоря уже о подразделениях самой «империи» Розенберга¹²⁷. Авторы и составители материалов, акцентируя внимание на «всемирной опасности большевизма», стремились сделать все возможное для еще более активной пропаганды идеи «объединенной Европы» нацистского образца.

Поэтому неудивительно, что в течение 1944 г. в оперативном штабе Розенберга зрел некий «Европейский план», подготовка которого связана с именем начальника главной рабочей группы «Украина» Р. Прокша. В беседах Прокша с Мюке, Грандином, Шпеером, Рихельтом, Майером и другими сотрудниками штаба постепенно выкристаллизовались первые четыре пункта будущего «Европейского плана»: «1. Национально-политическое исследование народов, составляющих основание соответствующих пространств, с целью определения их психологии, расовой субстанции, биологической силы, социологической структуры и общих социально-экономических условий. 2. Исследование автохтонных сил пространства (европейско-

го.— В. Б.) в их исторической обусловленности, историческом развитии и значении в настоящее время. 3. Исследование влияния пространственно чуждых сил в их исторической обусловленности и историческом развитии... 4. Исследование ныне существующего политического взаимодействия сил (большевизм, католическая церковь, американизм: силы, личности, политические программы, цели, точка зрения на государство, организации и т. д.)»¹²⁸. На основе этих четырех пунктов Прокш уже к осени собирался подготовить подробный «Европейский план» оперативного штаба.

Наряду с составлением «Европейского плана» в последние месяцы 1944 г. в оперативном штабе для оккупированных территорий велись интенсивные подготовительные работы по созданию Специального штаба для решения мировоззренческих вопросов, касающихся Европы. Его начальником Розенберг назначил Г. Мухова, руководителя главной рабочей группы «Бельгия — Северная Франция», того самого Мухова, который помогал Дайцу в распространении идей европейского социализма на западе континента. Поставленная перед новым образованием задача могла иметь, как выразился начальник оперативного штаба Утикаль, «решающее значение для духовной реорганизации Европы»¹²⁹. Уточняя это положение на служебном совещании 16 декабря, он сказал буквально следующее: «Низвержение врагов и в особенности завоевание мира зависят... не только от военных и экономических мероприятий. Действительно прочной перестройке Европы можно способствовать лишь тогда, когда нам удастся дать этой новой Европе правильные духовные и культурные основания... Вслед за фюрером рейхслейтер Розенберг... может дать Европе великую концепцию, необходимую для реорганизации». И дальше: «От нашей работы и активности зависит, будет ли эта концепция претворена в жизнь и, следовательно, возьмут ли во всемирно-историческое время руководство в новой Европе силы, лучшие в расовом и производительном смысле, или она будет уничтожена в большевистском хаосе»¹³⁰. Оговорка относительно «всемирно-исторического времени» была отнюдь не случайной, она свидетельствовала о том, что руководители оперативного штаба, сознавая скорое поражение нацистского рейха, носились с идеей сохранения национал-социалистической идеологии в послевоенной Европе.

Отправным пунктом на пути к «великой концепции» оперативного штаба стало переосмысление целей, поставленных Германией во второй мировой войне, а само это переосмысление было предопределено катастрофическими для рейха последствиями Сталинградской битвы. Если раньше главной целью войны называлось завоевание жизненного пространства, по меньшей мере равного территории европейского континента, то теперь, на исходе войны, эта цель была отодвинута на второй план. Если на первой фазе войны предпочитали говорить о намеченных захватах нефти и других источ-

ников стратегического сырья, о порабощении целых народов и очищении от людей громадных пространств для последующей германской колонизации, то теперь на первый план сотрудники оперативного штаба выдвигали духовные, даже философские цели войны. И все это сочеталось с установками Розенберга.

Вопрос о глубинном смысле второй мировой войны Р. Прокш поставил в одном из своих писем уже 25 августа 1943 г. Там он впервые заметил, что война вообще не может вестись за завоевание новых территорий или, к примеру, за овладение новыми месторождениями руды, угля, нефти и т. д. «За это не умирают», — патетически восклицал Прокш. Понятно, что продовольствие и промышленное сырье Германии необходимы, и война попутно решает данную проблему, но «все это не является нашей целью... Речь больше не идет только о хлебе, железе и угле», — утверждал он. — Речь идет о субстанции в самом человеке. О лучших человеческих ценностях. О самых глубоких вопросах — о подлинности, истинности в жизни»¹³¹. Что же такое истина? Ответ на данный вопрос давался в полном соответствии с розенберговским «Мифом XX столетия».

В ряде заметок и писем, относящихся к августу — декабрю 1944 г., Прокш обратил внимание на разную постановку проблем «человек — природа» и «человек — человек» в идеологических системах либеральной демократии и большевизма, с одной стороны, и в национал-социалистической идеологии, с другой. По его словам, США и СССР провозгласили господство человека над природой в качестве новой религии, благодаря чему были ликвидированы связи всего сущего, а на обломках разрушенного природного мира воцарился человеческий произвол. Нарушив гармоническое единство человека с природой, демократия и марксизм не только не приблизились к свободе, но, напротив, отдалились от нее.

По-иному подходит к решению указанных проблем национал-социализм. Для него отношение к «непознанным силам созидания, то есть к богу» является прежде всего вопросом отношения к природе. «Истинная религиозность в немецком мире возникла и осталась лишь на почве глубокого благоговения человека перед природой»¹³², — утверждал Прокш. Главную задачу он видел поэтому в восстановлении единства человека и природы, в преодолении таким образом американизма и большевизма и достижении «истинной свободы».

Как полагали деятели оперативного штаба Розенберга, воссоздание гармонии человека и природы автоматически повлечет за собой изменение отношений между людьми. Вместо эксплуатации человека человеком (как при американизме) и произвола над человеком (что приписывалось большевизму) возродится уважение к человеку, взаимное уважение людей.

Такая постановка проблем «человек — природа» и «человек —

человек», восходившая в своих основных чертах к ранним философским построениям Розенберга, оказалась достаточно прочной точкой опоры для переоценки главной цели ведущейся национал-социализмом войны. Конечной целью войны, отмечал Прокш, должно быть возрождение внутренней связи с «силами созидания... и со всем живым». И чуть ниже: «Вовлечение человека в повсюду действующие законы мироздания; восстановление великой симпатии между человеком и природой, человеком и растением, между человеком и животным; восстановление заботливого и любящего уважения человека к человеку на основе признания... конечного божьего детства всего сущего,— в этом, я думаю, покоится смысл всех отданных сегодня жертв на всех фронтах рейха»¹³³.

Философско-этические упражнения Прокша, типичные, как мы уже знаем, и для других теоретиков розенберговской «империи», привели его к следующему определению цели войны: «Нашей целью является — отыскать миру добро... Осознать в бытии мира желание бога и поступать в соответствии с ним»¹³⁴. В письме профессору Дубровски от 11 января 1945 г. Прокш призвал немцев подать остальному миру пример построения государства нового типа — «государства заботы, добра, счастливой жизни»¹³⁵. Итак, после войны нацисты обещали устроить всем «счастливую жизнь».

С подобными же мерками подходил Прокш к вопросам национал-социалистической перестройки Европы. Несмотря на то, что начинался 1945-й год (а может быть, благодаря этому), он говорил о необходимости «нового уважения всех ко всем, всего доброго и ценного ко всему доброму и ценному... Только на такой основе,— полагал он,— может произрасти европейская организация, а в последующем и организация мира... Не посредством эксплуатации и лишения прав, как это мы делаем в настоящее время. А именно — в меньшей степени политическими методами... скорее, по-человечески»¹³⁶. Фактически на исходе второй мировой войны зарождались элементы еще одной нацистской концепции — национал-социализма с человеческим лицом.

Принцип «взаимного уважения людей» требовал соответствующего переустройства Европы. Подобно Розенбергу и Дайцу, сотрудники оперативного штаба утверждали, что «новая Европа» может быть только и исключительно сообществом сознающих и уважающих себя и других «народных личностей». «Пришел час Европы,— заявил Прокш, выступая на совещании штаба 17 декабря 1944 г.— Поэтому пора признать: народы Европы очень отличаются друг от друга в духовном и физическом отношении... Мозаика многих возможностей. Но мы не можем отказаться ни от единого камешка в этой мозаике. Если произносится слово «Европа», подразумеваются они все... Нынешнюю войну за Европу,— продолжал деятель оперативного штаба,— должна сопровождать новая идея. В войнах, кото-

рые ведутся за решение идеологических вопросов, всегда побеждают более сильные идеи. В этом заключается духовное поручение рейху»¹³⁷. Вновь затрагивая проблему смысла войны, теперь уже на политическом уровне, Прокш сказал: «Пришла пора Германии определить свою позицию по отношению к народам Европы. Целью является единство многообразия... свобода народов в единстве континента»¹³⁸. То же самое, только в иных условиях, утверждали Розенберг и Дайц в первой половине тридцатых годов. Именно на таком фундаменте строилась розенберговская идея пакта четырех, выдвинутая еще до прихода Гитлера к власти.

По понятным причинам особое внимание в оперативном штабе уделяли Восточной Европе. В отличие от западной части континента, которую, как теперь считали, нужно просто вновь вернуть Европе, на Востоке задача состоит в том, чтобы не только возвратить Европе хотя бы отдельные его фрагменты, но и преобразовать их перед включением в систему «нового порядка». Достичь же этого можно лишь при условии соблюдения строго сформулированной концепции «новой восточной политики», основу которой составлял все тот же принцип «уважения к человеку».

В письме редактору журнала «Ди акцион» М. Видеман от 13 сентября 1944 г. руководитель главной рабочей группы «Украина» признавался: «Как и прежде, я убежден, что мы на Востоке политически провинились и что будущая восточная политика рейха может строиться только на основе уважения к человеку»¹³⁹. Правда, в данном случае уважение к человеку должно обязательно сочетаться со «здоровым признанием качественных пределов», отделяющих «людей Востока» от «людей Запада». Задача национал-социализма заключалась, по утверждению Прокша, не в том, чтобы «сеять ненависть, а чтобы убрать из душ мусор и заботиться о новых народах», «улучшить характер» восточноевропейских народов, ибо именно с ними, и ни с кем иным, придется заниматься строительством «новой Европы»¹⁴⁰.

В качестве главных программных требований к перестройке восточного пространства Прокш называл предоставление большей инициативы проживающим там народам и их новую социальную организацию на основе уважения к человеку, а также воссоздание единства этнических и государственных границ, чем нацисты пренебрегали на протяжении всех военных лет. Несколько по-иному выглядела теперь и миссия национал-социализма в Восточной Европе. «Мы... должны вести себя,— подчеркивал Прокш,— как советники, я хотел бы почти сказать, как садовники, которые необычайно твердой рукой должны очень хорошо пропалывать разрастающийся сорняк, но вместе с тем в качестве главного поручения и главной задачи должны заниматься воспитанием людей в смысле их... божественного идеала»¹⁴¹. Так в оперативном штабе Розенберга вплотную

подошли к вопросу о месте и роли Германии в «новом европейском порядке».

Проблема эта всегда находилась в фокусе внимания нацизма. Однако теперь, когда война уже была, по существу, проиграна, вынужденно обратились к духовным мотивациям германского лидерства на континенте, к таким понятиям, как «дух» и «душа», которые невозможно понять формально-логическим путем и интерпретация которых давалась в философских сочинениях Розенберга. А именно, по его утверждениям, «раса, душа и дух — это одно и то же, лишь рассматриваемое с разных сторон»¹⁴². Каждая раса имеет свою душу, каждая душа — свою расу, внутреннюю и внешнюю архитектонику, свою особую форму проявления и свой образ жизни; каждая раса имеет, наконец, определенный высший идеал. Смешение народных идеалов, духовных ценностей и образов жизни ни в коем случае недопустимо, ибо в противном случае наступит всеобщий хаос и вселенская катастрофа. В пробуждении рас, их очищении от всего чуждого нацисты видели смысл или, пользуясь терминологией Розенберга, миф XX столетия.

Весь этот джентльменский набор нацистского расового учения вспоминается, когда изучаешь ход мыслей сотрудников оперативного штаба о германской миссии в Европе. Немецкий народ они наделяли особыми духовными качествами и уникальным предназначением — «нести ответственность за духовное наследие в мире», быть «доверенными будущего»¹⁴³. Справиться с такой колоссальной задачей способен лишь народ, занятый поисками истины, для которого решающим является не «цель и связанный с ней мимолетный эффект», а «нечто большее, чем просто жить». Адекватную этой задаче формулировку Прокш нашел в старой немецкой поговорке «Быть большим, чем казаться». В ней, содержащей якобы высшие духовные ценности немцев, он видел внутреннее оправдание войны. Следуя за истиной, немецкий народ повсюду в мире будет сеять семена добра, счастья, уважения к человеку. Подобно лекарю, он исцелит мир от всех болезней прошлого¹⁴⁴.

Резюмируя вышесказанное, еще раз подчеркнем, что в теоретических исканиях деятелей оперативного штаба можно заметить неожиданное, на первый взгляд, возвращение к истокам «Мифа XX столетия», и в этом смысле вполне допустимо говорить о своеобразном круге эволюции национал-социалистического мировоззрения в его розенберговском толковании. В силу вынужденных обстоятельств отказавшись от претензий на завоевание великого жизненного пространства, нацисты в конце войны вновь обратились к духовным поискам иррационально-мистического толка двадцатых годов. Круг замкнулся.

За фасадом гипертрофированных представлений о глобальной миссии предварительно нацифицированного немецкого народа скры-

вались не менее фантастические надежды, что в самый последний момент еще можно что-то изменить, что войну можно закончить, не допустив поражения рейха и продвижения Советской Армии в Центральную Европу. Составленный на основе европейской концепции «Европейский план» был ориентирован исключительно против СССР, в котором видели гигантскую опасность, нависшую над континентом.

Вопрос о путях выхода из создавшейся для рейха чрезвычайной ситуации специально рассматривался в докладе Р. Прокша «Преобразование германской политики в отношении Украины», прочитанном на совещании руководящих сотрудников оперативного штаба 16—17 декабря 1944 г. в Ратиборе. По времени доклад совпал с началом Арденнской наступательной операции вермахта на Западном фронте, чем в значительной степени и объясняется столь оптимистичное его название. Заявленная в докладе тема анализировалась с позиций европейской концепции оперативного штаба Розенберга.

Исходя из основных положений этой концепции, в первую очередь из идеи, ориентирующей на временный отказ от захвата великого жизненного пространства, Прокш пришел к заключению, что «желание присоединить к Европе Россию с ее территорией от Ленинграда до Владивостока является утопией и вряд ли станет действительностью когда-нибудь в будущем»¹⁴⁵. Поскольку речь идет о стране с громадными материальными и людскими ресурсами, после войны она в любой момент может выйти из концерта мировых держав и пойти своим собственным путем. В возникающей вследствие этого ситуации неопределенности кроется постоянная угроза для Европы, причем независимо от правящего в «новой России» политического режима — большевистского ли или, скажем, власовского, «более национального» оттенка. В любом случае от СССР будет постоянно исходить политическая опасность¹⁴⁶.

В целях нейтрализации будущей «советской опасности» Прокш рекомендовал еще до окончания войны вновь завоевать и «европеизировать» Украину, определив ей роль фильтра между Советским Союзом и центральноевропейским пространством. Решить такую задачу возможно только путем преодоления кризиса доверия украинского народа к германской политике, для чего следует, по его мнению, отказаться от представления о славянских народах как об объекте колониальной эксплуатации и перестроить отношения между Германией и Украиной на основе «высокого уважения к человеку».

Конкретные предложения Прокша сводились к тому, чтобы без промедления приступить к пропаганде «Европейского плана» среди украинцев, угнанных в рейх на принудительные работы; публично заявить об отказе от методов оккупационной политики, применявшихся на Украине Э. Кохом; признать «украинскую самостоятель-

ность в сообществе новой Европы»; незамедлительно очертить линию западной границы Украины и т. п. Розенберговский сотрудник ратовал за то, чтобы одновременно с повторным вступлением на Украину немецких войск, а еще лучше «уже сейчас» провозгласить на немецкой, чешской либо словацкой территории «новый украинский совет», то есть что-то вроде марионеточного правительства, которое обратилось бы к Германии с просьбой о протекторате над Украиной, понимаемом как государственная форма перехода к самостоятельности. Только такое развитие событий, по утверждению Прокша, способно спасти Европу, успешно завершить эксперимент по «европеизации» Украины, а затем и по преобразованию всей Восточной Европы. Только такой процесс обеспечит континенту «новое европейское будущее»¹⁴⁷.

Несмотря на свои внешние отличия от дайцевской концепции европейского социализма, европейская концепция оперативного штаба Розенберга находилась с ней в самой тесной генетической близости. И та и другая покоились на одной и той же иррационально-натуралистической методологии, на общих этических принципах, на рассмотрении Европы в качестве изначально существующей целостности, на том, наконец, внимании, которое в умозрительных построениях Дайца и Прокша отводилось европейской идее.

И проекты Дайца, и «Европейский план» оперативного штаба отчетливо выделялись своей ортодоксальной ориентацией и как таковые объективно противостояли риббентровским планам европейской конфедерации, имевшим ярко выраженный прагматический характер. В конце войны в отношениях между «империями» Розенберга, Риббентропа, Геббельса, Гиммлера и некоторых других нацистских фюреров по-прежнему действовали тенденции как к отталкиванию, так и к притяжению. Интегрирующим фактором в системе оставался Гитлер.

2.5. Европейская политика национал-социализма в конце войны

С весны 1944 г. в нацистской Германии развернулась одна из последних внутривойсковых битв за право определять европейскую стратегию рейха. Предельной остроты достигли споры о соотношении идеологии национал-социализма и внешней политики, о целях войны, об отношении к тому или иному проекту реорганизации Европы в условиях, когда военное положение страны неуклонно ухудшалось, приближаясь к критической отметке. В центре противоречий находилась восточная проблема — с помощью каких идеологических, пропагандистских и политических мероприятий способст-

водить перелому в пользу рейха на главном фронте второй мировой войны — советско-германском.

Вновь, как и раньше, противоположными точками зрения на европейскую проблематику оказались ортодоксальная и прагматическая. Если представители первой уповали на все новые идеи, концепции, постепенно возвышая немецкий национал-социализм до уровня евросоциализма и переходя на позиции национал-социализма с человеческим лицом, то представители прагматического направления были готовы в случае необходимости пожертвовать даже некоторыми положениями нацистского учения. В отличие от ортодоксов, проповедующих идею первенства национал-социалистической партии над государством и народом, прагматики руководствовались в первую очередь великодержавными соображениями, намечали ближайший внешнеполитический ход с учетом конкретной расстановки сил и были восприимчивы к тезису о примате государства над народом и партией. Все это сказывалось на европейской политике рейха в конце второй мировой войны.

Понятно, что розенберговская «империя» не только первой ввязалась в битву за европейские прерогативы, но и надеялась выйти из нее победительницей. И команда Дайца, и оперативный штаб, и аппарат уполномоченного фюрера по контролю за духовным обучением, и имперское министерство по делам оккупированных восточных областей (оно прекратило существование только 30 апреля 1945 г.) — все они желали видеть Розенберга верховным попечителем европейской политики рейха. С этой целью они настоятельно рекомендовали учредить высшую партийно-государственную инстанцию, которая бы занималась исключительно проблемами «новой Европы». С ней связывалась последняя надежда на спасение.

На протяжении 1944 г. В. Дайц неоднократно предлагал Розенбергу добиваться воссоздания внешнеполитического бюро НСДАП, исходя из посылки, что подлинная европейская политика национал-социализма проводилась до сих пор не министерством иностранных дел, а именно внешнеполитическим бюро. «Вновь и вновь,— писал он Розенбергу 1 июня,— я направляю вам... просьбу снова образовывать внешнеполитическое бюро в форме «управления по делам Великой Европы». Европа как нравственная идея и обязанность может исследоваться и разъясняться только в вашем ведомстве. Тем самым оно заложило бы также основу для последующего «министерства по делам Великой Европы»... Если вы его не создадите, я опасюсь, что это сделает кто-то другой»¹⁴⁸. Главную задачу сначала управления, а затем министерства по делам Великой Европы Дайц видел в скорейшей реализации идей европейского социализма, в частности, в учреждении Совета семьи народов в целях строительства подлинного европейского мира без гражданских войн между народами континента¹⁴⁹.

В длинном письме Розенбергу от 27 сентября Дайц, касаясь вопроса о переходе к «настоящей европейской политике», снова подчеркнул, что она не может проводиться министерством иностранных дел — «техническим аппаратом без всяких идей». Обращаясь к своему шефу с призывом начать «активную и мировоззренчески обоснованную европейскую политику», Дайц восклицал: «Только так вы сможете защитить и спасти мировоззрение национал-социализма!» и предупреждал его: «Вы несете ответственность не только перед Германией, но и перед Европой»¹⁵⁰.

Документы подобного рода поступали в канцелярию Розенберга и из других подразделений «империи». Интерес представляет, например, меморандум «Принципиальные пункты беседы с рейхслейтером Борманом о концентрации сил». Его автор настаивал на необходимости «иммунизации немецкого народа против вражеских идеологий» и активной пропаганды европейской идеи, только-только сформулированной сотрудниками оперативного штаба. Дальше следовало предложение, важное с точки зрения битвы за полномочия: «Рейхслейтер Розенберг является последней моральной и духовной надеждой старых членов партии и немецкого народа»¹⁵¹.

Розенберг и сам, не дожидаясь рекомендаций со стороны, выступал с инициативами по этому вопросу. В письме Борману от 19 мая 1944 г. он утверждал, что события последних лет свидетельствуют о важности усиления и концентрации духовной войны в размерах, многократно превосходящих масштаб идеологического противоборства в начале войны¹⁵². 1 августа в розенберговском послании Гитлеру содержалась просьба поручить ему, Розенбергу, сформулировать принципы «нового европейского порядка»¹⁵³. Спустя еще несколько дней, 7 августа, он через Ламмерса передал фюреру краткий меморандум с предложением образовать высшую инстанцию для централизованной разработки европейской идеи¹⁵⁴, причем ради этого поста был готов отказаться от претензий на руководство актуальными внешнеполитическими проблемами. Все, что его тогда волновало, — это донесение европейской идеи до всех и каждого, но в особенности до народов нейтральных государств и воюющих на германской стороне легионов из представителей различных европейских стран, с единственной целью организации общеевропейского сопротивления СССР. Для укрепления боевого духа восточных легионов Розенберг рекомендовал давать им какие угодно обещания, про себя сознавая, однако, что «в будущем дела на Востоке могли бы быть урегулированы не совсем так, как представляется сейчас»¹⁵⁵.

В том, что касалось европейских прерогатив, Розенбергу рисовались картины, одна радужнее другой. Но все его надежды, кажется, перечеркнуло письмо Ламмерса от 10 августа 1944 г. Не терпящим возражений тоном тот сообщал, что вопрос о том, когда приступить к формулированию принципов «нового европейского поряд-

ка» и применять их во внешней политике рейха, находится в исключительной компетенции фюрера. «В настоящий момент,— подчеркивал Ламмерс,— было бы неприемлемым создавать специальную организацию предлагаемого вами типа для решения этой задачи, не говоря уже о том, чтобы сообщать о создании такой организации общественности. Поэтому я хотел бы просить вас пока не предпринимать никаких шагов для подготовки подобной организации»¹⁵⁶. После письма Ламмерса перспективы образования центрального партийно-государственного органа по делам «новой Европы» с Розенбергом во главе отдалялись на неопределенное время.

Тем не менее и впоследствии Розенберг использовал любой повод для изменения ситуации в свою пользу. Очередным предлогом для возобновления европейских инициатив послужила ему ведущаяся Гиммлером и Риббентропом подготовка соглашений с генералом Власовым о формировании «русской освободительной армии» и основании «Комитета освобождения народов России»¹⁵⁷. Название последнего вызвало у Розенберга чувство возмущения, поскольку, как ему казалось, оно оставляло лазейку, посредством которой после войны побежденный СССР будет сохранен в своих прежних границах; в таком случае национальные окраины вновь окажутся под игом «русского империализма». Цель же, по Розенбергу, состояла в том, чтобы, наоборот, расчленив Советский Союз на национальные части, целиком и полностью зависимые от рейха. По сути дела, Риббентроп и Гиммлер обвинялись в поощрении лозунга «единой и неделимой России».

Вот почему 12 октября 1944 г. Розенберг направил Гитлеру небольшую памятную записку «Предложение об урегулировании восточной политики» с обширным комментарием к ней¹⁵⁸. Он резко высказался в ней против непродуманной восточной политики некоторых имперских официальных органов (подразумевались «империи» Гиммлера и Риббентропа), не только не согласованной с министерством по делам оккупированных восточных областей, но и объективно лишаящей всякого смысла борьбу восточных легионов, опекаемых Розенбергом. Позиции рейхсфюрера СС и руководителя МИД Розенберг противопоставил свою собственную, в соответствии с которой в германских интересах и в целях подавления большевизма следует добиваться преодоления существовавшего раньше взаимного отчуждения русского, украинского и кавказских народов путем выдвижения общей европейской идеи. «Подобные идеи,— писал Розенберг,— должны соответствующим образом формулироваться имперским министром по делам Востока и соблюдаться... всеми остальными ведомствами»¹⁵⁹. Как видим, теперь он стремился протолкнуть свои европейские проекты в рамках компетенций имперского министерства по делам оккупированных восточных областей.

Гитлер ответил молчанием. Становилось все более ясно, что никаких прерогатив в сфере идеологического обеспечения «нового европейского порядка» Розенбергу не получить. Складывалась новая военно-политическая ситуация — под напором армий антигитлеровской коалиции границы подвластной Германии европейской территории неумолимо сжимались и уже придвинулись к территории самого рейха. Возник вопрос, как при таких обстоятельствах не потерять немногих еще остающихся союзников, как удержать на своей стороне коллаборационистов, которые могли бы понадобиться для нагнетания политической напряженности в только что освобожденных от нацизма странах. Появилась потребность сместить акценты в идеологии и пропаганде «новой Европы», приспособить их к нуждам последних месяцев войны. Здесь как нельзя более уместными Розенбергу показались советы В. Дайца.

Восьмым сентября 1944 г. помечен адресованный Розенбергу дайцевский «Меморандум о европейской пропаганде»¹⁶⁰. К нему примыкали памятная записка Ф. Кюля¹⁶¹, упоминавшееся выше письмо Дайца Розенбергу от 27 сентября и некоторые другие документы. В них высказывалась мысль о срочной необходимости перехода на новый уровень европейской идеологии и пропаганды, адекватный суровым реалиям дня. Как мы увидим дальше, предлагавшиеся Дайцем рецепты спасения рейха и «новой Европы» в целом были восприняты Розенбергом.

В «Меморандуме о европейской пропаганде» обращалось внимание на то, что всякое подлинное «обновленческое» движение (немецкий национал-социализм, итальянский фашизм, испанский фалангизм и др.) возникает в условиях крайней нужды, острейшего внутриполитического кризиса. Там, где кризис не достиг предельной глубины, «народные» движения — Квислинга в Норвегии, Муссерта в Голландии и другие — просто не могут добиться конечной победы. Сейчас, осенью 1944 г., такой критический момент наступал в связи с немецким отступлением в Западной Европе и на Балканах. Только сейчас, по Дайцу, «большой массе населения в странах, оккупированных ранее Германией, становится ясно, насколько лучше им было раньше, при германской оккупации... по сравнению с наступившим теперь положением». Только сейчас, на почве острой нужды, может прорасти семя обновления народов. «До сих пор война была лишь прелюдией», — утверждал биополитик. Теперь же наступил «великий час Европы». Национал-социализм обязан поднять знамя духовной борьбы за «новую Европу», помочь проложить путь «идее возрождения европейской семьи народов... и тем самым основать европейское сообщество народов, европейский социализм»¹⁶².

Той же проблемы касался Дайц в письме Розенбергу от 27 сентября 1944 г. «Только сейчас, — подчеркивал он, — в ходе немецкого отступления, рождается новая Европа... Пришло время, когда

Германия только и может начать настоящую европейскую политику» — именно в силу того, что «национал-социалистическое мировоззрение никогда не сможет сохраниться в Европе как изолированный остров, но имеет право на существование только в качестве ядра нового европейского мировоззрения»¹⁶³. Другими словами — если нацистский рейх хочет выжить, он обязан проводить «настоящую европейскую политику» в духе дайцевского европейского социализма.

Понимая, что в сложившихся условиях Розенберг вряд ли получит пост попечителя «новой Европы», и исходя из реалий войны, Дайц рекомендовал обновить методы германской политики на континенте. Он призывал вернуться к тактике двадцатых годов, «периода борьбы», когда НСДАП еще не находилась у власти и не могла опираться на силу государственного аппарата при осуществлении своих целей. По мнению биополитика, аналогичная ситуация сложилась и теперь, но только в европейском масштабе, после того как рейх потерял возможность прямого воздействия на многие страны в качестве оккупирующей державы. Итак, Германия должна применять такие методы решения европейской проблемы, какими пользовалась нацистская партия, решая проблему власти в Германии до 30 января 1933 г.

Что же это за методы? «Проповедь и пресса!» — отвечал Дайц, «забыв» о кровавом терроре и прочем инструментарии нацистской политики веймарских времен. И уточнял: «Сейчас мы должны проповедью и через прессу непрерывно провозглашать новое европейское мировоззрение, которое только и способно вновь объединить народы Европы. Для этого не нужно иметь послов и посланников в отдельных странах»¹⁶⁴. Говоря о проповеди и прессе, Дайц имел в виду идеологическую и пропагандистскую войну — как в плане резкого усиления обеих, так и в смысле их тесной координации. Руководство идеологической войной он оставлял за «империей» Розенберга, в ведении пропагандистской войны предлагал установить сотрудничество с «империей» Геббельса. Для «империи» Риббентропа места в схеме не оставалось.

Именно в этом направлении шли конкретные рекомендации Дайца. Он предлагал до предела взвинтить идеологическую и пропагандистскую войну на основе концепции евросоциализма и подключить к проведению этой войны журналистов и деятелей коллаборационистских движений, нашедших последнее убежище в рейхе. «Сейчас мы имеем редкую возможность, — писал Дайц Розенбергу, — принимать у нас (в Германии. — В. Б.) зарубежных журналистов, которые занимали нашу сторону, и руководителей движений за политическое обновление многих стран. Ваша задача, рейхсleiter, заключается в том, чтобы привлечь этих людей и ориентировать их на мировоззренчески разработанные нами принципы нашей европейской политики. В последующем на этих общих принципах каждый народ дол-

жен революционным путем осуществить свое собственное народное и в то же время европейское обновление»¹⁶⁵. Рекомендации биополитика представляли собой, в сущности, распространенный на всю Европу идеологически-пропагандистский аналог операции, запланированной гитлеровцами под кодовым наименованием «Вервольф».

Дайц просил определенных полномочий и для себя, причем мотивировал свою просьбу следующим образом: «Я знаю почти всех национал-революционных активистов стран Западной и Северной Европы и был бы готов — если меня поддержит партайгеноссе Мухов — составить соответствующий план»¹⁶⁶. Его идея заключалась в том, чтобы преобразовать находившийся под его опекой дрезденский Институт Европы в своеобразный центр идеологической переподготовки коллаборационистов всех мастей. В том же институте Дайц предлагал учредить постоянный комитет, состоящий из немецких и зарубежных журналистов, который в тесном контакте с «империями» Розенберга и Геббельса взялся бы за распространение национал-социалистической европейской идеи¹⁶⁷. В случае принятия подобного плана вся европейская идеология и пропаганда, формировавшаяся в розенберговской «империи», могла сосредоточиться в руках В. Дайца.

В середине сентября 1944 г. один из руководителей Института Европы Ф. Кюль имел серию бесед с представителем зарубежного отдела в геббельсовском министерстве Мэлике. Последний заявил, что его отдел «в полном объеме признает идеи посланника Дайца» как основу европейской пропаганды и занят сейчас переводом «Европейской хартии» на многие европейские языки. Под углом зрения концепции европейского социализма Мэлике обещал воздействовать на руководителей других отделов министерства (Фриче, Дитриха, Браувейлера), но условием перехода к новой европейской пропаганде назвал согласие Геббельса. Об итогах бесед и об открывающихся перспективах Дайц тут же информировал Розенберга, который дал принципиальное согласие на сотрудничество «проповеди и прессы»¹⁶⁸.

В рамках акции «Проповедь и пресса» в Институте Европы началась активная подготовка к международным встречам эвакуированных представителей коллаборационистских деятелей ряда стран, в первую очередь Франции и Бельгии. На обсуждение выносились преимущественно идеологические вопросы. Первая встреча подобного рода — так называемая Европейская беседа — была проведена в ноябре 1944 г.¹⁶⁹ Как раз в это время Розенберг завершил работу над меморандумом «Единый континент»¹⁷⁰, и можно предположить, что именно меморандум находился в центре внимания участников беседы.

Розенберговский меморандум представлял собой своеобразный синтез европейских идей, сформулированных в подразделениях «им-

перии», в частности, в оперативном штабе для оккупированных территорий и Институте континентально-европейских исследований профессора Никурадзе¹⁷¹. Но особенно много идей было почерпнуто из дайцевской концепции евросоциализма. В «Едином континенте» более-менее систематически излагались взгляды Розенберга на Европу, ее прошлое, настоящее и будущее. На этом фоне ставились вопросы о целях второй мировой войны, миссии национал-социализма, месте европейских народов в грядущем «новом порядке», о «всеобщей социальной справедливости», которая в случае победы рейха восторжествует в европейской семье народов¹⁷². Меморандум был не чем иным, как той проповедью, о которой просил Дайц в целях идеологической ориентации коллаборационистских сил.

Вместе с тем розенберговский документ отличался неодолимым стремлением использовать последний шанс в борьбе против СССР и в этом отношении играл роль воззвания, обращенного к народам Европы, но особенно к восточным легионам. Не случайно меморандум заканчивался выражением надежды на то, что «все народы Европы услышат... зов судьбы, последуют за ним и станут вместе бороться за европейский континент, за свою общую честь, чтобы заложить прочные основы для нового возрождения всех творческих сил нашей части света»¹⁷³.

Почти дословно повторяя Дайца, Розенберг говорил о том, что «именно в эти дни жесточайшей борьбы вновь может родиться идея Европы», не являющаяся более литературной болтовней, а становящаяся живой действительностью. Европейская идея трактовалась Розенбергом как идея единой Европы, в которой нет места противоборству великих держав, враждебных группировок, коалиций. В свою очередь, европейское единство он определял в качестве единства многообразия. Получалось, что единая «новая Европа» может стать реальностью только при условии реализации лозунга европейской семьи народов и ее совместной защиты. Согласно Розенбергу, европейская семья народов представляла бы собой единство всех наций, проживающих на континенте; собственно говоря, это и есть основная предпосылка достижения цели войны — автаркии европейского континента¹⁷⁴.

Смертельным врагом «новой Европы» в меморандуме назывался коммунизм. Розенберг призывал к мобилизации всех сил, чтобы ни в коем случае не допустить его проникновения в Центральную, Южную и Западную Европу. Максимальная же задача виделась рейхслейтеру в повторной оккупации Восточной Европы. Ради осуществления этой химерической задачи Розенберг объявил о необходимости делать сознательное различие между коммунизмом и народами европейской семьи. Восточным легионам и всевозможным «комитетам национального освобождения» он впервые предложил, так сказать, «позитивный идеал», за воплощение которого следует

вести войну, — «бороться за творческие возможности каждого народа, за самооборону европейского континента, за автаркию и социальное взаимодействие всех европейских наций, за осознание единой судьбы»¹⁷⁵ и так далее. Обещая после победы предоставить самостоятельность восточноевропейским народам (сейчас можно было обещать все, что угодно), Розенберг делал важную оговорку: нужно позаботиться о том, чтобы на востоке Европы никогда больше не проливалась немецкая кровь¹⁷⁶. Таким образом, даже в критический для рейха момент его не покидала мысль о создании марионеточных структур в восточной части континента, об особой миссии национал-социализма по преобразованию жизни восточноевропейских народов.

«Проповедь», подобная меморандуму «Единый континент», дополнялась «прессой», но здесь Розенбергу не удалось добиться многого. Похоже на то, что команда Дайца не сумела наладить равноправное сотрудничество с имперским министерством пропаганды, и в результате «империя» Геббельса перехватила инициативу. Она, в частности, опекала работу так называемого третьего конгресса союза национальных журналистских объединений, о котором подробно сообщала газета «Фелькишер беобахтер» в номерах от 13, 14 и 15 декабря 1944 г.

На конгрессе, состоявшемся в Вене, присутствовали представители «двадцати двух европейских наций», причем не только и не столько журналисты, сколько активные деятели коллаборационистских группировок — делегат по социальным вопросам французской национальной правительственной комиссии М. Деа; вождь валлонских фашистов, командир эсэсовской дивизии «Валлония» Л. Дегрель; руководитель «комитета фламандского освобождения» Й. ван де Виль; венгерский министр культов Ф. Райнис и другие. С немецкой стороны в работе конгресса принимали участие преимущественно лица из ближайшего окружения Геббельса (О. Дитрих, Г. Зюндерман и другие), а также представители НСДАП, правительственных учреждений, вооруженных сил.

Конгресс проходил под знаком «новой идеи» — «социалистического преобразования» Европы. Единственным возможным решением проблемы в выступлениях называлось «центральное решение», при котором все страны группируются вокруг европейского ядра — национал-социалистического рейха. Только в таком случае, как говорил О. Дитрих, можно добиться «социалистического освобождения» и открыть народам путь к «подлинному социальному прогрессу, ведущему в новое великое и счастливое будущее»¹⁷⁷.

За словесной шелухой европейского социализма скрывались конкретные политические лозунги. В речи Зюндермана говорилось о необходимости создания европейского фронта созидательных наций, а в заключительном слове В. Вейса, президента союза национальных

журналистских объединений, содержался призыв к формированию «единого фронта душ и сердец Европы в борьбе против большевизма»¹⁷⁸. На выполнение этой задачи ориентировались присутствовавшие на конгрессе журналисты.

Нет сомнения, что активное участие в подготовке венского конгресса принимали В. Дайц и его Институт Европы. Однако ни Розенберг, ни Дайц в сообщениях «Фелькишер беобахтер» не упоминались. Это было лишним свидетельством в пользу того, что на рубеже 1944—1945 гг. пропаганда идеи европейского социализма перешла в руки «империи» Геббельса. Сама же дайцевская концепция преподносилась геббельсовскими пропагандистами с сугубо прагматических позиций.

Поскольку в конце войны в Германии объективно существовала нужда именно в прагматических программах, способных быстро приспособляться к постоянно изменяющейся военно-политической обстановке, у Розенберга не было никаких шансов переиграть Риббентропа. С осени 1944 г. значительно оживилась деятельность комитета по делам Европы при имперском министерстве иностранных дел. Отбросив теперь как неактуальную идею европейской конфедерации, члены комитета приступили к разработке новой «немецкой европейской концепции», с помощью которой можно было бы обосновать претензии рейха на господство в Европе¹⁷⁹. В полемической форме в комитете обсуждались теоретические и методологические проблемы, в частности, вопрос о необходимости более терпимого отношения к либерализму — как мы знаем, либерализм всегда был объектом жесточайшей критики со стороны национал-социализма. На заседании комитета 18 декабря министерский директор имперского министерства по делам науки, воспитания и народного образования А. Хольфельдер высказался в том смысле, что идеи не могут овладеть массами, если в них нет нужды. Поэтому необходимо делать различие между либерализмом и индивидуализмом¹⁸⁰. В истории нацистской идеологии такая постановка проблемы встречалась, кажется, впервые.

Риббентроповский комитет подготовил и провел в Веймаре международный семинар по теме «Европа в час решения»¹⁸¹. Пятого января 1945 г. формально под эгидой Немецкого института зарубежных исследований собрались более 150 немецких и иностранных ученых, политиков, представителей министерств и ведомств. Был заслушан и обсужден ряд докладов, в том числе о европейском социализме, трактуемом, правда, в духе решений международной встречи в Бад Зальцбрунне, а не с позиций концепции В. Дайца.

Принимавший участие в веймарском семинаре личный представитель Розенберга, начальник специального штаба для решения мировоззренческих вопросов, касающихся Европы, Г. Мухов подчеркивал впоследствии, что на семинаре отсутствовали «ясная уста-

новка и взлет революционного желания, целеустремленное немецкое руководство и терминологическая четкость»¹⁸². Высказываниям прагматического толка Мухов противопоставил, как он сказал, «основы нового мировоззрения», сформулированные в оперативном штабе. Однако самоновейшее мировоззрение розенберговских ортодоксов уже никого не интересовало, особенно «империю» Риббентропа.

Именно в то время Риббентроп предпринял попытку подчинить себе все существовавшие в рейхе организации, занимающиеся вопросами «новой Европы». Готовилось слияние в так называемый кружок по изучению Европы соответствующих подразделений «империи» Розенберга (по всей видимости, имелись в виду дайцевский Институт Европы, специальный штаб Мухова и Институт континентальноевропейских исследований профессора Никурадзе); Немецкого института зарубежных исследований, за которым стоял мидовский комитет по делам Европы; Европейского управления СС; Зарубежной организации НСДАП; Немецкого трудового фронта и т. д.¹⁸³ Все эти внушительные силы Риббентроп намеревался ориентировать на решение первоочередных практических задач, связанных с подготовкой возможных сепаратных договоренностей с Англией и США.

Дело в том, что в январе 1945 г. к Гитлеру поступило несколько записок, составленных видными деятелями крупного капитала, правительственных инстанций и вооруженных сил, в которых констатировалось, что война фактически проиграна, и давались рекомендации незамедлительно войти в контакт с Англией и США на предмет прекращения военных действий на Западном фронте¹⁸⁴. Фактически речь шла о попытке достижения сепаратного мира с западными державами при условии сохранения нацистского режима в Германии.

По данным Г. Л. Розанова, 17 января Гитлер продиктовал имперскому министру иностранных дел основные положения пакета «мирных предложений» Западу. Для окончательной их шлифовки были привлечены высшие чиновники МИД, и не исключено участие в этом деле членов комитета по делам Европы. Результатом доработки стал документ, известный как «Меморандум Риббентропа», который уже девятнадцатого числа был одобрен Гитлером¹⁸⁵.

Запугивая западные державы перспективой большевизации Европы, авторы документа утверждали, что единственным противником советской угрозе является национал-социалистический рейх. Только он в состоянии помешать продвижению большевизма на Запад. В создавшейся ситуации, отмечалось в меморандуме, «дальнейшее ослабление Германии является для англичан и американцев самоубийством». Поэтому следует немедленно прекратить военные действия на Западном фронте и сформировать новую коалицию против СССР в составе Германии, Англии, других европейских стран.

Готовность вступить в военно-политический блок с Великобританией и, возможно, с США оговаривалась, однако, требованием сохранить в составе рейха Эльзас-Лотарингию, Люксембург, Австрию, Судетскую область Чехословакии, а также значительную часть Польши¹⁸⁶. На такой основе нацистские дипломаты собирались войти в тайный контакт с представителями западных держав.

Один из сотрудников Риббентропа, Ф. Хессе, предложил подкрепить секретный зондаж по дипломатической линии публичным заявлением Гитлера о новой западной политике рейха. В заявлении должно было прозвучать торжественное обязательство Германии «присоединиться к мировому порядку, который будет установлен западными державами». Гитлер, хотя и отклонил предложение о своем публичном выступлении, поручил дипломатам изложить эти тезисы представителям Англии и США в устной форме. В беседах с британскими деятелями следовало подчеркивать, что германский рейх не только готов вернуться в «сообщество западных народов» и признать европейский порядок, который будет установлен Англией, но и подчиниться ее мировой гегемонии¹⁸⁷.

Попытки заключения сепаратного мира закончились провалом, сокрушительный удар по ним нанесли решения Крымской конференции руководителей Великобритании, США и СССР, но нас интересует сам факт готовности национал-социалистического рейха присоединиться к «мировому порядку, который будет установлен западными державами», в случае реализации германских предложений. В этих словах заключалось признание полного краха нацистского европеизма, направленного на принудительное введение в Европе гитлеровского «нового порядка». Они свидетельствовали о начавшейся агонии европейской идеологии национал-социализма.

Пожалуй, о последней речи А. Розенберга, посвященной «новой Европе», сообщила газета «Фелькишер беобахтер» 1 марта 1945 г. Выступая перед представителями партийных и государственных органов, вооруженных сил и научных кругов, Розенберг заявил, что европейская революция нерасторжимыми узами связана с судьбоносной борьбой немецкого народа и может победить вместе с победой рейха. Сейчас наступил час испытаний. Докладчик предупредил тех европейцев, которые, как он считал, выступают против «старой Европы» на стороне держав антигитлеровской коалиции — по его убеждению, история когда-нибудь предъявит счет тем, кто вопреки «взаимным законам жизни и традициям» не содействовал сожительству народов на европейском континенте¹⁸⁸.

Розенберг по-прежнему противился упразднению своего Восточного министерства, в рамках которого стремился концентрировать германскую политику в отношении Восточной Европы. Геббельс, критикуя розенберговскую позицию, с издевкой писал: «По тем же причинам я мог бы создать какое-нибудь Западное и Южное

министерство»¹⁸⁹. Розенберга все больше покидало чувство реальности.

В марте — апреле 1945 г. в состояние пространия впали и другие зараженные ортодоксией нацистские деятели. Эту особенность точно подметил Геббельс, который 8 апреля внес в свой дневник несколько строк по поводу статьи, опубликованной в журнале «Шварце кор». Как утверждали авторы статьи, рейх практически потерпел военное поражение, однако идеи национал-социализма сохранятся при любых обстоятельствах. Данная статья, согласно Геббельсу, выражает точку зрения радикального крыла в нацизме, тех нескольких сверхинтеллектуальных элементов, которые «впали в нирвану». «Но я буду противодействовать этому самыми жестокими методами»¹⁹⁰, — подчеркнул в заключение имперский министр информации и пропаганды.

Констатацией интенсивного распада национал-социалистического европеизма мы и закончим наше исследование. Великая победа антигитлеровской коалиции спасла европейские народы от ужасов гитлеровского «нового порядка», как, впрочем, и от мрачных перспектив биологического угасания в случае, если бы нацистские представления о «новой Европе» воплотились в жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала второй мировой войны в фашистской Германии с новой силой развернулась полемика между нацистскими ортодоксами и прагматиками по вопросам «нового европейского порядка». Ортодоксы (Розенберг, Гесс, Дарре и некоторые другие) в своих представлениях о «новой Европе» исходили из биополитических идей национал-социализма, прагматики (Риббентроп, Геринг, Функ) предпочитали использовать джентльменский набор геополитики и реакционных международно-правовых идей. В центре дискуссий оказались проблемы жизненного пространства и его организации. Географическим и геополитическим доктринам Монро, с которыми выступали прагматически ориентированные деятели, биополитики противопоставили так называемую биологическую доктрину Монро, а международно-правовому принципу организации великого пространства — принцип народной организации жизненного пространства.

После Сталинградской битвы полемика удивительным образом повторилась. В качестве альтернативы геополитикам и правоведам биополитики сформировали свои собственные методологические правила. Они предлагали теперь выйти за пределы ницшеанской «переоценки всех ценностей» и приступить к «новой оценке всех ценностей, обоснованной законами жизни». Вместо «органического» метода познания они рекомендовали повсеместно внедрять «биологический». Все это неминуемо сказывалось на европейской стратегии и политике национал-социалистического рейха.

В 1939—1945 гг. ортодоксы прошли более-менее прямолинейный путь к выводу о необходимости дополнения национал-социализма европейским социализмом и в конце войны стремились придать своим программам «человеческий облик», «гуманизировать» их. В окружении Розенберга зародилась концепция «национал-социализма с человеческим лицом». У прагматиков путь был не столь прямолинейен. Наиболее крупным их достижением была навеянная германским поражением под Сталинградом концепция европейской конфедерации, от разработки которой они отошли, как только размеры нацистской Европы сузились до пределов Германии.

Было бы преувеличением говорить о полной противоположности ортодоксальной и прагматической программ «новой Европы». Иногда — как это было, скажем, в канун германской агрессии против СССР (миссия Гесса) или в конце войны — они сближались либо даже

внешне налагались друг на друга. Но даже во времена крайней их отдаленности они в известной мере дополняли друг друга, представляя нацистский европеизм во всем его многообразии и давая возможность коллаборационистским силам выбирать между альтернативными вариантами одного и того же национал-социализма.

За ортодоксальной и прагматической европейскими программами скрывались определенные политические, а следовательно, и социальные интересы. Осознание их взаимосвязи и взаимозависимости вплотную приводит к выводу о партийно-государственных «империях», являвшихся центром притяжения для военных, предпринимательских, научных и прочих кругов. Каждый нацистский фюрер — Розенберг, Риббентроп, Гиммлер и другие — стремился создать свой вариант идеологии, стратегии и политики национал-социализма. Для всех «империй» было характерно в годы войны стремление укрепиться не только в самом рейхе, но и за его границами, и превратиться таким образом в «империи» мультинационального типа. Исследование проблемы нацистских «империй», их роли и места во властной структуре гитлеровского режима, их воздействия на европейскую стратегию и политику Германии еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

К Введению

¹ См.: *Ерусалимский А. С.* Германский империализм: история и современность (исследования, публицистика). М., 1964. С. 591; *Деборин А. М.* «Срединная Европа» — оружие германских империалистов. Из истории идеологической подготовки двух мировых войн // *Вопр. истории.* 1954. № 8. С. 21—32.

² См.: *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1989; *Рахмиров П. Ю.* Происхождение фашизма. М., 1981.

³ См.: *Аникеев А. А.* Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны. Ростов н/Д., 1990; *Безыменский Л. А.* Разгаданные загадки третьего рейха. Ч. 1, 2. М., 1981, 1984; *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1, 2. М., 1973; История второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. М., 1973—1982; История фашизма в Западной Европе. М., 1978; *Лебедева Н. С.* Фашистский оккупационный режим // Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939—1945. Общие проблемы. М., 1990; *Мельников Д. Е., Черная Л. Б.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. М., 1987; *Размеров В. В.* Экономическая подготовка гитлеровской агрессии. 1933—1935. М., 1958; *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991; и др.

⁴ См.: *Ушаков В. Б.* Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961; *Прозатор Д. М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989; *Розанов Г. Л.* Конец «третьего рейха». М., 1985; и др.

⁵ См.: *Семенов И. В.* Рабочий класс и антифашистская борьба в Германии. 1933—1945 гг. Челябинск, 1981; *Гинцберг Л. И.* Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939—1945. М., 1987; Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939—1945. Общие проблемы. М., 1990; и др.

⁶ См.: Агрессивная политика держав фашистского блока и происхождение второй мировой войны: Сб. М., 1989; Буржуазная историография второй мировой войны. Анализ современных тенденций. М., 1985; *Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Челышев И. А.* Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1988; *Мерцалов А. Н.* Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989; *Мерцалова Л. А.* Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ. Воронеж, 1990; *Она же.* Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ. М., 1990; *Она же.* Историки ФРГ о происхождении и сущности внешней политики германского фашизма // Ежегодник германской истории. 1987. М., 1988; *Филитов А. М.* Историография ФРГ: проблемы и дискуссии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. М., 1989; и др.

⁷ Изучение данной темы, по существу, только начинается. В качестве примера можно привести статью Л. М. Макаровой. См.: *Макарова Л. М.* Оценка немецко-фашистского «нового порядка» в буржуазной историографии // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: Сб. Свердловск, 1989. С. 125—139.

⁸ См.: *Галкин А. А.* Германский фашизм; *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Современный Левнафан: очерки политической социологии капитализма. М., 1985.

⁹ См.: *Бессонов Б. Н.* Фашизм: идеология, политика. М., 1985; *Одоев С. Ф.* Тропами Заратустры. Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию. М., 1971; *Он же.* Идеология агрессии и войны (об истоках фашистского мировоззрения) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1986. № 1.

С. 16—26; *Галкин А. А.* Фашистский идейный синдром: генезис германского варианта // *Вопр. филос.* 1988. № 11. С. 124—134; *Филатов М. Н.* Нацистские мифы вчера и сегодня. Критика литературно-политических спекуляций нацизма и неонацизма. Алма-Ата, 1979; *Бланк А. С.* Идеология германского фашизма. Материалы к спецкурсу «Германский фашизм и западногерманский неонацизм». Ч. 3. Вологда, 1974. На русский язык переводятся и книги зарубежных авторов. См.: *Бурдерон Р.* Фашизм: идеология и практика. М., 1983.

¹⁰ *Ерусалимский А. С.* Германский империализм... С. 604, 605.

¹¹ Там же. С. 591.

¹² *Lang S., Schenck E.* Portrait eines Menschheitsverbrechers nach den hinterlassenen Memoiren des ehemaligen Reichsministers Alfred Rosenberg. St. Gallen, 1947. S. 338; *Rosenberg A.* Letzte Aufzeichnungen. Göttingen, 1955. S. 272.

¹³ Подробнее об этом см.: *Буханов В. А.* Европейская стратегия германского фашизма. 1933—1939. Свердловск, 1991. С. 105—114.

¹⁴ См.: Агрессивная политика держав фашистского блока и происхождение второй мировой войны. С. 14.

¹⁵ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 1—6. Stuttgart, 1979—1989.

¹⁶ См.: *Neulen H. W.* Europa und das Dritte Reich. München, 1987; *Idem.* Hitlers Neue Europa. München, 1985 (К сожалению, в библиотеки нашей страны книги Г. Нойлена до сих пор не поступили); *Giordano R.* Wenn Hitler den Krieg gewonnen hätte. Die Pläne der Nazis nach dem Endsieg. Hamburg, 1989; *Herzstein R. E.* When Nazi Dreams come True. The Third Reich's Internal Struggle over the Future of Europe after a German Victory. A Look at the Nazi Mentality, 1939—1945. L., 1982.

¹⁷ См.: *Буханов В. А.* Европейская стратегия германского фашизма. 1933—1939.

К главе I

¹ См.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М., 1973. С. 57, 123—130, 132—137.

² См.: *Kluke P.* Nationalsozialistische Europaideologie // *Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte.* 1955. H. 3. S. 270—272; *Schwabe K.* Deutsche Hochschullehrer und Hitlers Krieg (1936—1940) // *Die deutschen Eliten und der Weg in den Zweiten Weltkrieg.* München, 1989. S. 314—319. Германский историк Л. Грухман характеризует геополитические, фелькишские и правовые концепции великого пространства. См.: *Gruchmann L.* Nationalsozialistische Grossraumordnung. Die Konstruktion einer «deutschen Monroe-Doktrin». Stuttgart, 1962. S. 9, 20, 21.

³ *Best W.* Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung // *Festgabe für Heinrich Himmler.* Darmstadt, 1941. S. 33.

⁴ См.: *Schmitt C.* Grossraum gegen Universalismus. 'Der völkerrechtliche Kampf um die Monroedoktrin' // *Schmitt C.* Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar—Genf—Versailles. 1923—1939. Hamburg, 1940. S. 295—302; *Idem.* Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Berl.: Wien, 1939. Подробный анализ взглядов К. Шмитта см.: *Gruchmann L.* Nationalsozialistische Grossraumordnung... Stuttgart, 1962.

⁵ См.: *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972. С. 186. См. также: *Бланк А. С.* Из истории раннего фашизма в Германии. Организация, идеология, методы. М., 1978. С. 116, 117.

⁶ Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в форме послания президента Дж. Монро конгрессу 2 декабря 1823 г. «Американские континенты,— указывалось в послании,— не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой». В обмен на это США пообещали не вмешиваться во внутренние дела европейских государств. Фактически авторы доктрины Монро

выдвигали принцип разделения мира на европейскую и американскую системы.

⁷ Цит. по: *Schmitt C. Grossraum gegen Universalismus...* S. 302.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem. Шмиттовскую трактовку доктрины Монро дает в своей монографии Л. Грuxман. См.: *Gruchmann L. Nationalsozialistische Grossraumordnung...* S. 22—27, 51—65, 121—145.

¹⁰ *Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Mitteilungsblatt.* 1941. № 3/4. S. 24, 26.

¹¹ Ibid. S. 26.

¹² См.: *Best W. Völkische Grossraumordnung // Deutsches Recht. Ausgabe A.* 1940. H. 25. S. 1006, 1007.

¹³ Ibid. S. 1007.

¹⁴ См.: *Stuckart W. Die Neuordnung der Kontinente und die Zusammenarbeit auf dem Gebiete der Verwaltung // Reich, Volksordnung, Lebensraum. Bd. 1.* Darmstadt, 1941. S. 6, 7.

¹⁵ *Daitz W. Monroe-Doktrin der Lebensräume // Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik.* Dresden, 1943. T. 3. S. 32; *Idem. Das neue Europa, seine Lebenseinheit und Rechtsordnung // Deutsches Recht. Ausgabe A.* 1940. H. 49. S. 2082.

¹⁶ Так национал-социалисты называли теоретиков, придерживающихся принципов либеральной демократии.

¹⁷ См.: *Höhn R. Reich. Grossraum. Grossmacht.* Darmstadt, 1942. S. 23—26.

¹⁸ Ibid. S. 28.

¹⁹ *Best W. Nochmals: Völkische Grossraumordnung statt: «Völkerrechtliche Grossraumordnung» // Deutsches Recht. Ausgabe A.* 1941. H. 29. S. 1534.

²⁰ *Höhn R. Grossraumordnung und völkisches Rechtsdenken // Reich, Volksordnung, Lebensraum.* 1941. Bd. 1. S. 286.

²¹ Ibid. S. 270—272.

²² *Höhn R. Reich. Grossraum. Grossmacht.* S. 44.

²³ *Daitz W. Echte und unechte Großräume // Daitz W. Der Weg...* T. 3. S. 21.

²⁴ *Höhn R. Reich. Grossraum. Grossmacht.* S. 36, 37.

²⁵ *Höhn R. Grossraumordnung und völkisches Rechtsdenken.* S. 282.

²⁶ Ibid. S. 283, 284.

²⁷ *Stuckart W. Die Neuordnung der Kontinente...* S. 4.

²⁸ См.: *Best W. Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung.* S. 34.

²⁹ См.: *Daitz W. Das neue Europa, seine Lebenseinheit und Rechtsordnung.* S. 2082; *Idem. Monroe-Doktrin der Lebensräume.* S. 32; *Idem. Die Grundlagen europäischer Marktordnung // Das Neue Europa.* Dresden, 1941. S. 19; *Idem. Die «Englische Krankheit» des Kontinents // Daitz W. Der Weg...* T. 3. S. 49; *Idem. Echte und unechte Großräume.* S. 16, 20; *Idem. Der Lebensraum und seine Gesetze // Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft.* Dresden, 1943. H. 1. S. 5.

³⁰ См.: *Höhn R. Grossraumordnung und völkisches Rechtsdenken.* S. 285, 286; *Idem. Reich. Grossraum. Grossmacht.* S. 42.

³¹ *Höhn R. Reich. Grossraum. Grossmacht.* S. 44.

³² *Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Mitteilungsblatt.* 1941. № 3/4. S. 24.

³³ *Daitz W. Echte und unechte Großräume.* S. 25.

³⁴ Ibid. S. 16.

³⁵ См.: Ibid. S. 28; *Daitz W. Autarkie als Lebens — und Wirtschaftsordnung // Daitz W. Der Weg...* T. 3. S. 113.

³⁶ *Daitz W. Echte und unechte Großräume.* S. 29.

³⁷ Ibid. S. 16, 18.

³⁸ Ibid. S. 26, 27.

³⁹ Ibid. S. 18.

⁴⁰ См.: Ibid. S. 19; *Daitz W. Monroe-Doktrin der Lebensräume.* S. 31; *Idem.*

Die Erneuerung des Reiches und die Wiedergeburt Europas aus dem Lebensgesetz der europäischen Völkerfamilie // *Daitz W. Der Weg...* T. 3. S. 77, 78. Весной — летом 1942 г. нацистские цензоры рекомендовали убрать из статей В. Дайца термины «индийско-малайское жизненное пространство» и «Северная и Южная Америка» под тем предлогом, что употребление, например, последнего термина означало бы признание «панамериканской общности, в то время как наша (германская.— В. Б.) пропаганда стремится доказать южноамериканцам жизненную необходимость их связи с Европой». Понятно, что все эти рекомендации объяснялись развитием событий на фронтах второй мировой войны. См.: Zentrales Staatsarchiv Potsdam (далее — ZStA). Filmsammlung (далее — FS). № 5009. Bl. D 693547 — D 693549. Trützscher zu Pol. Archiv 160. 18. Mai 1942; Bl. D 693553 — D 693554. Andres an das Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda. 8. Juli 1942.

⁴¹ См.: *Daitz W. Die Erneuerung des Reiches und die Wiedergeburt Europas...* S. 78; *Idem. Echte und unechte Großräume.* S. 19.

⁴² См.: *Jacobsen H.-A. Karl Haushofer. Leben und Werk.* Bd. 1. Boppard/Rhein, 1979. S. 615; *Schürmann A. Afrika als Ergänzung der europäischen Grossraumwirtschaft* // *Europäische Grossraumwirtschaft. Vorträge gehalten auf der Tagung zu Weimar vom 9.—11. Okt. 1941.* Leipzig, 1942. S. 47; ZStA Potsdam. FS. № 3565. Bl. 1504106, 1504107. Betr. Geopolitik/Heft 12. O. D. Помимо этого пользовались термином «Атлантропа», имея в виду, что и Европа и Африка омываются водами Атлантического океана. См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14163. Bl. 106. *Sörgel H. Grossraumplanung* (Deutsche Bergwerkszeitung. 5. April 1942).

⁴³ См.: *Semjonow J. Auf dem Wege zur großeurasischen Autarkie* // *Volk und Raum.* April 1940. S. 250, 259.

⁴⁴ Цит. по: *Jacobsen H.-A. Karl Haushofer...* Bd. 2. S. 517, 521, 522. Помеченные восьмью июля 1941 г. размышления Фовинкеля по поводу кризиса геополитики и путей его преодоления см.: *Ibid.* S. 511—516.

⁴⁵ *Daitz W. Der Lebensraum und seine Gesetze.* S. 19.

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ *Best W. Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung.* S. 34.

⁴⁸ См.: *Daitz W. Der Lebensraum und seine Gesetze.* S. 5.

⁴⁹ См.: *Daitz W. Monroe-Doktrin der Lebensräume.* S. 34; *Idem. Neuordnung Europas aus Rasse und Raum* // *Nationalsozialistische Monatshefte.* Nov. 1940. S. 531.

⁵⁰ См.: *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit.* München, 1942. S. 482.

⁵¹ *Daitz W. Der Lebensraum und seine Gesetze.* S. 10.

⁵² *Ibid.* S. 11, 12.

⁵³ Цит. по: *Unger A. Unterredungen mit Bismark.* Berl., o. J. S. 45. См. также: Против фашистской фальсификации истории: Сб. ст. М.; Л., 1939. С. 145.

⁵⁴ См.: *Daitz W. Der Lebensraum und seine Gesetze.* S. 8, 9, 14.

⁵⁵ См.: *Daitz W. Das europäische Sittengesetz als Strukturgesetz der europäischen Grossraumwirtschaft* // *Daitz W. Der Weg...* T. 3. S. 43.

⁵⁶ *Ibid.* S. 42, 43.

⁵⁷ См.: *Daitz W. Echte und unechte Grossräume.* S. 25.

⁵⁸ *Daitz W. Der Lebensraum und seine Gesetze.* S. 7.

⁵⁹ См.: *Daitz W. Die «Englische Krankheit» des Kontinents.* S. 51, 53, 58; *Idem. Echte und unechte Grossräume.* S. 12; *Idem. Großasien und seine Wirtschaftsordnung* // *Daitz W. Der Weg...* T. 3. S. 74.

⁶⁰ См.: *Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. 2. Tätigkeitsbericht.* Sept. 1940 — Sept. 1942. Forschungen und Erkenntnisse. O. O., 1942. S. 35.

⁶¹ См.: *Daitz W. Der Lebensraum und seine Gesetze.* S. 9.

⁶² См.: Ibid. S. 13; *Idem*. Die Erneuerung des Reiches und die Wiedergeburt Europas... S. 90.

⁶³ См.: *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze. S. 16.

⁶⁴ См.: Ibidem.

⁶⁵ Подробнее об этике национал-социализма см.: *Политова Ю. М.* Реакционная сущность националистических идей в этике германского фашизма. Дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 1969.

⁶⁶ См.: *Daitz W.* Echte und unechte Grossräume. S. 25; Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. 2. Tätigkeitsbericht... S. 33.

⁶⁷ Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. 2. Tätigkeitsbericht... S. 33.

⁶⁸ См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Auslandswissenschaftliches Institut. Bd. 830. Bl. 1. Schnadt P. Werner Daitz' Lehre: Völkerfamilie im Lebensraum. См. также: *Stuckart W.* Die Neuordnung der Kontinente... S. 5.

⁶⁹ См.: *Daitz W.* Echte und unechte Grossräume. S. 29.

⁷⁰ Ibid. S. 15, 18.

⁷¹ См.: *Best W.* Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung. S. 34, 35.

⁷² См.: *Stuckart W.* Aufgaben und Ziele einer neuen Verwaltungswissenschaft // Reich, Volksordnung, Lebensraum. Darmstadt, 1942. Bd. 2. S. 66, 70.

⁷³ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2373. Bl. 664. Bericht über das Historiker-Lager der Reichsdozentenführung (7. bis 10.42 in Augsburg).

⁷⁴ См.: *Best W.* Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung. S. 53—58.

⁷⁵ См.: *Daitz W.* Das europäische Sittengesetz... S. 44.

⁷⁶ Herrenschicht oder Führungsvolk? // Reich, Volksordnung, Lebensraum. Darmstadt, 1942. Bd. 3. S. 122—141. О В. Бесте как авторе этой статьи пишет германский историк Г. Бухгейм. См.: *Buchheim H.* Befehl und Gehorsam // *Buchheim H., Broszat M., Jacobsen H.-A., Krausnik H.* Anatomie des SS-Staates. Bd. 1. Olten und Freiburg im Breisgau, 1965. S. 342.

⁷⁷ Herrenschicht oder Führungsvolk. S. 136.

⁷⁸ Ibid. S. 139.

⁷⁹ *Stuckart W.* Staatsangehörigkeit und Reichsgestaltung // Reich, Volksordnung, Lebensraum. Bd. 5. S. 57.

⁸⁰ Ibid. S. 60.

⁸¹ Ibid. S. 68.

⁸² Подробнее об этом см.: *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. 1939—1944. Территория генерал-губернаторства. М., 1971. С. 31, 36, 37; *Григорьянц Т. Ю.* Оккупационная политика фашистской Германии в Польше. 1939—1945 гг. Попытки германизации и колонизации «присоединенных» польских земель. М., 1979. С. 109, 110; *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 81, 82, 86, 87, 92, 93 и др.; *Broszat M.* Nationalsozialistische Polenpolitik 1939—1945. Stuttgart, 1961. S. 118—176; *Majer D.* «Fremdvölkische» im Dritten Reich. Ein Beitrag zur nationalsozialistischen Rechtssetzung und Rechtspraxis in Verwaltung und Justiz unter besonderer Berücksichtigung der eingegliederten Ostgebiete und des Generalgouvernements. Boppard / Rhein, 1981. S. 217, 218, 327, 328; etc.

⁸³ О «Списке немецкого народа» см.: *Григорьянц Т. Ю.* Оккупационная политика фашистской Германии в Польше... С. 108, 109, 111—128; *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. С. 97, 98; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. Berl., 1974. S. 471; Das Grosse Lexikon des Dritten Reiches. München, 1985. S. 122; *Kamenetsky I.* Secret nazi plans for Eastern Europe. A Study of Lebensraum Policies. N. Y., 1961. P. 84—85; *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 66; ZStA Potsdam. FS. № 44163. Unpag. Vernehmung des Dr. Wilhelm Stuckart am 25. 7. 1947; etc.

⁸⁴ *Stuckart W.* Staatsangehörigkeit und Reichsgestaltung. S. 81.

⁸⁵ См.: Ibid. S. 84—90; The National Archiv of the United States. A microfilm Publication. Microcopy T—120. Roll 1306. Fr. 489071—489089. Zur Rechtslage der Schutzangehörigen. Berl., April 1941; etc.

⁸⁶ См.: *Stuckart W.* Staatsangehörigkeit und Reichsgestaltung. S. 91.

⁸⁷ См.: *Daitz W.* Sozialpolitische Fragen der Gegenwart. Berl., 1939.

⁸⁸ В первом отчете о деятельности Общества европейского экономического планирования и великопространственной экономики со ссылкой на английскую «Daily Express» от 24 ноября 1939 г. сообщалось о том, что в начале войны Гитлер поручил Дайцу заняться работами по осуществлению континентальной блокады Великобритании. См.: Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Gründung und Aufbau. 1. Tätigkeitsbericht. Dresden. Sept. 1940. S. 10—11.

⁸⁹ См.: Ibid. S. 22, 24; Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. 2. Tätigkeitsbericht... S. 63—65; Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Jahrbuch 1941. Dresden, 1941. S. 9, 10; Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Beiträge. Dresden, 1942. S. 9, 10; Europastrategien des deutschen Kapitals 1900—1945. Köln, 1977. S. 930—933.

⁹⁰ Так называемые боксгеймские документы представляли собой проекты приказов в момент захвата власти национал-социалистической партией. Из них следовало, что сразу же после взятия власти нацисты намеревались ввести военно-полевые суды и казнить каждого, кто не будет безоговорочно выполнять их приказы. Подробнее см.: *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию... С. 219—223.

⁹¹ О В. Бесте см.: *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker. Dokumente. Berl., 1959. S. 479; *Jäckel E.* Frankreich in Hitlers Europa. Die deutsche Frankreichspolitik im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1966. S. 64; Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (далее — IMT). V. 38. P. 103; Das Deutsche Führerlexikon 1934/1935. Berl., 1934. S. 54; The International Who's Who 1945—1946. L., o. D. P. 73; *Merker P.* Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. 2. Mexiko, o. D. S. 516; *Wistrich R.* Who's who in nazi Germany. L., 1982. P. 16, 17; *Rich N.* Hitler's war aims. V. 2. L., 1974. P. 436; *Stockhorst E.* Fünftausend Köpfe. Wer war was im Dritten Reich. Velbert, 1967. S. 56; CC в действии. Документы о преступлениях CC. М., 1968. С. 619; Правда. 1982. 8 марта, 20 июня; За рубежом. 1982. № 2. С. 19.

⁹² Сведения о Р. Фрайслере можно почерпнуть из следующей литературы: Das Deutsche Führerlexikon 1934/1935. S. 130, 131; Der Grossdeutsche Reichstag. IV. Wahlperiode. Berl., 1943. S. 209; Taschenbuch für Verwaltungsbeamte 1943. Berl., 1943. S. 33; *Merker P.* Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. 2. S. 525; *Stockhorst E.* Fünftausend Köpfe... S. 142, 143; *Wistrich R.* Who's who in nazi Germany. P. 81.

⁹³ См.: Wer leitet? Die Männer der Wirtschaft und der einschlägigen Verwaltung einschließlich Adreßbuch der Direktoren und Aufsichtsräte. Berl., 1942. S. 25; Das Deutsche Führerlexikon 1934/1935. S. 38; IMT. V. 39. P. 408—412, 446—448; *Merker P.* Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. 2. S. 514; *Stockhorst E.* Fünftausend Köpfe... S. 39; *Wistrich R.* Who's who in nazi Germany. P. 10.

⁹⁴ О В. Шуккарте см.: CC в действии... С. 619; Das Deutsche Führerlexikon 1934/1935. S. 483; Taschenbuch für Verwaltungsbeamte 1943. S. 13, 14; Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law. № 10. Wash., 1950. V. 12. P. 16, 22, 24, 31, 32, 33; V. 13. P. 2201; V. 14. P. 632, 638, 639, 715; Survey of International Affairs 1939—1946. Hitlers Europe. L., 1954. P. 108; IMT. V. 32. P. 13, 14, 68; *Stockhorst E.* Fünftausend Köpfe... S. 417; The International Who's who 1945—1946. P. 847; *Wistrich R.* Who's who in nazi Germany. P. 310; *Merker P.* Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. 2. S. 556; *Jäckel E.* Frankreich in Hitlers Europa... S. 46, 47, 79, 80, 231; *Rich N.* Hitler's war aims. V. 2. P. 444; *Буханов В. А.* «Имперская крепость Белград».

Германские планы колонизации Юго-Восточной Европы (1939—1941) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 24, 25.

⁹⁵ Краткие сведения об адмирале О. Гроосе см.: *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht*. Bd. 1. Frankfurt/Main, 1965. S. 232, 234, 241, 287, 288; *Thomas G. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918—1943/45)*. Boppard/Rhein, 1966. S. 379; *Das Deutsche Führerlexikon 1934/1935*. S. 157. См. также: *Белли В. А., Боголепов В. П., Еремеев Л. М. и др. Блокада и контрблокада. Борьба на океано-морских сообщениях во второй мировой войне*. М., 1967. С. 627, 628.

⁹⁶ См. о Г. Хунке: *Bericht über die Ermittlungen in bezug auf die Deutsche Bank*. Frankfurt/Main, 1971. S. 48—50; *Wer leitet*. S. 425; *Das Deutsche Führerlexikon 1934/1935*. S. 207; *Der Grossdeutsche Reichstag*. IV. Wahlperiode. S. 252; *Stockhorst E. Fünftausend Köpfe...* S. 212; *Merker P. Deutschland. Sein oder nicht sein?* Bd. 2. S. 532; *Herbst L. Der totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft. Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939—1945*. Stuttgart, 1982. S. 96, 248; etc.

⁹⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 1201. Bl. 1208. Rosenberg an Ley. 28. Mai 1940.

⁹⁸ См.: *Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Gründung und Aufbau*. Вклейка между с. 10 и 11 (Daily Express. 24. Nov. 1939).

⁹⁹ См.: Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза. Оп. 25, ед. хр. 20, д. 9, л. 117. Серое досье. Германия. Иностранные источники. О новом устройстве Европы. 1-я книга.

¹⁰⁰ *Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Gründung und Aufbau...* S. 9. В другом месте того же отчетного доклада о целях Общества говорится так: «Уже во время войны исследовать научные основы для тесного континентального сотрудничества народных хозяйств стран Европы, экономически умиротворить континент и помочь установлению нового эффективного экономического порядка вместо прежнего, разрушенного английской блокадой». См.: *Ibid.* S. 11. В 1941 г. появилось следующее дополнение: «Способствовать возникновению Европы, вечного центрального жизненного пространства народов белой расы, как естественного единства, находящегося в соответствии с законами жизни и пространства». См.: *Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Jahrbuch 1941*. S. 9. См. также: *Grosser H. Europas entscheidende Stunde. Gründung der Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V.* // *Rundschau Deutscher Technik*. 19. Okt. 1939. S. 1; ZStA Potsdam. FS. № 5880. Bl. 339403—339404. *Das Ausland zur Gründung der Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft*.

¹⁰¹ См.: *Daitz W. Die europäische Grossraumwirtschaft* // *Daitz W. Der Weg...* T. 3. S. 59—64; ZStA Potsdam. FS. № 5880. Bl. 339401—339402. *Daitz W. Grundgedanke der Grossraumwirtschaft*. O. D.; ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 446. Bl. 2, 3. *Europas neue Wirtschaftsordnung*. 4. Dez. 1939; *Daitz W. Wirtschaftliche Zusammenarbeit Europas. Grundgedanken europäischer Grossraumwirtschaft* // *Diplomatisches Bulletin*. 16. Dez. 1940; *Idem. Grundgedanken europäischer Grossraumwirtschaft* // *Soziale und wirtschaftliche Mitteilungen*. Febr. 1940. Unpag.

¹⁰² См.: ZStA Potsdam. FS. № 5880. Bl. 339401. *Daitz W. Grundgedanke der Grossraumwirtschaft*. O. D.

¹⁰³ См.: *Чихон Э. Банкир и власть*. М., 1977. С. 243—245, 248, 249.

¹⁰⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 1201. Bl. 1028. Rosenberg an Ley. 28. Mai 1940.

¹⁰⁵ *Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von Jahrhundertwende bis Mai 1945*. Berl., 1975. S. 258; *Europastrategien des deutschen Kapitals 1900—1945*. Köln, 1977. S. 669.

¹⁰⁶ ZStA Potsdam. Akten. Osteuropa-Institut, Breslau. Bd. 68. Bl. 22. Predöhl A. Das Institut für Weltwirtschaft an der Universität Kiel. O. D.

¹⁰⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 8320. Bl. 1288612. OKW. Wehrwirtschafts- und Rüstungsamt, III an WW III—VII. 5. Sept. 1939.

¹⁰⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 101. Daitz an Rosenberg. 3. Nov. 1939.

¹⁰⁹ Так, авторами изданного Обществом европейского экономического планирования ежегодника за 1942 г. значились проф. К. Рат, проф. А. Шюрман и проф. В. Вейгман (все из Геттингенского университета), проф. Б. Куске (Кельнский университет), проф. Э. Хам (Берлинский университет), проф. Т. Майер (университет Марбурга), проф. Ф. Рериг (Берлинский университет), проф. Р. Хён (директор Института исследований государства при Берлинском университете), проф. Б. Шульц (Высшая техническая школа, Дрезден), проф. Г. Бехтель (Высшая техническая школа, Мюнхен), доктор В. Грэвель (директор государственного статистического управления) и др. См.: Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Beiträge... S. 6—8. Германская пресса широко пропагандировала материалы ежегодников и другие публикации общества. См., например: ZStA Potsdam. FS. № 10649. Bl. 1382121. Dienst aus Deutschland. № 242. 15. Okt. 1942; ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14163. Bl. 32. Wirtschaftspolitischer Dienst. № 253. 31. Okt. 1942; Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft.

¹¹⁰ Weltherrschaft im Visier... S. 259; Europastrategien des deutschen Kapitals... S. 669.

¹¹¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 3973. Bl. 405699. Ergebnis der Besprechung über den Arbeitsplan des Wirtschaftswissenschaftlichen Planungsausschusses der Südosteuropa-Gesellschaft bei Min. Rat Reinhardt am 24. 1. 1942.

¹¹² Так гитлеровцы называли Австрию после аншлюса 1938 г.

¹¹³ ZStA Potsdam. FS. № 2308. Bl. 558388, 558389. Daitz an Bürckel. 21. März 1940.

¹¹⁴ См.: Ibid. Bl. 558387. Bürckel an Daitz. 11. Apr. 1940; Bl. 558386. Heinrichsbauer an Daitz. 20. Mai 1940.

¹¹⁵ Völkischer Beobachter. Berl., 30. Juni 1940.

¹¹⁶ См.: Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Gründung und Aufbau... S. 20.

¹¹⁷ См.: Archivio Centrale dello Stato. Ministero della Cultura Popolare. Busta 87. Fascicolo 1. Germania. Dr. Bernabei. Informazione. O. D.

¹¹⁸ См.: Ibid. Istituto nazionale per le Relazioni Culturali con l'estero. Il direttore — Pavolini. 20 agosto 1940.

¹¹⁹ Weltherrschaft im Visier... S. 259; Europastrategien des deutschen Kapitals... S. 669, 670.

¹²⁰ Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во второй мировой войне. М., 1975. С. 55.

¹²¹ 31 июля 1940 г. Гитлер заявил, что Англия потеряет последнюю надежду, если будет разгромлен СССР. Поэтому весной 1941 г. «Россия должна быть ликвидирована». См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Т. 2. М., 1969. С. 80, 81.

¹²² Betriebsarchiv des VEB Carl Zeiss Jena Bd. W 54. Unpag. Niederschrift über den Vortrag Herrn Dr. Schlotterer in der Reichsgruppe Industrie am 19. 6. 40.

¹²³ Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945. Bd. 1. Berl., 1971. S. 373.

¹²⁴ См.: Daitz W. Politische Wirtschaft // Arbeit und Wirtschaft. 1940. April. S. 37—38.

¹²⁵ Ibid. S. 38.

¹²⁶ ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 5953. Bl. 63 R. Europa als Wirtschaftsgemeinschaft. Prof. Dr. Hunke sprach in Litzmannschaft (Ostdeut-

scher Beobachter. Posen. 2. Aug. 1940). См. также: *Hunke H.* Grundzüge der deutschen Volks- und Wehrwirtschaft. Berl., 1940. S. 22.

¹²⁷ См.: *Daitz W.* Europäische Grossraumwirtschaft und amerikanischer Großraum // Arbeit und Wirtschaft. 1940. Nov. S. 1; *Idem.* England und Kontinent // Arbeit und Wirtschaft. 1940. Juli — Aug. S. 14.

¹²⁸ См.: *Best W.* Völkische Grossraumordnung // Deutsches Recht. Ausgabe A. 22. Juni 1940. S. 1006, 1007; *Daitz W.* Grundgedanken europäischer Grossraumwirtschaft; *Idem.* Die italienische Autarkie in der europäischen Grossraumwirtschaft // Arbeit und Wirtschaft. 1940. Juni. S. 9—10; *Idem.* England und der Kontinent; *Idem.* Europäische Grossraumwirtschaft und amerikanischer Großraum; *Idem.* Neuordnung Europas aus Rasse und Raum; *Idem.* Der ostasiatische Lebensraum als Wirtschaftseinheit // Arbeit und Wirtschaft. 1940. Dez. S. 19—22; *Idem.* Monroe-Doktrin der Lebensräume; *Idem.* Autarkie als Lebens- und Wirtschaftsordnung // *Daitz W.* Der Weg... T. 3. S. 112—123; *Idem.* Das neue Europa, seine Lebensinheit und Rechtsordnung; etc.

¹²⁹ См.: Wirtschaftsraum ersetzt nicht Lebensraum // Die wirtschaftspolitische Parole. 1940. 5. Aug. S. 472, 473; Der deutsche Lebensraum. Stoffsammlung für die weltanschauliche Erziehung der Waffen — SS. O.O. O.D.; Großdeutsch denken! // Aufklärungs- und Redner-Informationsmaterial der Reichspropagandaleitung der NSDAP und des Reichspropagandaamtes der Deutschen Arbeitsfront. 1940. Lieferung 9 (Sept. 1940). Staatspolitik. Bl. 1—5.

¹³⁰ См.: Die Vergangenheit warnt. Dokumente über die Germanisierungs- und Austilgungspolitik der Naziokkupanten in der Tschechoslowakei. Prag, 1962, S. 65; *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма... Т. I. С. 58—60; и др.

¹³¹ См. об этом: *Чемпалов И. Н.* Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Июнь — сентябрь 1940 // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. 1933—1943. Свердловск, 1979. С. 90—147.

¹³² См.: *Petzold J.* Monopole — Mittelstand — NSDAP. Zu ideologischen Auseinandersetzungen zwischen den Interessenvertretern des Mittelstandes und Monopolkapitals in der faschistischen Partei 1932 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1980. H. 9. S. 870.

¹³³ Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М., 1971. С. 241.

¹³⁴ ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 6612. Bl. 622. Eicke. Der Außenhandel der Zukunft. 18. Juni 1940.

¹³⁵ Анатомия агрессии... С. 93.

¹³⁶ См.: *Funk W.* Wirtschaftliche Neuordnung Europas! Sonderdruck aus dem «Südost-Echo». 26. Juli 1940. O.O., O.D. Любопытно, что в самом «Südost-Echo» (откуда взят отдельный оттиск!) эти фразы вообще отсутствуют. Интервью В. Функа начинается здесь со следующих слов: «Национал-социалистическая экономическая политика никогда не позволяла себе руководствоваться в своих методах грубой догматикой. Мы всегда использовали тот метод, который казался нам самым целесообразным в конкретной ситуации. Мы и в будущем не хотим создавать искусственные конструкции». См.: *Funk W.* Europas neue Wirtschaftsordnung. Ein Gespräch des Reichswirtschaftsminister mit dem Hauptchriftleiter des «Südost-Echo» // Südost-Echo. 26. Juli 1940.

¹³⁷ См.: Betriebsarchiv des VEB Carl Zeiss Jena. Bd. W 54. Unpag. Reichsgruppe Industrie. Die Geschäftsführung an die Wirtschaftsgruppen. 15. Jan. 1942.

¹³⁸ Documents on German Foreign Policy (далее — DGFP). Ser. D. V. 10. L., 1957. P. 454; ZStA Potsdam. Akten. Auswärtiges Amt. Bd. 68939. Bl. 136. Sitzung eines Handelspolitischen Ausschusses am 9. Aug. 1940.

¹³⁹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 5008. Bl. D 692568. Andres. Zu Pol. Archiv 641. 15. Apr. 1941; Bl. D 692569. Hohenthal. Zu Pol. Archiv 641. 21. Apr. 1941. В январе 1941 г. позиция министерства иностранных дел по этому вопросу претерпела изменения. Теперь пропагандистская деятельность Общества европейского экономического планирования не возбранялась, но все материалы,

подготовленные его сотрудниками, должны были проходить предварительную цензуру в соответствующем отделе МИД. Высокопоставленные чиновники министерства надеялись таким образом установить надзор за деятельностью общества. См.: Ibid. Bl. D 692570 — D 692572. Grünbeck an Hohenthal. 7. Mai 1941.

¹⁴⁰ ZStA Potsdam. FS. № 2308. Bl. 558384, 558385. Bormann an Daitz. 18. Nov. 1940; Akten der Partei-Kanzlei der NSDAP. Rekonstruktion eines verlorengegangenen Bestandes. T. 1. Bd. 2. München, 1983. S. 641; *Herzstein R. E.* When Nazi Dreams come True. The Third Reich's Internal Struggle over the Future of Europe after a German Victory. A Look at the Nazi Mentality, 1939—1945. L., 1982. P. 118, 119.

¹⁴¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 85. Bormann an Daitz. 29. Okt. 1941; Bl. 83, 84. Daitz an Bormann. 11. Nov. 1941; Bl. 81, 82. Daitz an Rosenberg. 20. Nov. 1941; Akten der Partei-Kanzlei... T. 1. Bd. 2. S. 641, 754, 841, 865.

¹⁴² См.: Betriebsarchiv des VEB Carl Zeiss Jena. Bd. W 54. Unpag. Reichsgruppe Industrie. Die Geschäftsführung an die Wirtschaftsgruppen. 15. Jan. 1942. См. также: *Чихон Э.* Банкир и власть. С. 249.

¹⁴³ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1354. Daitz an Rosenberg. 1. Aug. 1944.

¹⁴⁴ См.: Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Gründung und Aufbau... S. 13—15; ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 762. Vowi Abt. Betr.: Beitrag für ein wissenschaftliches Institut. Aug. 1940; Bl. 764. Lange an Daitz. Aug. 1940.

¹⁴⁵ ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 765. Zentralforschungsinstitut für nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft gegründet («Reichsanzeiger». 22. März 1941); Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. 2. Tätigkeitsbericht... S. 15.

¹⁴⁶ См.: Wirtschaft in der Lebensraum-Wissenschaft. Die Gründungsfeier des Zentralforschungsinstituts für nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft // Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Mitteilungsblatt. 1941. № 3/4. S. 23, 24.

¹⁴⁷ Ibid. S. 28.

¹⁴⁸ См.: Ibid. S. 28, 29.

¹⁴⁹ См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14163. Bl. 81. Ein Institut für Grossraumwirtschaft an der Uni Heidelberg («Der praktische Betriebswirtschaft». Juli 1942).

¹⁵⁰ См., например: Institut für Grossraumwirtschaft an der Universität Heidelberg. Arbeitsbericht für das Jahr 1942/43. Heidelberg, 1943.

¹⁵¹ Das politische Tagebuch Alfred Rosenberg aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Göttingen, 1956. S. 75. Не случайно на совещании 28 августа 1939 г. в рейхсканцелярии Гитлер вынужден был сказать: «Пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола». См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник... Т. 1. С. 74. Приведенная нами дневниковая запись Розенберга воспроизводится в недавно изданной монографии германского историка Э. Нолте. См.: *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1987. S. 313.

¹⁵² Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 73.

¹⁵³ Ibid. S. 84.

¹⁵⁴ См.: Ibid. S. 197—211.

¹⁵⁵ См.: *Pätzold K., Weißbecker M.* Hakenkreuz und Totenkopf. Die Partei des Verbrechens. Berl., 1982. S. 316; *Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart, 1970. S. 128, 129.

¹⁵⁶ См.: Konzept für die «Neuordnung» der Welt. Die Kriegsziele des faschistischen deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg. Berl., 1977. S. 39; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 214; *Bergbahn V. R.* NSDAP und

«geistige Führung» der Wehrmacht 1939—1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1969. H. 1. S. 20.

¹⁵⁷ См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 87, 79, 83, 86. Из других источников явствует, что в 1939—1940 гг. Розенберг предлагал образовать высший партийный орган — «Идеологическое управление НСДАП», который поглотил бы другие подразделения партии, в том числе внешнеполитическое бюро. См.: Akten der Partei-Kanzlei... T. 1. Bd. 2. S. 518.

¹⁵⁸ См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 166, 167.

¹⁵⁹ См.: Ibid. S. 100, 103. Еще одной причиной принятого Гитлером решения было острое межведомственное соперничество в нацистском рейхе. См.: Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente. T. 1. Bd. 4. München — N. Y. — L. — Paris, 1987. S. 39, 43. Среди нацистских руководителей не было единства даже в понимании термина «мировоззрение». См.: Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950. Frankfurt/Main, 1974. S. 198.

¹⁶⁰ См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 100, 101; Нюрнбергский процесс: В 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 456. Коллекция документов о «Высшей школе НСДАП» помещена в кн.: Poliakov L., Wulf J. Das Dritte Reich und seine Denker. Dokumente. Berl., 1959. S. 127—164.

¹⁶¹ См.: Poliakov L., Wulf J. Das Dritte Reich und seine Denker... S. 132—139.

¹⁶² См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 762. Vowi Abt. Betr.: Beitrag für ein wissenschaftliches Institut. Aug. 1940.

¹⁶³ Poliakov L., Wulf J. Das Dritte Reich und seine Denker... S. 133.

¹⁶⁴ См.: Ibid. S. 134.

¹⁶⁵ См.: Baumgärtner R. Weltanschauungskampf im Dritten Reich. Die Auseinandersetzungen der Kirche mit Alfred Rosenberg. Mainz, 1977. S. 33; Bollmus R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner... S. 148, 149. Г. Эберт был назначен первым начальником оперативного штаба. 1 апреля 1941 г. на этом посту его сменил Г. Утикаль.

¹⁶⁶ См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 266. Der Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg am Jahresschluß 1944. Ansprache des Stabsführers Pg. Utikal zur Dienstbesprechung am 16. 12. 44 in Ratibor.

¹⁶⁷ Ibid. Bl. 264.

¹⁶⁸ См.: Poliakov L., Wulf J. Das Dritte Reich und seine Denker... S. 157. По другим данным, рейхскомиссар Нидерландов А. Зейс-Инкварт не допустил передачи архива этого института в руки оперативного штаба Розенберга. См.: Inventar von Quellen zur deutschen Geschichte in Pariser Archiven und Bibliotheken. Koblenz, 1986. S. XXXVIII. К апрелю 1941 г. оперативный штаб Розенберга переправил из Западной Европы в Германию 7000 ящиков с «научным и архивным материалом мировоззренческих противников» национал-социализма. См.: Akten der Partei-Kanzlei... T. 1. Bd. 2. S. 689.

¹⁶⁹ Poliakov L., Wulf J. Das Dritte Reich und seine Denker... S. 155, 156. По этому вопросу см. также: Akten der Partei-Kanzlei... T. 1. Bd. 2. S. 689; Inventar von Quellen zur deutschen Geschichte... S. XXXVII.

¹⁷⁰ См.: Rosenberg A. Unser Kampf gegen Versailles. Rede des Reichsleiters A. Rosenberg in Danzig am 14. April 1940 aus Anlaß der Eröffnung der Ausstellung «Los von Versailles». Danzig, 1940. См. также: Idem. Die Überwindung des Versailles Diktates // Rosenberg A. Tradition und Gegenwart. Reden und Aufsätze 1936—1940. Blut und Ehre. Bd. 4. München, 1941. S. 379—401; Idem. Die Revolution Europas // Völkischer Beobachter. Berl., 1940. 12/13. Mai (На эту статью обратили внимание представители предпринимательских кругов германского рейха. См.: ZStA Potsdam. FS. № 14756. Unpag. Reichert an E. Poensgen, H. Poensgen, P. Maulick, O. Petersen, W. Steinberg, W. Zangen, K. Guth. 15. Mai 1940); Idem. Nordische Schicksalsgemeinschaft // Mitteilungen der Nordischen Gesellschaft. Hamburg-Kontor. Hamburg, 1940. F. 1. S. 1—8; Idem. Nordische Schicksalsgemeinschaft // Rosenberg A. Tradition und Gegenwart... S. 422—432; Völkischer Beobachter. Berl., 1940. 10. Juli.

¹⁷¹ См.: *Rosenberg A. Nordische Schicksalsgemeinschaft // Mitteilungen der Nordischen Gesellschaft...* 1940. F. 1. S. 4; *Die Aktion*. Dez. 1940. S. 102.

¹⁷² См.: *Rosenberg A. Nordische Schicksalsgemeinschaft*. S. 5, 7. См. также: *Idem. Unser Kampf gegen Versailles...* S. 15, 17.

¹⁷³ *Rosenberg A. Nordische Schicksalsgemeinschaft*. S. 6; *Die Aktion*. Dez. 1940. S. 101.

¹⁷⁴ *Rosenberg A. Die Revolution Europas*.

¹⁷⁵ См.: *Rosenberg A. Nordische Schicksalsgemeinschaft*. S. 5. Эту же мысль он повторил 25 мая 1940 г. в докладе «Культура и война», прочитанном в Праге. См.: *Völkischer Beobachter*. Berl., 1940. 27. Mai.

¹⁷⁶ ZStA Potsdam. FS. № 3851. Bl. 20795. Hartlieb W. Tagung der Gauschulungsleiter. 3.—5. Juni 1940.

¹⁷⁷ См.: *Lutzhöft H.-J. Der Nordische Gedanke in Deutschland. 1920—1940*. Stuttgart, 1971. S. 373.

¹⁷⁸ Об этом см.: *Белоусова З. С. «Пакт четырех» 1933 года // Новая и новейшая история*. 1972. № 2. С. 136—153.

¹⁷⁹ Подробнее о Нордическом обществе см.: *Буханов В. А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933—1939*. Свердловск, 1991. С. 81—85.

¹⁸⁰ См.: *Rosenberg A. Europa, der Norden und Deutschland // Rosenberg A. Gestaltung der Idee. Blut und Ehre*. München, 1936. Bd. 2. S. 96, 98.

¹⁸¹ О политике «сознательного европеизма» см.: *Буханов В. А. Европейская стратегия германского фашизма...* С. 92, 93, 116.

¹⁸² См.: ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Aktenvermerk für Reichsleiter Rosenberg. 16. Juni 1939; Unpag. Die politische Vorbereitung der Norwegen-Aktion. 15. Juni 1940; *Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik. 1933—1939*. Helsinki, 1984. S. 342.

¹⁸³ См.: *Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма...* Т. 1. С. 399. См. также: *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs...* S. 91—95. В дневнике Гальдера имеется следующая запись, помеченная 1 января 1940 г.: «Скандинавия... Швеция и Норвегия строго нейтральны. Генерал (sic!) Квислинг. Норвегия (идея Розенберга) не имеет никакой поддержки. Мы заинтересованы в том, чтобы Норвегия оставалась нейтральной. Если Англия будет угрожать нейтралитету Норвегии, тогда наша позиция изменится». (*Гальдер Ф. Военный дневник...* Т. 1. С. 213.)

¹⁸⁴ *Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма...* Т. 1. С. 429, 430; *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs...* S. 108.

¹⁸⁵ Там же. С. 429; *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs...* S. 108.

¹⁸⁶ См.: DGFP. Ser. D. V. 9. P. 389—391; V. 10. P. 93—95, 138—141, 491—495, 581.

¹⁸⁷ Ibid. V. 10. P. 272.

¹⁸⁸ См.: Ibid. P. 273—274.

¹⁸⁹ См.: *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs...* S. 68.

¹⁹⁰ Нюрнбергский процесс: В 8 т. Т. 2. С. 474.

¹⁹¹ См. запись в дневнике Розенберга от 14 декабря 1939 г.: «Все эти годы мое бюро проводило всю эту работу на Юго-Востоке, в основном испытывая сопротивление министерства иностранных дел». *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs...* S. 93.)

¹⁹² Ibid.

¹⁹³ Ibid. S. 79.

¹⁹⁴ Ibid. S. 84.

¹⁹⁵ Ibid. S. 79, 80.

¹⁹⁶ См.: ZStA Potsdam. FS. № 430. Bl. 75. Rosenberg A. Kurzer Tätigkeitsbericht des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP von 1933—1943. Anhang 2. Rumänien.

¹⁹⁷ См.: *Lukač D. Treći Rah i zemlje Jugoistočne Evrope*. D. 2. Beograd, 1984. S. 511, 512; *Bertin F. L'Europe de Hitler*. T. 2. Paris, 1977. P. 52; *Odic S.*

Komarica S. Yugoslavia in the German Plans of Conquest (with Special Reference to Bosnia and Herzegovina) // The Third Reich and Yugoslavia. 1933—1945. Belgrade, 1977. P. 452, 453; Де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958. С. 348, 349.

¹⁹⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Schickedanz A. Die osteuropäischen Fragen! 14. Juni 1939; Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 141—147; Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals... V. 12. P. 1009—1015.

¹⁹⁹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Schickedanz an Lammers. 13. Sept. 1939.

²⁰⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 620. Unpag. Leibbrandt G. Aktennotiz. Sept. 1939; Leibbrandt G. Aktennotiz. Besprechung mit dem Abgeordneten Preziosi. Sept. 1939.

²⁰¹ См.: Taubert E. Der antisowjetische Apparat der deutschen Propagandaministeriums // *Krämer W. Vom Stab Heß zu Dr. Goebbels. Vlotho/Weser, 1979. S. 407.*

²⁰² См.: Die Aktion. Sept.—Okt. 1939. S. 5, 8.

²⁰³ См.: ZStA Potsdam. FS. № 620. Unpag. Aktennotiz. 20. Febr. 1940.

²⁰⁴ ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Leibbrandt an Rosenberg. 20. Nov. 1939.

²⁰⁵ Ibid. Unpag. Leibbrandt G. Aktennotiz. 30. Jan. 1940.

²⁰⁶ Ibid. Unpag. Leibbrandt G. Information über Ostpolitik. 3. Mai 1940.

²⁰⁷ См.: Ibid. Unpag. Aktennotiz für Reichsleiter Rosenberg. O. D.; Государственный архив Житомирской области (далее — ГАЖО). Ф. Р—1151 с. Оп. 1, д. 18, л. 53. Leibbrandt an General Schubert. 29. Mai 1941; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 3 т. Т. 1. М., 1965. С. 201, 202, 207.

²⁰⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Rosenberg an Göring. 5. Okt. 1940; Rosenberg an Ribbentrop. 23. Okt. 1940; Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 153.

²⁰⁹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Aktennotiz für Reichsleiter Rosenberg. O. D.; *Leibbrandt G. Mögliche Zusammenarbeit zwischen Amt Osten und dem OKW. WPr. Vorschläge. 7. Febr. 1940.*

²¹⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 292. *Leibbrandt G. Besprechung mit Generalgouverneur Reichsleiter Frank — Hohe Schule. 29. Juni 1940.*

²¹¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Aktennotiz für Reichsleiter Rosenberg. O. D.

²¹² Цит. по: *Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма... Т. 2. С. 93.*

²¹³ См.: Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. 1941—1944 гг. М., 1985. С. 40—45; Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы. М., 1987. С. 81, 82; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 3 т. Т. 2. С. 163—167. Подобные идеи Розенберг высказал в инструкции для рейхскомиссара Остланда. См.: ZStA Potsdam. Akten. Reichsministerium für die besetzte Ostgebiete. Bd. 49. Bl. 50 a. Rosenberg an Lohse. 21. Juli 1941; «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. Paterborn, 1984. S. 332.

²¹⁴ Цит. по: Преступные цели — преступные средства... С. 45, 41; Преступные цели гитлеровской Германии... С. 81, 107; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 2. С. 164, 166, 167.

²¹⁵ См.: Преступные цели — преступные средства... С. 40.

²¹⁶ Например, 8 ноября 1941 г. Гитлер заявил: «Наша великая цель: чтобы мы в этой борьбе устранили, наконец, опасность Востока для Европы и благодаря этому больше не позволили мобилизовать против Европы беспредельную

плодовитость и необъятные богатства Востока, а поставили все это на службу Европе». См.: Berliner Monatshefte. Dez. 1941. S. 743.

²¹⁷ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 3 т. Т. 1. С. 206; Преступные цели — преступные средства... С. 44.

²¹⁸ Цит. по: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма... Т. 2. С. 24.

²¹⁹ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 3 т. Т. 1. С. 211.

²²⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 1148. Anweisung für die Behandlung der Reichsthemen 1942/43. 2. Juli 1942.

²²¹ См.: *Daitz W.* Osteuropa — Lebensstil und Agrarverfassung // *Daitz W.* Der Weg... Т. 3. С. 97—110. Эта статья упоминается в фундаментальном исследовании американского историка А. Даллина. См.: *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland 1941—1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Königstein/Ts., 1981. S. 80.

²²² См.: *Daitz W.* Osteuropa... S. 101, 104, 108, 109.

²²³ Текст «нового арпарного порядка» см.: Deutsche Besatzungspolitik in UdSSR, 1941—1944. Dokumente. Köln, 1980. S. 221—224; Misstrauische Nachbarn Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970. S. 168—172.

²²⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 5009. Bl. D. 693552. Grünbeck an Trutzschner. 26. Juni 1942.

²²⁵ См.: *Daitz W.* Das Reich als europäische Ordnungsgedanke // Berliner Monatshefte. Okt. 1941. S. 637—646; ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14160. Bl. 36. Verlag für Pressekorrespondenzen: Der Grossraum der Zukunft. Werner Daitz über den europäischen Ordnungsgedanken. 19. Juli 1941. Впервые статья была опубликована в майском номере журнала Института организации европейской экономики. См.: Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Mitteilungsblatt. 1941. № 5/6.

²²⁶ *Daitz W.* «Englische Krankheit» des Kontinents. S. 52.

²²⁷ *Rosenberg A.* Deutschlands Kampf um Europa // Beiträge zur Frage der Neuordnung Europas. Sonderdruck aus «Arbeit und Wirtschaft». 1942. S. 8, 11.

²²⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 1141—1144. Gedankenführung. O. D.

²²⁹ Ibid.

²³⁰ Ibid. Bl. 1150—1154. Eine Ansprache von Stabsleiter Dr. Stellrecht auf der letzten Arbeitstagung des Amtes Parteiamtliche Lehrmittel. O. D. Тем не менее еще в начале 1942 г. по распоряжению Розенберга все сотрудники гражданской администрации в оккупированных восточных областях обязаны были прочитать книгу некоего Альсдорфа «Индия», чтобы «поближе познакомиться с опытом и проблемами, возникающими при управлении другими народами». См.: ГАЖО. Ф. Р—1151 с. Оп. 1, д. 21, л. 52. Klemm an die Gebietskommissaren. 27. Febr. 1942. Книга Альсдорфа вышла в серии «Weltpolitische Bücherei», которую издавал Г. Лейббрандт.

²³¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 1158—1159. Eine Ansprache von Stabsleiter Dr. Stellrecht.

²³² См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 267. Der Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg am Jahresschluß 1944. Ansprache des Stabsführers Pg. Utikal zur Deinstbesprechung am 16. 12. 44 in Ratibor.

²³³ Текст указа Гитлера см.: Преступные цели — преступные средства... С. 263, 264. См. также инструкцию Геринга от 1 мая 1941 г. в кн.: Нюрнбергский процесс: В 8 т. М., 1990. Т. 4. С. 481, 482.

²³⁴ См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 159. Bl. 11. Auslandsdienst. Bericht № 1858/41. Italien. 19. Nov. 1941.

²³⁵ Ibid.

²³⁶ См.: *Labs W.* Die Verwaltung der besetzten Ostgebiete // Reich, Volksordnung, Lebensraum. Bd. 5. S. 139.

²³⁷ См.: Ibid. S. 164, 165. Этот партийный орган был упразднен только 1 сентября 1944 г. См.: Akten der Partei-Kanzlei... Т. 1. Bd. 2. S. 1049, 1051.

²³⁸ См.: *Labs W.* Die Verwaltung der besetzten Ostgebiete. S. 165.

²³⁹ См.: *Rheinbaben W.* Frankreich in einem Neuen Europa // *Berliner Monatshefte*. Mai 1941. S. 307, 316.

²⁴⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 176. Rosenberg A. Eine Aufzeichnung. 12. Nov. 1941.

²⁴¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13438. Bl. 1719393. Aktenvermerk über Besprechung im Reichswirtschaftsministerium über Ostfragen am 21. Nov. 1941; Expansionsrichtung Nordeuropa. Dokumente zur Nordeuropapolitik des faschistischen deutschen Imperialismus 1939 bis 1945. Berl., 1987. S. 120—122. За особые заслуги в деле «подключения иностранцев к освоению оккупированных восточных областей» Розенберг ходатайствовал о вручении Маллетке почетного золотого значка НСДАП. См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 439. Rosenberg an Bormann. 15. Jan. 1943.

²⁴² ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 744. Vermerk über die Beteiligung des Auslandes an der wirtschaftlichen Erschließung des Ostraumes. O.D.

²⁴³ Ibid. Bl. 741. Göring an Rosenberg. 3. Jan. 1942.

²⁴⁴ См.: Преступные цели — преступные средства... С. 45; Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза... С. 82.

²⁴⁵ Преступные цели — преступные средства... С. 41. В инструкции для всех рейхскомиссаров на оккупированных восточных территориях Розенберг писал: «При проведении этой огромной работы на Востоке речь идет в основном об основании крупной государственной формации, включающей в целом около 70 миллионов человек, и водворении другой государственной формации (России) в свое старое жизненное пространство». См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 1. С. 210. Во время битвы под Москвой, когда, казалось, третий рейх вот-вот одержит победу, Розенберг устоял свою позицию. «В нынешней ситуации», — подчеркивал он в середине ноября 1941 г., — германский рейх не может более брать на себя усиленную заботу о чужой народности, которая оказалась в нынешнем тяжелом положении не по немецкой вине». Подробнее об этом см.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 1077.

²⁴⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 2. С. 183, 184.

²⁴⁷ См.: Там же. С. 214—216, 222, 223, 235.

²⁴⁸ Там же. С. 234.

²⁴⁹ См.: *Bräutigam O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. Tübingen, 1954. S. 2; *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der Baltischen Länder 1941—1944. Zum nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki, 1973. S. 55, 64—66; *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 77; *Baumgärtner R.* Weltanschauungskampf im Dritten Reich... S. 23.

²⁵⁰ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 2. С. 238.

²⁵¹ См.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). Ser. E. Bd. 8. S. 511; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 5/1. S. 114; *Longerich P.* Propagandisten im Krieg. Die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. München, 1987. S. 210. Цель «русского комитета» состояла в том, чтобы сформулировать «историческое обоснование для нового раздела всего восточноевропейского пространства», доказать, что раздел этот обусловлен историей и международным правом и представляет собой «политическую необходимость для будущего». См.: *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. 1941—1944. О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 78.

²⁵² По этому вопросу см.: ADAP. Ser. E. Bd. 2. S. 246; Bd. 3. S. 120, 121; *Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland...* S. 145, 146.

²⁵³ См.: ADAP. Ser. E. Bd. 4. S. 222—224.

²⁵⁴ Текст указов см.: Преступные цели — преступные средства... С. 54, 55, 241. О том, что Гитлер возложил на Геринга общее руководство экономикой на подлежащих захвату советских территориях, стало известно еще в апреле 1941 г. См.: Там же. С. 24.

²⁵⁵ См.: Там же. С. 53. На заседании внешнеполитического бюро НСДАП 29 мая 1941 г., куда были приглашены представители министерства иностранных дел и военно-экономических организаций, Лейббрандт заявил даже, что деятельность Восточного министерства будет иметь прежде всего чисто пропагандистский характер. См.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. S. 156.

²⁵⁶ См.: *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder...* S. 125. Результатом этой борьбы всех против всех стали «путаница противоречащих друг другу указаний, разное поведение немецких служб по отношению к русским» и частично даже «необузданность политического мышления», как пишут авторы многолетнего труда по истории второй мировой войны, ссылаясь на архивные источники. См.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 5/1. S. 79. Между тем бывший чиновник имперского министерства по делам оккупированных восточных областей Г. Рике писал в 1949 г., что «сложная проблема управления русскими территориями... вообще не могла быть решена без тесного сотрудничества» различных немецких министерств и ведомств. См.: *Riecke H.-J. Problems im Military History with Reference to German Military Government in World War II (July 1949) // World War II. German Military Studies*. V. 22. N. Y.; L., 1979. Unpag.

²⁵⁷ См.: *Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41)*. Berl., 1970. S. 298; *Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма...* Т. 2. С. 27.

²⁵⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 1161. Rosenberg an Lammers. 14. Juni 1941; *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder...* S. 60; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 5/1. S. 115. Со своей стороны, Геринг стремился воспрепятствовать тому, чтобы Розенберг образовал свое собственное министерство экономики. См.: *Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR. 1941—1944. Dokumente*. Köln, 1980. S. 185.

²⁵⁹ Подробнее об этом см.: Преступные цели — преступные средства... С. 62, 63, 243—254; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 1. С. 152—195. См. также: *Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR...* S. 195—203; «Unternehmen Barbarossa». *Der Deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analyse, Dokumente*. Paterborn, 1984. S. 385—391.

²⁶⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 1125, 1126. Stellungnahme über das Verhältnis der Reichsminister für die besetzte Ostgebiete und des Reichskommissar für die Festigung des deutschen Volkstums. 23. Sept. 1941; *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder...* S. 125, 126; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 5/1. S. 90. «Работать с Розенбергом либо под его руководством определенно является самым трудным, что только есть в НСДАП», — жаловался Гиммлер Борману 25 мая 1941 г. См.: *Baumgärtner R. Weltanschauungskampf im Dritten Reich...* S. 23.

²⁶¹ См.: *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder...* S. 126, 129; *Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion*. S. 155; *Akten der Partei-Kanzlei...* Т. 1. Bd. 1. S. 630.

²⁶² См.: *Akten der Partei-Kanzlei...* Т. 1. Bd. 1. S. 630; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 5/1. S. 91; *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder...* S. 127; *Müller R.-D. Die Rolle der Industrie in Hitlers Ostimperium // Militärgeschichte. Probleme — Thesen — Wege*. Stuttgart, 1982. S. 394; *Bräutigam O. Überblick über die besetzten Ostgebiete...* S. 11; *Мадайтчик Ч.*

Военные цели третьего рейха на Востоке // Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе: Сб. ст. по истории так называемого «Дранга нах остен». М., 1965. С. 271.

²⁶³ См.: *Labs W.* Die Verwaltung der besetzten Ostgebiete. S. 142; *IMT. V. 27. P. 288*; *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland... S. 129; *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. S. 84; *Müller R.-D.* Die Rolle der Industrie in Hitlers Ostimperium. S. 393.

²⁶⁴ См.: *Müller R.-D.* Die Rolle der Industrie in Hitlers Ostimperium. S. 393.

²⁶⁵ См.: *ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 1161.* Rosenberg an Lammers. 14. Juni 1941; *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der Baltischen Länder... S. 126, 127; *Müller R.-D.* Die Rolle der Industrie in Hitlers Ostimperium. S. 393; *Kamenetsky I.* Secret nazi Plans for Eastern Europe... P. 71; *Majer D.* Führerunmittelbare Sondergewalten in den besetzten Ostgebieten. Entstehung und Wirksamkeit // Verwaltung contra Menschenführung im Staat Hitlers. Studien zum politisch-administrativen System. Göttingen, 1986. S. 384.

К главе 2

¹ См.: *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М., 1989. С. 5, 517; История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 6. М., 1976. С. 81—86.

² См.: Konzept für die «Neuordnung» der Welt. Kriegsziele des faschistischen deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg. Berl., 1977. S. 109, 110.

³ См., например, тезисы доклада начальника штаба оперативного руководства Йодля 7 ноября 1943 г., прочитанного рейхслейтерам и гаулейтерам в Мюнхене. См.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 477—492.

⁴ См.: Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М., 1971. С. 415.

⁵ Цит. по: Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во второй мировой войне. М., 1975. С. 249.

⁶ Анатомия войны... С. 419. На совещании в министерстве пропаганды 20 февраля 1943 г. Геббельс заявил, что сейчас нужно говорить не о «наших завоеваниях на Востоке», а о крестовом походе против большевизма. Как явствует из дневниковых записей Геббельса тех дней, он оставлял западным державам лишь один выбор — либо национал-социалистически ориентированная, либо большевистская Европа. См.: Konzept für die «Neuordnung» der Welt... S. 112, 114.

⁷ См.: Анатомия войны... С. 410—412; *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945. Bd. 2. Berl., 1985. S. 136.

⁸ См.: *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft... Bd. 2. S. 136, 152, 160, 161.

⁹ См.: *ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14166. Bl. 1.* DAF Gauleitung Moselland. Dienstblatt № 1. 15. Jan. 1943; Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). Ser. E. Bd. 4. Göttingen, 1975. S. 117, 118; *Hildebrand K.* Vom Reich zum Weltreich. Hitler, NSDAP und koloniale Frage 1919—1945. München, 1969. S. 716. В специальной директиве партийной канцелярии НСДАП от 18 декабря 1942 г. содержалось требование перейти к широкой пропаганде следующего тезиса: «В новой Европе рядом с Германией будет стоять самостоятельная сильная Италия. Италия должна пользоваться своим неприкосновенным жизненным пространством, которое она будет свободно организовывать в политической, экономической и культурной сферах в интересах всей Европы». См.: *ZStA Potsdam. FS. № 382. Bl. 64606.* NSDAP. Partei-Kanzlei. Vertrauliche Informationen. F. 79. 18. Dez. 1942.

¹⁰ См.: *ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 703—705.* Hasselblatt an Leibbrandt. 14. Dez. 1942.

¹¹ См.: *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der Baltischen Länder... S. 207.

¹² См.: *ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 722.* Besprechung beim Reichsmi-

nister für die besetzte Ostgebiete. Vortragsnotiz. 22. Dez. 1942; Bl. 728, 729. Zimmermann. Interner Zusatzbericht zu dem Protokoll der Sitzung mit den Befehlshabern der Heeresgebiete vom 18. Dez. 1942; *Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland 1941—1945. Eine Studie über Besatzungspolitik.* Königstein/Ts., 1981. S. 163, 560, 561; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация, 1941—1944. О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 260, 261; *Коваль В. С.* О политическом кризисе оккупационного режима на Украине // *Немецко-фашистский оккупационный режим, 1941—1944 гг.* М., 1965. С. 65.

¹³ ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 729. Zimmermann. Interner Zusatzbericht zu dem Protokoll der Sitzung mit den Befehlshabern der Heeresgebiete vom 18. Dez. 1942.

¹⁴ См.: *Коваль В. С.* О политическом кризисе оккупационного режима... С. 67; *Семиряга М. И.* Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // *Вопр. истории.* 1985. № 3. С. 6, 7; *Он же.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 51; *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland... S. 164; *Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart, 1970. S. 144.

¹⁵ См.: *Анатомия агрессии...* С. 251; Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (далее — IMT). V. 41. Nuremberg, 1947. P. 187. В розенберговской декларации содержался призыв к народам Восточной Европы «взяться за оружие для борьбы против большевизма». См.: *Cecil R.* The Myth on the Master Race. Alfred Rosenberg and Nazi Ideology. L., 1972. P. 214.

¹⁶ *Анатомия агрессии...* С. 250. Подобные идеи содержались и в циркулярном письме имперского министерства по делам оккупированных восточных областей от 3 декабря 1942 г. См.: *Konzept für die «Neuordnung» der Welt...* S. 99.

¹⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13380. Bl. 1775761. Riecke an Göring. 13. Jan. 1943; Bl. 1775757—1775758. Riecke an Göring. 18. März 1943.

¹⁸ См.: ADAP. Ser. E. Bd. 5. S. 36.

¹⁹ См.: *Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Dokumentation und Analyse.* Düsseldorf, 1970. S. 186—191.

²⁰ Текст Атлантической хартии см.: *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы.* Т. 1. М., 1946. С. 167; *Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы:* В 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 131, 132.

²¹ См.: *Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von Jahrhundertwende bis Mai 1945.* Berl., 1975. S. 358, 359.

²² См.: *Documents on the History of European Integration.* V. 1. Berl.; N. Y. 1985. P. 51.

²³ *Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950.* Frankfurt/Main, 1974. S. 337.

²⁴ Цит. по: *Jacobsen H.-A.* 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959. S. 286, 287.

²⁵ Государственный архив Житомирской области. Ф. Р.—1151 с. Оп. 1, д. 137, л. 13. Leyser an die Gebietskommissare. 27. März 1943. В своей директиве от 15 февраля 1943 г. Геббельс также требовал выявлять «зверства большевистской системы». См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 480. Der Reichspropagandaleiter der NSDAP an alle Reichsleiter, Gauleiter, Gaupropagandaleiter. 15. Febr. 1943.

²⁶ См.: *Rosenberg A.* Der Weltkampf und die Weltrevolution unserer Zeit. Sonderdruck der Zeitschrift «Ostland». Riga, 1943. S. 3.

²⁷ См.: *Парсаданова В. С.* К истории Катынского дела // *Новая и новейшая история.* 1990. № 3. С. 31; *Она же.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1982. С. 27—88, 113—119.

²⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны... Т. 1. С. 104.

²⁹ См.: *Haushofer A. Gedanken zur Friedensordnung. Denkschrift // Laack-Michel U. Albrecht Haushofer und der Nationalsozialismus. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Stuttgart, 1974. S. 381—395.* Американский историк Херцштейн утверждает, что идея образования «Соединенных Штатов Европы» возникла в гитлеровском рейхе сразу же после капитуляции Бельгии. Ее изложил сотрудник Риббентропа барон А. фон Штеенграхт. См.: *Herzstein R. E. When Nazi Dreams come True. The Third Reich's Internal Struggle over the Future of Europe after a German Victory. A Look at the Nazi Mentality, 1939—1945. L., 1982. P. 225, 226.*

³⁰ См.: *Haushofer A. Gedanken zur Friedensordnung... S. 382—384.*

³¹ См.: *Ibid. S. 384, 385.* Видимо, на основании высказанных А. Хаусхофером идей Риббентроп зимой 1941/1942 гг. подготовил обширный меморандум для Гитлера. Министр иностранных дел высказался в нем за проведение «европейской конференции, на которой должна быть зафиксирована и гарантирована самостоятельность и неприкосновенность европейских государств». Он поддержал идею заключения мирных договоров Германии с Францией, Бельгией, Голландией, Норвегией, Балканскими государствами и «восстановленной Польшей». Во всем этом Риббентроп видел предпосылку для достижения взаимопонимания с Англией в будущем. См.: *Ribbentrop J. Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und Letzte Aufzeichnungen. Leoni/Starnberger See, 1954. S. 257.*

³² См.: *Documents on the History of European Integration. V. 1. P. 76—78, 98—107, etc.*

³³ См.: *ZStA Potsdam. FS. № 14591. Unpag. Verschiedene Südostinformationen. Führungs-Sonderwünsche im Südosten. 4. Sept. 1941; NSDAP. Vereinigte Grenzlandämter der Gauleitungen Wien—Niederdonau. Pressestelle. Vertrauliche Mitteilungen. Südosteuropa. Wochenbericht № 137. Bl. 7; Wochenbericht № 175. Bl. 39; Wochenbericht № 183. Bl. 30; Wochenbericht № 189. Bl. 37 (здесь сообщалось о начавшейся пропаганде «венгерской доктрины Монро»); *Gadolin A. Der Norden, der Ostraum und das Neue Europa. München, 1943; Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976. С. 356; Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация. 1. IX.1939—19.XI.1942. Кишинев, 1981. С. 130, 134—136.**

³⁴ См.: *ZStA Potsdam. Akten. Auswärtiges Amt. Bd. 61120. Bl. 133—135. Steinacker an Triska. 25. März 1942; FS. № 5008. Bl. D 692608—D 692609. Thielke an Auswärtiges Amt. 17. Mai 1941; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. Berl., 1974. S. 419, 420.*

³⁵ *ADAP. Ser. E. Bd. 4. S. 510, 511; Akten der Partei-Kanzlei der NSDAP. Rekonstruktion eines verlorengegangenen Bestandes. T. 1. Bd. 1. München, 1983. S. 770.*

³⁶ См.: *ADAP. Ser. E. Bd. 5. S. 437.*

³⁷ *Ibid. S. 439.*

³⁸ См.: *Ibid. S. 440, 439.*

³⁹ См.: *Ibid. S. 440.*

⁴⁰ Цит. по: *Konzept für die «Neuordnung» der Welt... S. 109.*

⁴¹ См.: *Анатомия агрессии... С. 252, 253.*

⁴² Там же. С. 254.

⁴³ См.: *Анатомия агрессии... С. 256—270, 274—280; ADAP. Ser. E. Bd. 6. S. 413, 414; Documents on the History of European Integration. V. 1. P. 55—56, 132—145, 150—162.*

⁴⁴ См.: *Анатомия агрессии... С. 256.*

⁴⁵ Там же. С. 278.

⁴⁶ Там же. С. 267.

⁴⁷ Там же. С. 269.

- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 259.
- ⁵⁰ См.: Там же. С. 280—300.
- ⁵¹ См.: Там же. С. 282, 286—291, 297.
- ⁵² См.: Там же. С. 283.
- ⁵³ См.: Weltherrschaft im Visier... S. 355—358.
- ⁵⁴ См.: Анатомия агрессии... С. 301.
- ⁵⁵ См.: Weltherrschaft im Visier... S. 358, 359. Анализ тезисов Хунке содержится в кн.: *Herbst L.* Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft. Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939—1945. Stuttgart, 1982. S. 249—251; *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft... Bd. 2. S. 425.
- ⁵⁶ См.: Анатомия войны... С. 428; ZStA Potsdam. FS. № 2348. Bl. 1358809. Mohnssen an die Wirtschaftsinspektion Süd. 27. Aug. 1943; *Herbst L.* Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft... S. 249; *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft... Bd. 2. S. 425, 426.
- ⁵⁷ См.: Weltherrschaft im Visier... S. 358.
- ⁵⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2308. Bl. 558219. Pohl an Heinrichsbauer. 8. Okt. 1943.
- ⁵⁹ См.: Соziale Ordnung der Vernunft und der Gerechtigkeit // Neue Internationale Rundschau der Arbeit. 1944. H. 1. S. 3; Eine Europäische Sozialwissenschaftliche Aussprachetagung // Neue Internationale Rundschau der Arbeit. 1944. H. 2. S. 65.
- ⁶⁰ См.: *Funk W.* Wirtschaftsordnung gegen Währungsmechanismus // Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 3/4. S. 143—158. В подготовке текста кенигсбергской речи В. Функа принимал участие директор Института мирового хозяйства в Киле А. Предель. См.: *Herbst L.* Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft... S. 305.
- ⁶¹ См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 842—853. Bechener. Entwurf zu einem Interview für Reichswirtschaftsminister und Präsident der Deutschen Reichsbank Dr. W. Funk für die Zeitschrift «Signal». Juli. 1944.
- ⁶² См.: *Funk W.* Wirtschaftsordnung gegen Währungsmechanismus. S. 155, 157. Подробный анализ кенигсбергской речи В. Функа содержится в кн.: *Herbst L.* Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft... S. 306—308. По мнению Л. Хербста, в своей речи имперский министр экономики стремился не только объединить всех на основе страха перед большевизмом, но и показать европейцам привлекательную картину дальнейшего развития континента посредством политического коллаборационизма и экономического сотрудничества с рейхом. См.: Ibid. S. 311.
- ⁶³ См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 843. Bechener. Entwurf zu einem Interview... Juli 1944.
- ⁶⁴ См.: *Daitz W.* Vaterland und Europa. Völkische Freiheit in der europäischen Bindung // Brüsseler Zeitung. 15. Dez. 1943.
- ⁶⁵ См.: *Kühl F.* Die Idee der Völkerfamilie als sachliches und terminologisches Ordnungsprinzip // Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 3/4. S. 167.
- ⁶⁶ *Daitz W.* Zur totalen Schau durch Neuwertung aller Werte // Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 3/4. S. 14.
- ⁶⁷ Цит. по: *Kühl F.* Die Idee der Völkerfamilie... S. 167.
- ⁶⁸ *Kühl F.* Einige Klarstellungen zum Thema «Europa» // Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 2. S. 136. См. также формулировку В. Дайца: «Новая Европа не может быть учреждена посредством провозглашения конфедерации, удерж-

живаемой лишь внешне — правовым договором. Европа как осознанная биологическая целостность снова возникнет вследствие процесса естественного слияния своих народов». См.: *Daitz W. Vaterland und Europa...* // *Brüsseler Zeitung*. 15. Dez. 1943.

⁶⁹ *Kühl F. Zur Aufgabe des Reiches in der Neuordnung Europas* // *Mitteilungen des Zentralforschungsinstitutes für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft*. 1944. № 2. S. 139.

⁷⁰ См.: *Ibid.* S. 140.

⁷¹ *Ibid.* S. 141.

⁷² См.: *Ibid.* S. 141, 142.

⁷³ См.: *Daitz W. Zur totalen Schau durch Neuwertung aller Werte*. S. 18.

⁷⁴ *Ibid.*

⁷⁵ *Daitz W. Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus. Europa-Charta. Amsterdam, 1944. S. 160, 145, 146.* Дайц писал: «Общность вообще не является организмом. Она принципиально отличается от него тем, что организм является отдельной сущью (растение, человек, животное) и состоит из несамостоятельных, соединенных элементов, которые управляются центром. Напротив, общность состоит из самостоятельных, свободно движущихся членов, из особой собственной воли, которые сами добровольно объединяются в систему свободной организации согласно закону «Общее благо выше корыстолюбия». *ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1346.* *Daitz W. Die Grundsätze des europäischen Sozialismus*. 5. Sept. 1944.

⁷⁶ Наиболее важные теоретические работы В. Дайца редактировал Розенберг. См.: *ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1370.* Дайц an Koeppen. 10. Juni 1944.

⁷⁷ См.: *Poliakov L., Wulf J. Das Dritte Reich und seine Denker. Dokumente. Berl., 1959. S. 149; Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik. 1933—1939. Helsinki, 1984. S. 56; Pätzold K., Weißbecker M. Hakenkreuz und Totenkopf. Die Partei des Verbrechens. Berl., 1982. S. 352; Bollmus R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner... S. 143, 144.* Вопрос об упразднении внешнеполитического бюро НСДАП поднимался и раньше, вероятно, по инициативе Бормана. Но в октябре 1942 г. решением Гитлера деятельность бюро была продлена по меньшей мере до окончания войны. См.: *ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 443.* Puttkammer. Aktennotiz. 7. Okt. 1942. Entwurf des Antwortschreibens an Reichsleiter Bormann. По этому вопросу см. также: *Akten der Partei-Kanzlei... T. 1. Bd. 2. S. 782, 841.*

⁷⁸ См.: *Ratenieks A. Was bringt die Neuordnung Europas den europäischen Völkern. Dresden, 1942; Knudsen T. Rußland und Europa. Dresden, 1943; Meier H. Europa Wirtschaftskraft. Dresden, 1944; etc.*

⁷⁹ См.: *Daitz W. Völkischer Sozialismus — Europäischer Sozialismus* // *Nationalsozialistische Monatshefte*. 1943. Juli/Aug. S. 345—349; *Idem. Völkischer Sozialismus und europäischer Sozialismus* // *Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft*. 1944. № 2. S. 6—11 (Статья Дайца «Народный социализм — европейский социализм» упоминается в исследовании американского историка Р. Херцштейна. См.: *Herzstein R. E. The War that Hitler Won. The most infamous Propaganda Campaign in History. L., 1979. P. 163*); *Idem. Vaterland und Europa. Volkische Freiheit in der europäischen Bindung* // *Brüsseler Zeitung*. 15. Dez. 1943; *Idem. Lebensraum und gerechte Weltordnung. Grundlagen einer Anti-Atlantikcharta. Amsterdam, 1943; Idem. Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus. Europa-Charta. Amsterdam, 1944.* В 1943 г. вторым изданием вышла книга Дайца «Путь к народной экономике, великопространственной экономике и великопространственной политике». См.: *Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. Dresden, 1943.*

⁸⁰ См.: *Daitz W. Die Wiedergeburt Europas aus dem Selbstbestimmungsrecht der Lebensräume* // *Daitz W. Der Weg...* T. 3. S. 8.

⁸¹ См.: *Daitz W. Völkischer Sozialismus — Europäischer Sozialismus. S. 349;*

Idem. Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus... S. 114; ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Auslandswissenschaftliches Institut. Bd. 830. Bl. 1. *Schnadt P.* Werner Daitz' Lehre: Völkerfamilie im Lebensraum («Deutsche Zeitung in den Niederlanden». 11. April 1943).

⁸² *Daitz W.* Völkischer Sozialismus — Europäischer Sozialismus. S. 345, 349.

⁸³ *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze// Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1943. № 1. S. 12.

⁸⁴ См.: *Daitz W.* Völkischer Sozialismus — Europäischer Sozialismus. S. 346.

⁸⁵ См.: *Ibid.* S. 347; *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus... S. 48, 141. Дайц полагал, что с помощью биологического нравственного закона национал-социализму удастся «умиротворить» не только Европу, но и весь остальной мир. См.: *Ibid.* S. 141.

⁸⁶ См.: *Daitz W.* Vaterland und Europa...; *Idem.* Völkischer Sozialismus — Europäischer Sozialismus. S. 347, 348.

⁸⁷ См.: *Daitz W.* Völkischer Sozialismus — Europäischer Sozialismus, S. 347.

⁸⁸ *Daitz W.* Vaterland und Europa...

⁸⁹ См.: *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus... S. 115. Германский историк Л. Херbst отмечает, что, в отличие от выступлений имперского министра экономики В. Функа, в книге В. Дайца — «значительно ближе к основным принципам национал-социализма» — ставился под сомнение именно суверенитет отдельных государств в будущей Европе. См.: *Herbst L.* Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft... S. 309.

⁹⁰ *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus... S. 11.

⁹¹ См.: *Ibid.* S. 12, 15, 16, 25, 159, 160.

⁹² *Ibid.* S. 29.

⁹³ *Ibid.* S. 139.

⁹⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1359. Daitz an Koeppen. 13. Juli 1944.

⁹⁵ См.: *Ibid.* Bl. 1387, 1388. Daitz an Rosenberg. 1. Juni 1944.

⁹⁶ См.: *Ibid.*; *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus... S. 143.

⁹⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1341. Daitz W. Die Grundsätze des europäischen Sozialismus. 5. Sept. 1944.

⁹⁸ *Ibid.* Bl. 1390. Daitz an Rosenberg. 1. Juni 1944.

⁹⁹ *Ibid.* Bl. 1394.

¹⁰⁰ См.: *Ibid.* Bl. 1390, 1391.

¹⁰¹ См.: *Ibid.* Bl. 1416, 1417. Daitz an Rosenberg. 30. Juni 1943.

¹⁰² См.: *Ibid.* Bl. 1415. Entwurf einer Verfügung von Rosenberg. Juni 1943.

¹⁰³ См.: *Ibid.* Bl. 1400. Daitz an Rosenberg. 5. Mai 1944.

¹⁰⁴ См.: *Ibid.* Bl. 1399; Bl. 1447. Ebert an Rosenberg. 30. Jan. 1944. О рпыне «Коллаборасьон» см.: ADAP. Ser. E. Bd. 6. S. 319; *Littlejohn D.* The Patriotic Trators. A History of Collaboration in German Occupied Europa 1940/1945. L., 1972. P. 222.

¹⁰⁵ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1447. Ebert an Rosenberg. 30. Jan. 1944; Bl. 1398. Daitz an Rosenberg. 5. Mai 1944; ZStA Potsdam. Akten. Auwärtiges Amt. Bd. 68908. Bl. 1. Deutsche Botschaft in Paris an Auswärtiges Amt. 3. Aug. 1944; Collaboration in den Praxis// Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 2. S. 166, 167.

¹⁰⁶ См.: ZStA Potsdam. Akten. Auswärtiges Amt. Bd. 68908. Bl. 1, 2. Deutsche Botschaft in Paris an Auswärtiges Amt. 3. Aug. 1944; ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1398. Daitz an Rosenberg. 5. Mai. 1944.

¹⁰⁷ См.: ZStA Potsdam. Akten. Auswärtiges Amt. Bd. 68908. Bl. 2. Deutsche Botschaft in Paris an Auswärtiges Amt. 3. Aug 1944; ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1398—1400. Daitz an Rosenberg. 5. Mai 1944; Bl. 1406. Daitz an Koeppen. 29. März 1944.

¹⁰⁸ См.: Das erweiterte Forschungsprogramm des Europa-Instituts// Mitteil-

ungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 3/4. S. 199—201.

¹⁰⁹ Ibid. S. 199, 200.

¹¹⁰ См.: Collaboration in den Praxis. S. 166; Herzstein R. E. When Nazi Dreams come True... P. 122—124.

¹¹¹ ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1381. Payr B. Napoleons Kontinentalpolitik als Vorläuferin der Europapolitik des Reiches. Vortrag von W. Daitz, gehalten am 4. März 1944 in der Maison de la Chimie zu Paris vor Anhängern der «Collaboration-Bewegung». O. D.

¹¹² См.: Ibid. Bl. 1382.

¹¹³ См.: Ibid. Bl. 1381—1384; Bl. 1380. Payr an Koeppen. 31. Mai 1944; ZStA Potsdam. FS. № 13673. Koeppen an Payr. 22. Mai 1944.

¹¹⁴ См.: Daitz W. La politique continentale de Napoleon, anticipation de la politique européenne du Reich // Collaboration. Mars — avril. 1944.

¹¹⁵ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1379. Koeppen an Daitz. 8. Juni 1944.

¹¹⁶ Ibid. Bl. 1383. Payr B. Napoleons Kontinentalpolitik als Vorläuferin der Europapolitik des Reiches. Vortrag von W. Daitz... См. также: Daitz W. Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus... S. 27.

¹¹⁷ ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1384. Payr B. Napoleons Kontinentalpolitik als Vorläuferin der Europapolitik des Reiches. Vortrag von W. Daitz...

¹¹⁸ См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 225, 226. Zweite Arbeitstagung des Einsatzstab von Reichsleiter Rosenberg in Ratibor am 5. bis 7. Mai 1944.

¹¹⁹ См.: Ibid. Bl. 227.

¹²⁰ Ibid. Bl. 227, 228, 230.

¹²¹ См.: Шуманн В. Кризис гитлеровского фашизма. Стратегические концепции германского империализма в конце второй мировой войны // Ежегодник германской истории. 1983. М., 1984. С. 123.

¹²² См.: ZStA Potsdam. FS. № 13673. Bl. 4916742. Hölzle an Höhn. 19. Juli 1944; Bl. 4916741. Härtle an Koeppen. 31. Aug. 1944.

¹²³ См.: Государственный архив Житомирской области. Ф. Р—1151 с. Оп. 1, л. 162, л. 4. Amtsblatt des Reichsministers für die besetzte Ostgebiete. Ausgabe A. Berl., 28. Juli 1943. S. 3.

¹²⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1489. Nikuradse an Koeppen. 2. Juni 1944. Дайц стремился подключить институт профессора Никурадзе к выполнению своей евросоциалистической программы. См.: Ibid. Bl. 1400. Daitz an Rosenberg. 5. Mai 1944.

¹²⁵ См.: Ibid. Bl. 682. Utikal an Wunder. 3. Juli 1944; Bl. 684. Verzeichnis der Sachgebiete der Ostbücherei des Einsatzstabes Rosenberg für die besetzte Gebiete, für welche bei der Kontinentaleuropäischen Forschung Interesse bestehen. O. D.; Bl. 678. Utikal an Wunder. 9. Aug. 1944; Bl. 812. Nikuradse an Utikal. 8. Nov. 1944.

¹²⁶ См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 276. Der Einsatzstab von Reichsleiter Rosenberg am Jahresschluß 1944. Ansprache des Stabsführers Pg. Utikal zur Dienstbesprechung am 16. 12. 1944 in Ratibor.

¹²⁷ См.: Ibid. Bl. 276 R. Седьмого ноября 1944 г. Г. Утикаль передал отчетный доклад оперативного штаба статс-секретарю партийной канцелярии Г. Клопферу. Последний пообещал обратить внимание Бормана на «значение позитивной работы штаба», а также сообщить розенберговскому сотруднику время, благоприятное для представления доклада Гитлеру. См.: Akten der Partei-Kanzlei... T. 1. Bd. 1. S. 1013.

¹²⁸ ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 99. Proksch R. Auszug aus dem Monatsbericht 5/1944. Die Arbeitstagung in Ratibor.

¹²⁹ Ibid. Bl. 268. Der Einsatzstab von Reichsleiter Rosenberg am Jahresschluß 1944. Ansprache des Stabsführers Pg. Utikal... am 16. 12. 1944 in Ratibor.

¹³⁰ Ibid. Bl. 282.

- ¹³¹ Ibid. Bl. 123, 124. Antwortschreiben des R. Proksch an Prof. Dubrowski vom 11. Jan. 1945.
- ¹³² Ibid. Bl. 106—107. Auszug aus einer Stellungnahme zu der Arbeit von Dr. Will vom 30. Aug. 1944.
- ¹³³ Ibid. Bl. 115, 116. Proksch R. Auszug aus einem Brief an der Chef des «Georg Westermann Verlages», Braunschweig, vom 9. Okt. 1944.
- ¹³⁴ Ibid. Bl. 123, 124. Antwortschreiben des R. Proksch an Prof. Dubrowski vom 11. Jan. 1945.
- ¹³⁵ Ibid. Bl. 123.
- ¹³⁶ Ibid. S. 125.
- ¹³⁷ Ibid. Bl. 260, 261. Auszug aus dem Bericht des Stabseinsatzführers R. Proksch anlässlich der Arbeitstagung des Einsatzstabes von Reichsleiter Rosenberg in Ratibor am 17.12.1944 zu der Frage: um die «Neugestaltung der deutschen Ukrainepolitik».
- ¹³⁸ Ibid. Bl. 262.
- ¹³⁹ Ibid. Bl. 109. Proksch R. Auszug aus einem Brief an Frau Wiedemann, Schriftleiterin der «Aktion», vom 13. Sept. 1944.
- ¹⁴⁰ CM.: Ibid. Bl. 124, 126. Antwortschreiben des R. Proksch an Prof. Dubrowski vom 11. Jan. 1945.
- ¹⁴¹ Ibid. Bl. 109. Proksch R. Auszug aus einem Brief an Frau Wiedemann, Schriftleiterin der «Aktion», vom 13. Sept. 1944.
- ¹⁴² CM.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Göttingen, 1955. S. 210; *Rosenberg A.* Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. München, 1942. S. 2.
- ¹⁴³ CM.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 126. Antwortschreiben des R. Proksch an Prof. Dubrowski vom 11. Jan. 1945.
- ¹⁴⁴ CM.: Ibid. Bl. 124; Bl. 115. Proksch R. Auszug aus einem Brief an Chef des «Georg Westermann Verlages»... vom 9. Okt. 1944.
- ¹⁴⁵ Ibid. Bl. 240. Auszug aus dem Bericht des Stabseinsatzführers R. Proksch... am 17.12.1944 zu der Frage: um die «Neugestaltung der deutschen Ukrainepolitik».
- ¹⁴⁶ Ibid.
- ¹⁴⁷ CM.: Ibid. Bl. 249, 254—256, 259, 262.
- ¹⁴⁸ ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1395. Daitz an Rosenberg. 1. Juni 1944.
- ¹⁴⁹ CM.: Ibid. Bl. 1337. Daitz an Rosenberg. 5. Sept. 1944; Bl. 1348. Daitz W. Die Grundsätze des europäischen Sozialismus. 5. Sept. 1944; Weltherrschaft im Visier... S. 372.
- ¹⁵⁰ ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1326, 1327. Daitz an Rosenberg. 27. Sept. 1944.
- ¹⁵¹ ZStA Potsdam. FS. № 13671. Bl. 4913220, 4913221. Grundsätzliche Besprechungspunkte mit Reichsleiter Bormann über die Konzentration der Kräfte. 7. Sept. 1944.
- ¹⁵² CM.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 138. Bl. 129. Rosenberg an Bormann. 19. Mai 1944.
- ¹⁵³ Подробное изложение розенберговского меморандума от 1 августа 1944 г. см.: *Herzstein R. E.* When Nazi Dreams come True... P. 65, 66.
- ¹⁵⁴ CM.: ZStA Potsdam. FS. № 13671. Bl. 4913313. Rosenberg an Bormann. 7. Aug. 1944; Akten der Partei-Kanzlei... T. 1. Bd. 2. S. 1041.
- ¹⁵⁵ CM.: ZStA Potsdam. FS. № 13671. Bl. 4913313—4913314. Rosenberg an Bormann. 7. Aug. 1944.
- ¹⁵⁶ ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 523. Lammers an Rosenberg. 10. Aug. 1944.
- ¹⁵⁷ По этому вопросу см.: ADAP. Ser. E. Bd. 8. S. 510, 511, 629, 630, 635, 636; *Reitlinger G.* The House built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia 1939—1945. L., 1960. P. 367.
- ¹⁵⁸ CM.: IMT. V. 41. P. 185—194.

- ¹⁵⁹ Ibid. P. 192, 193.
- ¹⁶⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1332—1336. Daitz W. Denkschrift über Europa-Propaganda. 8. Sept. 1944.
- ¹⁶¹ См.: Ibid. Bl. 1330, 1331. Kühl F. Mitwirkung des Propagandaministeriums an Europa-Propaganda. 13. Sept. 1944.
- ¹⁶² См.: Ibid. Bl. 1334, 1335. Daitz W. Denkschrift über Europa-Propaganda. 8. Sept. 1944.
- ¹⁶³ Ibid. Bl. 1325, 1326. Daitz an Rosenberg. 27. Sept. 1944.
- ¹⁶⁴ Ibid. Bl. 1325.
- ¹⁶⁵ Ibid. Bl. 1326.
- ¹⁶⁶ Ibid.
- ¹⁶⁷ См.: Ibid. Bl. 1336. Daitz W. Denkschrift über Europa-Propaganda. 8. Sept. 1944.
- ¹⁶⁸ См.: Ibid. Bl. 1330, 1331. Kühl F. Mitwirkung des Propagandaministeriums an Europa-Propaganda. 13. Sept. 1944; Bl. 1329. Daitz an Koeppen. 18. Sept. 1944; Bl. 1328. Koeppen an Daitz. 22. Sept. 1944.
- ¹⁶⁹ См.: Akten der Partei-Kanzlei... T. 1. Bd. 1. S. 1013, 1019; Bd. 2. S. 1067.
- ¹⁷⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13681. Bl. 941—967. Rosenberg A. Der einige Kontinent. 16. Nov. 1944.
- ¹⁷¹ Осенью 1944 г. Никурдзе писал: «Для нас ядром любой организации мира становится Европа... Без Европы вообще невозможна организация мира... Без рейха нет никакой Европы и без Европы — никакого рейха». См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1476. Nikuradse A. Notiz für die Besprechung mit SS-Obergruppenführer Berger über die Zusammenarbeit der Kontinentaleuropäischen Forschung mit dem SS-Hauptamt. O. D.
- ¹⁷² См.: ZStA Potsdam. FS. № 13681. Bl. 948, 956, 960, 962. Rosenberg A. Der einige Kontinent. 16. Nov. 1944.
- ¹⁷³ Ibid. Bl. 967.
- ¹⁷⁴ См.: Ibid. Bl. 946, 948, 949, 956.
- ¹⁷⁵ См.: Ibid. Bl. 961.
- ¹⁷⁶ См.: Ibid. Bl. 955.
- ¹⁷⁷ См.: Völkischer Beobachter. Berl., 13. Dez. 1944.
- ¹⁷⁸ См.: Ibid. 15. Dez. 1944.
- ¹⁷⁹ См.: Weltherrschaft im Visier... S. 378.
- ¹⁸⁰ См.: Ibid. S. 377.
- ¹⁸¹ См.: Ibid. S. 381—383; Völkischer Beobachter. Berl., 31. Jan. 1945.
- ¹⁸² Weltherrschaft im Visier... S. 382.
- ¹⁸³ См.: Ibid. S. 382, 383.
- ¹⁸⁴ См.: Розанов Г. Л. Конец «третьего рейха». М., 1990. С. 117—119.
- ¹⁸⁵ См.: Там же. С. 120.
- ¹⁸⁶ См.: Там же. С. 122—123.
- ¹⁸⁷ См.: Там же. С. 127.
- ¹⁸⁸ См.: Völkischer Beobachter. Berl., 1. März. 1945.
- ¹⁸⁹ Goebbels J. Tagebücher. 1945. Die letzte Aufzeichnungen. Hamburg, 1977. S. 271.
- ¹⁹⁰ Ibid. S. 521.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абец О. 111
Айке Р. 146
Айхгольц Д. 145, 154, 157
Александр II, король Югославии 62
Альбрехт 94
Альсдорф 151
Андрес 141
Аникеев А. А. 138
Антонеску И. 64, 92

Бакке Г. 35, 36
Балелла 43
Барту Л. 62
Баумгэртнер Р. 148, 152, 153
Безыменский Л. А. 138
Белли В. А. 144
Белоусова З. С. 149
Бербер 94
Бергбан Ф. 147
Бергер Г. 162
Бернабей 145
Бертельзон А. 49
Бертен Ф. 149
Бессонов Б. Н. 138
Бест В. 10—13, 15, 21, 30—32, 34—36, 46, 139, 140, 142, 146
Бехенер 157
Бехтель Г. 145
Бисмарк О. 23, 141
Бишелоунэ 111
Бланк А. С. 139
Боголепов В. П. 144
Больмус Р. 147, 148, 155, 158
Борман М. 48, 49, 57, 81, 125, 147, 152, 153, 158, 160, 161
Браувейлер 129
Де Бриннон 111
Бройтигам О. 152, 153
Бросчат М. 142
Бурдерон Р. 139
Бурлацкий Ф. М. 138
Буххейм Г. 142
Бюркель П. 42, 145

Вагеман Э. 47
Вагенер О. 47
Вагнер 94

Вайсбекер М. 147, 158
Везенмейер Э. 64
Вейгман В. 145
Вейс В. 132
Вейцекер Э. 148, 155
Видеман М. 120, 161
Виль 161
Де Виль П., ван 131
Виль Э. 94
Вильсон В. 11
Власов А. А. 79, 88, 110, 126
Вулф П. 143, 148, 158
Вундер 160

Гадолин А. 156
Галкин А. А. 138, 139
Гальдер Ф. 145, 147, 149
Гартлиб В. 149
Гаус Ф. 94
Геббельс П. 6, 7, 65, 84, 85, 87, 88, 123, 128, 129, 131, 132, 134, 135, 148, 150, 154, 155, 162
Гейдрих Р. 35, 57
Геринг Г. 39, 44, 47, 52, 54, 63, 66, 67, 69, 77, 81, 82, 87, 136, 150—153, 155
Гесс Р. 15, 45, 48, 54, 67, 136
Гиммлер Г. 6, 7, 10, 20, 31, 35, 36, 44, 45, 57, 66, 69, 81—83, 86—88, 116, 123, 126, 137, 139, 153
Гинцберг Л. И. 138, 139, 143
Гитлер А. 7, 9, 10, 34, 44, 54—56, 61, 67, 69, 70, 74, 81—85, 87, 88, 91, 92, 95, 96, 99, 120, 123, 125—127, 133, 134, 139, 143, 145, 147, 148, 150, 151, 153, 154, 156, 158, 160
Гога О. 62, 64
Гогенпаль 146, 147
Де Голль Ш. 80
Гранцов В. 35
Григорьянц Т. Ю. 142
Гринцин 116
Гроос О. 35, 36, 144
Гроссер Г. 42, 144
Грухман Л. 139, 140
Грэвель В. 145
Грюнбек 147, 151
Гут К. 148

Гуттерер Л. 35

Дайц В. 11, 12, 14—18, 20—29, 31, 34, 35, 37, 38, 40—44, 46—52, 56, 66, 70—72, 76, 80, 85, 100—114, 117, 119, 120, 123—125, 127—132, 140—147, 151, 157—162

Даллин А. 151, 153—155

Дарре В. 36, 39, 45, 63, 69, 136

Дашичев В. И. 138, 139, 146, 149, 150, 151, 153, 154

Деа М. 131

Деборин А. М. 138

Дегрель Л. 91, 131

Дин А. 35

Дитрих О. 129, 131

Дрекслер О. 80

Дубровски 119, 161

Екель Э. 143

Еремеев Л. М. 144

Ерусалимский А. С. 5, 138, 139

Жиордано Р. 8, 139

Зандиг К. 51

Заукель Ф. 79

Зейс-Инкварт А. 148

Зельцнер К. 35

Зергель Г. 141

Зибер Э. 51

Зикс Ф. 94

Зыруп Ф. 35

Зюндерман Г. 131

Имхоф 51

Инсабато Э. 65

Де Йонг Л. 150

Йодль А. 154

Каменецки И. 142, 154

Квислинг В. 60—62, 91, 109, 127, 149

Кейтель В. 81

Кеппен В. 158—160, 162

Керрл Г. 40

Кинг 89

Клейнман В. 35

Клем 151

Клоппер Г. 160

Клюке П. 139

Кнудсен Т. 158

Коваль В. С. 155

Комарица С. 150

Кох Э. 80, 122

Краусник Г. 142

Кремер В. 150

Кульков Е. Н. 138

Куске Б. 145

Куусисто З. 149, 158

Кюль Ф. 101, 102, 127, 129, 157, 158, 162

Лаак-Михель У. 156

Лабс В. 75, 151, 152, 154

Лаваль П. 92

Ламмерс Г. 65, 81, 82, 125, 126, 150, 153, 154, 161

Ланг С. 139

Ланге К. 49, 147

Ландфрид Ф. 51

Лебедев Н. И. 156

Лебедева Н. С. 138

Левит И. Э. 156

Лей Р. 144

Лейббрандт Г. 64—67, 80, 86, 150, 151, 153, 154

Лейзер 89, 155

Лерх В. 35

Литлджон Д. 159

Лозе Г. 80, 150

Лонгерих П. 152

Лонгерт В. 11, 16, 49, 50, 51

Лукач Д. 149

Лютцхефт Г.-Ю. 149

Люшер 111, 112

Мадайчик Ч. 153

Майер 116

Майер Д. 142, 154

Майер Т. 145

Макарова Л. М. 138

Маллетке В. 64, 77, 80, 152

Мароцке В. 35

Маулик П. 148

Мегерле 94

Меервальд В. 35

Мейер Г. 158

Мельников Д. Е. 138

Меркер П. 143, 144

Мерцалов А. Н. 138

Мерцалова Л. А. 138

Михель 111

Монро Дж. 139

Монсен 157

Мук О. 101

Мус Г. 35, 40

Муссерт А. 91, 109, 127

Муссолини Б. 43, 65, 92

Муков Г. 117, 129, 132, 133

Мыльниemi З. 152—154

Мэлике 129

- Мюке 116
 Мюлен, фон цур 115
 Мюллер Н. 152, 155
 Мюллер Р.-Д. 153, 154

 Наполеон I 112, 113, 160
 Никурадзе А. 116, 130, 133, 160, 162
 Ницше Ф. 21, 102
 Нойлен Г. 8, 139
 Нольте Э. 147
 Носкова А. Ф. 142

 Одич С. 149
 Одуев С. Ф. 138

 Паволини 145
 Пайр Б. 113, 114, 160
 Парсаданова В. С. 155
 Петерсен О. 148
 Петцольд Я. 146
 Политова Ю. М. 142
 Поляков Л. 143, 148, 158
 Поэнсген Г. 148
 Поэнсген Э. 148
 Предель А. 35, 40, 42, 145
 Прецнози 65, 150
 Прокш Р. 74, 114—123, 160, 161
 Проэктор Д. М. 138
 Путкамер 158
 Пэтцольд К. 147, 158

 Размеров В. В. 138
 Райнис Ф. 131
 Райтлингер Дж. 161
 Ран Р. 95—97
 Рат К. 145
 Ратенау В. 39
 Ратениекс А. 158
 Рахшмир П. Ю. 138
 Рейнбабен В. 152
 Рейнхардт Ф. 145
 Рейхерт 148
 Рентельн А. 80
 Ренте-Финк С. 95—97
 Рериг Ф. 145
 Ржешевский О. А. 138
 Риббентроп И. 6—8, 20, 37, 44, 52, 53,
 61—67, 69, 81, 84, 89, 90, 92—95,
 97—100, 103, 113, 123, 126, 128, 133,
 134, 136, 137, 150, 152, 156
 Рике Г.-Ю. 153, 155
 Ринтелен 94
 Рихельт 116
 Рич Н. 143
 Розанов Г. Л. 133, 138, 162
 Розенберг А. 6—8, 11, 12, 20, 22, 29
 34, 37, 39, 40, 44, 45, 52—70, 72—84,
 86—90, 92, 100, 103, 104, 109—137,
 139, 141, 144, 145, 147—155, 158—162
 Рузвельт Т. 11
 Рузвельт Ф. 113
 Рунштедт Г. 111
 Руст Б. 40
 Рюле 94

 Самсонов А. М. 154
 Семенов И. В. 138
 Семенов Ю. 141
 Семиряга М. И. 138, 142, 155
 Скарфольо К. 42, 43
 Сталин И. В. 80, 89, 113
 Стиннес Г. 39
 Сэсил Р. 155

 Тауберт Э. 150
 Тильке 156
 Тиссен А. 39
 Титулеску Н. 62
 Томас Г. 39, 41, 144
 Томс В. 51
 Триска Г. 87, 156
 Трючлер Г. 94, 141, 151

 Уистрич Р. 143
 Унгер А. 141
 Утикаль Г. 57, 117, 148, 151, 160
 Ушаков В. Б. 138

 Фален Т. 35
 Федер Г. 47
 Филатов М. Н. 139
 Филитов А. М. 138
 Фишбек Г. 42
 Фляйшхауэр И. 142, 152—154
 Фовинкель К. 19, 20, 141
 Фрайслер Р. 35, 36, 143
 Франк Г. 67, 75, 150
 Френцель 94
 Фриче Г. 129
 Фровейн Г. 95—97
 Функ В. 39, 44, 45, 47—49, 51, 52, 69,
 99, 136, 146, 157, 159
 Фус 51

 Хайнрихсбауэр А. 42, 145, 157
 Хам Э. 145
 Хартнак 51
 Хассельблат В. 86, 154
 Хаусхофер А. 90, 91, 156
 Хаусхофер К. 19, 20, 141
 Хельферих К. 39
 Хельцле 160

Хен Р. 11—15, 34—36, 115, 116, 140, 145, 160

Хенке 94

Хербст Л. 144, 157, 159

Херцшайн Р. 8, 139, 147, 156, 158, 160, 161

Хессе Ф. 134

Хильдебранд К. 154

Хольфельдер А. 132

Хубер Э. 101, 102

Хунке Г. 35, 37, 46, 98, 99, 144—146, 157

Хэртле Г. 74, 114—116, 160

Цанген В. 47, 148

Цимерман 155

Чаммер унд Остен Г. 35, 42, 43

Челышев И. А. 138

Чемпалов И. Н. 146

Черная Л. Б. 138

Чихон Э. 38, 39, 144, 147

Швабе К. 139

Шейдт Г. 77, 80

Шенк Э. 139

Шикеданц А. 61, 64, 65, 79, 80, 150

Шлоттерер Г. 45—47, 51, 77, 145

Шмиден 94

Шмидт 94

Шмитт К. 10—15, 18, 19, 34, 35, 90, 94, 96, 102, 139, 140

Шмитхеннер 51

Шнадт П. 29, 142, 159

Шой Э. 35

Шпеер 116

Шпеер А. 84, 85

Шпенглер О. 102, 103

Штайнакер 156

Штеенграхт А. 94, 156

Штейнберг В. 148

Штельрехт Г. 73, 74, 151

Штокхорст Э. 143, 144

Штрассер Г. 47

Штуккарт В. 11, 12, 15, 30, 32—36, 140, 142, 143

Штюльпнагель О. 111

Шуберт 150

Шульц Б. 145

Шуманн В. 160

Шустер Э. 51

Шюрман А. 141, 145

Эберт Г. 56, 76, 111, 112, 148, 159

Якобсен Г.-А. 141, 142, 155

Научное издание

Буханов Валентин Александрович

ГИТЛЕРОВСКИЙ
«НОВЫЙ ПОРЯДОК» В ЕВРОПЕ
И ЕГО КРАХ
1939—1945
(идейно-политические проблемы)

Редактор *Е. И. Маркина*
Технический редактор *А. И. Долженко*
Корректор *Л. В. Голава*

ИБ № 623

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020227
выдана 08.10.91

Сдано в набор 26.05.93. Подписано к печати 11.02.94.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура академическая.
Печать высокая. Уч.-изд. л. 11,6. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 200.

Издательство Уральского университета.
620219 Екатеринбург, ГСП-830, пр. Ленина, 13б.
ИПП «Уральский рабочий».
620219 Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.